ISSN 0207—7167

64308

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 8

64308
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Йошкар-Ола 1993

Ш 166.32
В 74

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории

В сборнике освещаются совершенно не изученные или мало изученные вопросы марийской ономастики: топонимии, зоонимии и фитонимии. На основе архивных данных и полевых материалов раскрывается их происхождение, определяется относительная хронология их возникновения, развития, устанавливаются межъязыковые соответствия, которые способствуют решению некоторых проблем исторической лексикологии.

Сборник может быть полезен лингвистам, этнографам, фольклористам, историкам, занимающимся изучением финно-угорских и тюркских языков.

Составитель — А. С. ЕФРЕМОВ

Редакционная коллегия:
И. С. ГАЛКИН (отв. ред), А. С. ЕФРЕМОВ

1—92

© Марийский научно-исследовательский институт, 1993

И. С. Галкин

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Названия месяцев в современном марийском языке те же самые, что и в русском, т. е. древнеримские: *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*. Все они вошли в марийский язык из русского языка. Марийские народные названия месяцев после принятия марийцами христианства постепенно вышли из употребления.

Древнеримский год до реформы Гая Юлия Цезаря (45 г. до н. э.) был аграрным с 10 месяцами, начинался с марта месяца, а не с января. Первоначально месяцы обозначались порядковыми числительными, а к концу VIII в. до н. э. четыре из них получили индивидуальные названия: *март* — мартиус, в честь бога войны Марса; *апрель* — апрелис, связан с глаголом аперире — прорастать, раскрывать; *май* — майус, назван в честь богини Майи; *июнь* — юниус, был посвящен богине Юноне.

В VII в. до н. э. римский календарь стал лунно-солнечным с 355 сутками и появились дополнительно два месяца: *январь* — януариус, в честь бога Януса, и *февраль* — фебрариус, в честь бога подземного царства Фебрууса.

С 1 января 45 г. до н. э. начал действовать солнечный календарь с продолжительностью года в $365^{1}/_{4}$ суток и получил название юлианского. Названиями месяцев календаря пользуется в настоящее время большинство стран мира.

До вхождения марийского края в состав России и марийский народный календарь знал свои названия месяцев. Не все названия для всех марийцев были едины-ми. Иногда даже у одних и тех же марийцев тот или иной месяц мог иметь два-три названия.

Так, в восточно-марийском словаре Х. Паасонена (материал он собирал в Чураево Бирского уезда в ап-

реле-июле 1900 года) приводятся следующие марийские названия месяцев: *кырлас тылызе* — январь; *пургыжж тылызе* — февраль; *кылме тылызе* — март; *вӱдшож тылызе* — апрель; *ага тылызе* — май; *кӱсӧ тылызе* — июнь; *чеҥла тылызе* — июль; *угинде кочмо тылызе* — август; *вӱт йӱкшымӧ тылызе* — сентябрь; *покро тылызе* — октябрь; *сӧс тылызе* — ноябрь; *изи кырлас тылызе*— декабрь.

Кроме того, весной в определенные годы добавлялся тринадцатый месяц: *Утым тылызе* — забытый месяц (Паасонен 1948:152).

В том же Бирском уезде в с. Березовка по данным архива АН СССР в 1851 году зафиксированы несколько иные марийские названия месяцев: *куго кырлась* — большая стужа — январь; *изе кырлась* — меньшая стужа — февраль; *кылме тылзе* — март; *вӱтшуэ тылзе* — воды киснущей месяц — апрель; *ага тылзе* — месяц полевых работ — май; *синся тылзе* — жара солнечного месяц — июнь; *угинде тылзе* — новых хлебов месяц — июль; *спас тылзе* — месяц спаса — август; *шыже тылзе* — осени месяц — сентябрь; *сюзь тылзе* — богатства месяц — октябрь; *кюсю тылзе* — богомоления месяц — ноябрь; *теле тылзе* — зимы месяц — декабрь.

В другом архивном источнике указаны другие варианты: *у ий тылзе* —январь; *пургыж тылзе* — февраль; *рошто тылзе* — март; *вӱтшор тылзе* — апрель; *ага тылзе* — май; *изи кырлась — кеҥеж тылзе* — июнь; *кугу кырлась — кеҥеж рӱдӧ тылзе* — июль; *спаш тылзе, шурно погымо тылзе, вӱт йӱкшымӧ тылзе* —— август; *вӱт йӱкшымӧ тылзе, шыже тылзе* — сентябрь; *покро тылзе* — октябрь; *йӱштӧ тылзе* — ноябрь; *шорыкйол тылзе* — декабрь.

В третьем источнике почти каждый месяц имеет по два названия: *у ий тылзе, изи кырлас* — январь; *пургыж тылзе* — февраль; *кылме тылзе, рошто тылзе* — март; *ага тылзе* — май; *сынса тылзе, изи кырлас* — июнь; *чыҥла тылзе, кугу кырлас* — июль; *спаш тылзе, шыже ага тылзе* — август; *вӱд йӱкшымӧ тылзе, ӱдымӧ тылзе* — сентябрь; *сес тылзе, покро тылзе* — октябрь; *кӱсӧ тылзе, йӱштӧ тылзе* — ноябрь; *шорыкйол тылзе — кугу кырлас* — декабрь.

Двоякость названий в данном списке объясняется, видимо, фиксацией их в разных регионах. Об этом свидетельствует употребление названий *изи кырлас*

и *кугу кырлас* для января, декабря и июня, т. е. для выделения самых холодных и самых жарких месяцев в году.

Интересны некоторые названия месяцев, извлеченные из рукописных словарей XVIII—XIX вв. О. А. Сергеевым: *у тылзе* — январь; *пургыж тылзе — февраль; рошто тылзе — куэломыж тылзе* — март; *вӱдшӧр тылзе* — апрель; *ага тылзе* — май; *изе кырлась, кӱсьӧ тылзе* — июнь; *куго кырлась* — июль; *спаш тылзе, идуръ* — август; *вӱд йӱкшемдыме тылзе* — сентябрь; покро тылзе — октябрь; *йӱштӧ тылзе* — ноябрь; *шорчол тылзе* — декабрь.

А. Е. Китиков в книге «Марийские народные приметы» приводит весьма интересные данные, к сожалению, только без указания места записи. Правда, в текстах нами обнаружено несколько названий с указанием паспорта: *ага тылзе* — май (д. Кугенер Советского района, п. Нолька Медведевского района Марий Эл), *вӱдшор тылзе* — апрель (п. Нолька Медведевского района Марий Эл), *пургыж тылзе* — февраль (д. Мари-Шои, Йывансола Куженерского района, д. Ӱлылсола Моркинского района, п. Новый Торъял Новоторъяльского района Марий Эл, д. Йошкар-Памаш Бирского района Башкирии).

Однако материал очень богат своими вариантами: январь — *у ий тылзе* «месяц нового года»; февраль — *пургыж тылзе* «месяц буранов, метелей»; март — *кылме тылзе* «месяц утренников», *шошо тылзе* «месяц весны»; апрель — *вӱдшор тылзе* «месяц разлива, половодья»; *вӱдшуэ тылзе* «месяц половодья», *кайык толмо тылзе* «месяц прилета птиц»; май — *ага тылзе* «месяц полевых работ», *саска пеледме тылзе* «месяц цветов» (вост.), *мланде кошкымо тылзе* «месяц высыхания земли»; июнь — *изи кырлась* «малый кырлась»; июль — *кугу кырлась* «большой кырлась», *шырка тылзе* «месяц цветения колосовых», *шурно, емыж кӱймӧ тылзе* «месяц созревания хлебов, ягод»; август — *у шурно (кинде) тылзе* «месяц нового урожая (хлеба), *спас тылзе* «месяц Спаса», *шыжага тылзе* «месяц осенних полевых работ», *уржа ӱдымӧ тылзе* «месяц посева ржи»; сентябрь — *вӱд йӱкшымӧ тылзе* «месяц остыва воды», *пакча емыж (паренге) тылзе* «месяц овощей (картошки)», *идым тылзе* «месяц гумна»; октябрь — *сӧса тылзе* «месяц кистей», *кырпак тылзе* «месяц первого сне-

га», *покро тылзе* «месяц Покрова», *чыве-агытан тылзе* «месяц кур и петухов»; ноябрь — *кӱсӧ тылзе* «месяц молений» (в священных рощах), *йӱштӧ тылзе* «месяц морозов», *шорык-тага тылзе* «месяц овец и баранов» (готовили мясо); декабрь — *шорыкйол тылзе* «месяц праздника Шорыкйол», *кугу шыл (имне) тылзе* «месяц большого мяса (лошади)» (Китиков 1989:261).

Из приведенных списков видно, что марийские названия месяцев весьма разнообразны. Они различаются регионально. Наличие нескольких названий в одном документе говорит, по всей видимости, о том, что запись была произведена в различных населенных пунктах. Основанием для наименования того или иного месяца в основном служили хозяйственная деятельность, природные условия и религиозные праздники языческого и христианского характера.

Рассмотрим варианты названий по месяцам.

январь

1. *У ий тылзе* — месяц нового года.
2. *Кырлас тылызе* — месяц стужи.
3. *Куго кырлась* — большая стужа.
4. *У тылзе* — новый месяц.

Название *у ий тылзе* «Новогодний месяц» дано по Юлианскому календарю, ибо в январе по Юлианскому календарю начинается новый год. Это название, надо думать, марийцы дали после принятия христианства.

Связано ли название *у тылзе* — новый месяц с новолунием? Судить трудно. Возможно, здесь при записи выпало слово *ий* — год.

Другие же названия: *кырлас тылызе* «месяц стужи» и *«куго кырлась* «большая стужа» древнее первого и пришли они к марийцам из тюркских языков и, прежде всего, из чувашского, о чем говорит его чувашское соответствие с конечным мягким свистящим *с (с')*: *кăрлăç* «назв. месяца январь» (Ашмарин 1934, VII:180), *мăн кăрлач* «январь» (там же). Слово *мăн* в чувашском языке означает «большой». А. Ф. Риттих чувашское название *Мункырлач-ойх* переводит как «большой оцепеняющий месяц, часть декабря и января» (Риттих 1870: 67).

А. А. Фукс его называет «большой крутой месяц (сильно морозный, часть декабря и Генваря)» (Фукс 1840:165).

В татарско-русском словаре *кырлач* толкуется как «название самой холодной зимней поры»; *олы кырлач* «большой кырлач» (соответствует январю месяцу) (ТРС 1966:311).

В современном марийском языке слово *кырлас, кырлась* кроме значения январь, ничего не означает.

февраль

1. *Пургыж тылызе* — месяц сугробов, снежных заносов.
2. *Изе кырлась* — меньшая стужа.

Первое название возникло непосредственно на марийской почве в соответствии с характером времени года: февраль всегда бывает снежным.

Второе название *Изе кырлась* «меньшая стужа» или «малый кырлась» опять-таки является полукалькой чувашского *кĕсĕн кăрлаç* «малый кырлась или февраль». По А. Ф. Риттиху *Кизинь — кырлач-ойх* «менее оцепеняющий месяц, часть января и февраля» (Риттих 1870:67).

По А. А. Фуксу — «менее крутой месяц, часть Генваря и февраля» (Фукс 1840:165).

В татарском языке *кече кырлач* «малый кырлач» (соответствует февралю месяцу) (ТРС 1966:311).

март

1. *Кылме тылызе* — месяц заморозков.
2. *Рошто тылызе* — месяц рождества.
3. *Шошо тылызе* — месяц весны.

Все названия собственно марийские, первое из которых связано с характером погоды, второе — почему-то с христианским праздником Рождества Христова, хотя по современному календарю Рождество приходится на 7 января. По-видимому, такая путаница во времени вызвана позже, ибо по тринадцатимесячному календарю третьим месяцем года являлся период конца декабря и начала января. В дальнейшем, с закреплением Юлианского календаря в связи с христианизацией мари эта путаница исчезает и возникает название *шошо тылзе»* «месяц весны» или *кылме тылзе* «месяц заморозков».

апрель

1. *Вӱтшож тылызе* — месяц половодья, разлива.
2. *Вӱтшор тылзе* — месяц половодья, разлива.

3. *Вӹтшуэ тылзе* — месяц половодья.

4. *Кайык толмо тылзе* — месяц прилета птиц.

5. *Шояк ага тылзе* — месяц неправедных полевых работ.

Все названия образованы на собственно марийской почве. Первые три названия связаны с характером природы в это время — разлив воды и образование грязи. Поэтому в сложных словах *вӹтшож, вӹтшор* вторая часть *шож, шор* обозначает грязь, ср. *шож лукташ* «удалить грязь из ниток», *шор* «грязь, накипь».

Таким образом, *вӹтшор, вӹтшож дословно можно перевести как «вода — грязь, т. е. вода с грязью».*

Что же касается варианта *вӹтшуэ,* то он состоит, по нашему мнению, из *вӹт* «вода» и *шуэ* «весенняя вода, разлив», т. е. «водный разлив».

Четвертое название не требует объяснений, оно слишком прозрачно и, по-видимому, очень ограничено регионально и связано с временем прилета птиц.

Пятое название, по-видимому, возникло из-за обманчивой, неустойчивой погоды апреля, т. к. в иные годы апрель бывает весьма сухим, но народ, видимо, не спешил проводить полевые работы, т. к. земля еще не была готова и можно было ожидать возврата холодов. Поэтому он и назвал его как бы иронически «месяц неправедных (неверных) полевых работ».

м а й

1. *Ага тылзе* — месяц полевых работ.

2. *Саска пеледме тылзе* — месяц цветения цветов.

3. *Мланде кошкымо тылзе* — месяц просыхания (высыхания) земли.

Первое название является полукалькой с чувашского *Ака уйăхе* «месяц пашни», хотя, как отмечают А. А. Фукс и А. Ф. Риттих, этот месяц по старому чувашскому календарю приходился на апрель и часть мая (Фукс 1840:165; Риттих 1870:67).

Если первое название связано с хозяйственной деятельностью, то следующие два — с характером природы: в этом месяце все цветёт и высыхает земля. Поэтому, естественно, наступала пора полевых работ.

и ю н ь

1. *Кӹсӧ тылызе* — месяц молений.

2. *Синся тылзе* — жара солнечного месяц.

3. *Сынза тылзе* — знойный месяц.

4. *Изи кырлась* — малый кырлась.
5. *Кенеж тылзе* — летний месяц.

Первое название возникло на почве языческой религии. Марийцы перед началом сенокоса в так называемое свободное лето «яра кенеж» обычно проводили моления в священных рощах с жертвоприношениями. Это были праздничные дни. Происхождение слова *кӱсӧ* см. в разделе «ноябрь».

Второе и третье названия представляют собой диалектные фонетические варианты одного названия. Что означают первые компоненты *синся, сынса* для современного марийца не понятно. Слово это чувашского происхождения. В чувашском языке слово *синҫе (синзе)* является названием старинного чувашского праздника. В это время, как пишет Н. И. Ашмарин, всякие земляные работы, не только пашня, но и распахивание огородов, рытье ям, воспрещались. «*Синҫе* бывает после троицы» (Ашмарин 1937 VII:163). Троица, как известно, обычно отмечается в июне месяце.

Название *изи кырлась* «малый кырлась» перенесено с названия февраля, менее холодного месяца, на менее жаркий месяц.

Название *кенеж тылзе* «летний месяц» связано с временем года, в этот месяц наступает лето.

и ю л ь

1. *Ченла тылызе* — месяц жары.
2. *Угинде тылзе* — месяц новых хлебов.
3. *Кугу кырлась* — Большой кырлась.
4. *Кенеж рӱдӧ тылзе* — месяц середины лета.
5. *Шырка тылзе* — месяц цветения колосовых.
6. *Шурно, емыж кӱймӧ тылзе* — месяц созревания хлебов, ягод.

Первое название *(ченла, чынла, тылызе)*, по мнению Н. И. Исанбаева, заимствовано из татарского языка (Исанбаев 1989:130), ср. тат. *челлэ: жэйге челлэ* «пора сильной жары, продолжающаяся с 25 июля по 5 августа; *кышкы челлэ* «пора сильных зимних морозов, продолжающаяся с 25 декабря по 5 февраля (ТРС 1966:633). Название это встречается у бирских и прибельских мари. В диалектологическом словаре татарского языка слово *челлэ* толкуется как самая жаркая пора лета (ДС 1958:181).

В татарском языке сово *челлэ* в качестве названия месяца не употребляется, поэтому можно подумать, что

марийское название *ченгла, чынгла, тылызе* «июль» возникло на марийской почве. Здесь только определительный элемент является татарским заимствованием и характеризует время года.

В фонетическом отношении марийский язык заимствовал слово *челлэ* с превращением *-лл* в *нгл*.

Второе название *угинде тылызе* — месяц новых хлебов дано по хозяйственной деятельности: в конце июля созревают озимые. Это название чисто марийское.

Название *«Кугу кырлась»* — Большой кырлась перенесено с зимней стужи на летнюю жару.

Остальные три названия также являются исконно марийскими: *Кенеж рӱдӧ тылзе* «месяц середины лета» означает, скорее всего, то, что в июле начинается поворот к осени; *Шырка тылзе* «месяц цветения колосовых» связано также с хозяйственной деятельностью земледельца — в июле цветут колосовые; *Шурно, емыж кӱймӧ тылзе* «месяц созревания хлебов, ягод» — название, характеризующее время года. В июле зреют колосовые, созревают лесные ягоды: земляника, черника и т. д.

а в г у с т

1. *Угинде кочмо тылызе* — месяц еды нового хлеба.
2. *Спас тылзе* — месяц Спаса.
3. *Шыже ага тылзе* — месяц осенних полевых работ.
4. *У шурно (кинде) тылзе* — месяц нового урожая.
5. *Уржа ӱдымӧ тылзе* — месяц посева ржи.

Первое название *Угинде кочмо тлызе* «месяц еды нового хлеба» перекликается с четвертым названием *У шурно (кинде) тылзе* «месяц нового урожая». Они даны по характеру времени года для хозяйственной деятельности земледельца и являются, надо думать, исконно марийскими. Сказать, что эти названия связаны с чувашским названием августа *сурла уйăхе* «месяц серпа», вряд ли будет правомочно.

Третье название *Шыже ага тылзе* «месяц осенних полевых работ» по семантике перекликается с пятым названием *Уржа ӱдымӧ тылзе* «месяц посева ржи». Это связано с тем, что в августе марийцы действительно сеяли озимые, а основной озимой культурой являлась рожь.

с е н т я б р ь

1. *Вӱт йӱкшымӧ тылызе* — месяц остывания воды.

2. *Шыже тылзе* — осенний месяц.
3. *Ӱдымӧ тылзе* — месяц посева.
4. *Вӱд йӱкшымдымӧ тылзе* — месяц остывания воды.
5. *Пакча емыж (паренге) тылзе* — месяц овощей (картофеля).
6. *Идым тылзе* — месяц гумна.

Названия *Вӱт йӱкшымӧ тылзе* и *Вӱд йӱкшымдымӧ тылзе* «месяц остывания воды» являются диалектными вариантами. Они исконно марийские, состоят из *вӱт(вӱд)* «вода», *йӱкшымӧ, йӱкшымдымӧ* «остывание», *тылызе* «месяц». Название дано по характеру времени года.

Второе название *Шыже тылзе* «осенний месяц», где *шыже* «осень, осенний» связано с одним из времен года — осенью: в сентябре наступает осень. Надо думать, что и это название исконно марийское.

Исконно марийским же является и третье название *ӱдымӧ тылзе* «месяц посева»: в сентябре завершается посев озимых культур, *ӱдымӧ* «сеяние», причастие от *ӱдаш* «сеять».

Пятое название *Пакча емыж (паренге) тылзе* «месяц овощей (картошки)» возникло поздно, ибо огородными культурами марийцы начали заниматься только в конце XVIII в. (История Марийской АССР, т. I, 1986:97).

Шестое название *Идым тылзе* «месяц гумна», где *идым* «гумно» является чувашским заимствованием, ср. чув. *итем, йетем* «ток, гумно» (Федотов 1990:185, Галкин 1986:48). Название возникло под чувашским влиянием. В чувашском языке имеются два названия сентября: *аван уйахе* «месяц овина» и *Йидань ойх* «месяц льна» (Фукс 1870:165). Марийцы чувашский месяц овина превратили в месяц гумна. Правда, А. Ф. Риттих овинным месяцем называет октябрь (Риттих 1870:67).

октябрь

1. *Покро тылзе* — месяц Покрова.
2. *Сюзь тылзе* — месяц богатства.
3. *Сес тылзе* — ?
4. *Сӧса тылзе* — месяц кистей.
5. *Кырпак тылзе* — месяц первого снега.
6. *Чыве-агытан тылзе* — месяц кур и петухов.

Первое название *Покро тылызе* «месяц Покрова» возникло только после принятия марийцами христианства и не раньше XVI века. Оно связано с днем рели-

гиозного праздника Покрова, который отмечается 14 октября, по старому стилю — 1 октября. На селе этот праздник всегда был чтимым. Он выпадает на то время, когда завершаются полевые работы и начинается подготовка к зиме.

Второе название *Сюзь тылзе* «месяц богатства» можно сравнить с четвёртым вариантом *Сӧса тылзе* «месяц кистей». По-видимому, здесь богатство ассоциировалось с созреванием кустарниковых ягод, как калины, рябины. В варианте *Сӧса тылзе* вполне это объяснимо именно так. *Сӧса* «кисть» — слово чувашского происхождения, ср. чув. *çӳçе* «кисточка без бисера, бахрома» (Ашмарин VII:308). Фонетический вариант *сюзь* также свидетельствует, что это слово заимствовано из чувашского языка. Что касается третьего варианта *сес,* то его фонетический облик более напоминает название ноября, которое приводит Х. Паасонен. Его он называет месяцем усопших (Паасонен 1948:112).

Название *Кырпак тылзе* «месяц первого снега» возникло на чисто марийской почве. Слово *кырпак* «первый снег» чувашского происхождения, ср. чув. *кӑрпӑк* «первый снег» (ЧРС 1982:163).

Шестое название *Чыве-агытан тылзе* «месяц куриц и петухов» возникло, скорее всего, по характеру хозяйства сельского жителя, к октябрю цыплята вырастают, превращаются в кур и петухов.

ноябрь

1. *Сӧс тылзе* — месяц поминовения усопших.
2. *Кюсю тылзе* — месяц богомоления.
3. *Йӱштӧ тылзе* — месяц холодов.
4. *Шорык-тага тылзе* — месяц овцы и барана.

Первое название, как мы отметили выше, Х. Паасонен называет месяцем поминовения усопших. Слово *сӧс* переводит как «праздник поминовения усопших», который в старое время праздновался осенью в ноябре через год после погребения усопшего или на следующий год: родственники собирались в доме усопшего и один из них верхом на коне ехал на кладбище, там трижды объезжал могилу усопшего, приглашая его на праздник его поминовения и обещая ему того коня, на котором он приехал за ним; после возвращения его коня сразу же забивали, но родственники усопшего сами не дотрагивались до этого мяса, кормили им только гостей, ко-

торых на такой праздник собиралось много; праздник начинался вечером и продолжался сутки; его проводили с большим весельем, танцами и песнями. Само слово *сӧс* он относит к чувашскому предполагаемому слову **с′ӳс* уйг., осм. *йас* «траур», венг. *дяас* «печаль, горе» (Паасонен 1948:112). Однако турецкое *йас* «траур» и венг. *дяас* «печаль, горе» М. Рясанен сравнивает с марийским Л *йӧсӧ* «мучительность, затруднение, трудность», Г *ясы* «горе, трудности» (Рясанен 1920:138).

По-видимому, в данном случае необходимо согласиться с Рясаненом и для слова *сӧс* искать другое соответствие. Правда, Х. Паасонен тоже слово *йӧсӧ* считает чувашским по происхождению (Паасонен 1948:29), но соответствий не приводит.

В «Марий мутере» В. М. Васильева *сӧс тылзе* — «октябрь». Здесь, на наш взгляд, наблюдается смещение значений ноября и октября, ибо в осеннее время проводили поминки по усопшим и приносили жертвы. Например, у чуваш октябрь — *юпа уйӑхе* «месяц поминок» (ЧРС 1982:640), ноябрь — *чӳк уйӑхе* «месяц жертвоприношения» (ЧРС 1982:598).

Второе название — одного происхождения с названием июля (см. выше). Слово *кюсю* (орф. *кӱсӧ*) Х. Паасоненым переводится как «большой праздник с жертвоприношением» (Паасонен 1948:57). Жертвоприношения марийцами всегда сопровождались с молениями в священных рощах.

Этимологически слово *кӱсӧ,* по нашему мнению, связано со словом *кӱсын* «в долг, взамен», где конечный *-н* является суффиксом. Слово чувашского происхождения, ср. чув. *куҫен, кивҫен* «взаем, в долг» (Ашмарин VI:196; VII:87). Жертвоприношение, видимо, у марийцев считалось приношением в долг богам.

Название *йӱштӧ тылзе* — месяц холодов возникло по характеру времени года: в ноябре наступают значительные холода. Название чисто марийское.

Четвёртое название связано с хозяйственной деятельностью сельского жителя. В ноябре марийцы закалывали на мясо барана или овцу, т. е. делали малое мясо с тем расчётом, чтобы в случае потепления мясо не испортилось. Поэтому и назвали *шорык-тага тылзе* «месяц овцы и барана», где *шорык* «овца», *тага* «баран». Большое мясо готовили в декабре, когда наступали сильные морозы.

декабрь

1. *Изе кырлась тылызе* — малый кырлас.
2. *Теле тылзе* — месяц зимы.
3. *Шорыкйол тылзе* — месяц праздника Шорыкйол.
4. *Шорчол тылзе* — месяц праздника Шорчол.
5. *Кугу кырлас* — Большой кырлас.
6. *Кугу шыл(имне) тылзе* — месяц большого мяса (лошади).
7. *Йылке тылызе* — месяц, когда забивают откармливаемых на мясо лошадей (Исанбаев 1978:28).

О происхождении названий *Изе кырлась* и *Кугу кырлась* см. в разделах «январь» и «февраль». Название *теле тылзе* «месяц зимы» дано по времени года: в декабре наступают сильные морозы, зима вступает в свои права. Название чисто марийское.

Третье и четвёртое названия представляют собой фонетические варианты одного названия *Шорыкйол* (у горных мари *Шартъял*), которое в словарях переводится как «рождество» (МРС 1956:720).

С таким переводом нельзя согласиться, ибо рождество по-марийски «рошто» (см. выше).

Праздник *Шорыкйол* действительно совпадает с рождественскими днями, поэтому не случайно чуваши декабрь назвали *раштав уйахе* «месяц рождества», хотя у А. Ф. Риттиха и А. А. Фукса декабрь назван *чук ойх* «месяц жертвы» (Риттих 1870:67, Фукс 1840:165). Само слово мар. *рошто,* чув. *раштав* «рождество» является русским проникновением и пришло вместе с приходом христианства.

Марийское же слово *шорыкйол* является сложным, состоящим из *шорык* «овца» и *йол* «нога», т. е. «овечья нога», хотя некоторые, исходя из фонетических вариантов *шортйол, шорчол, шартъял,* не находят здесь слова *шорык* «овца». Здесь нужно усматривать фонетический переход *к>т>т'>ч* перед *й: шорыкйол>шортйол> шортьйол>шорчол.*

На наш взгляд, этот праздник, затем и месяц, был назван праздником овечьей ноги потому, что в эти дни девушки гадали на будущих своих женихов путем ловли овец в тёмном хлеве. По цвету овцы определяли цвет волос будущего жениха: белая овца — жених белокурый, чёрная овца — жених брюнет.

Название *Кугу шыл (имне) тылзе* — месяц большого мяса (лошади) характеризует хозяйственную деятель-

ность сельского жителя в этот период. С наступлением настоящей зимы можно было заготавливать и большое мясо, теперь уж нет страха, что мясо может испортиться.

Название *йылке тылызе* встречается только у восточнх мари. Слово *йылке* заимствовано из татарского языка, ср. тат. *елкы* «табунная лошадь» (не подлежащая запряжке, а используемая для мяса) (ТРС 1966:146). Это название в какой-то мере перекликается с предыдущим названием. Восточные марийцы вместо слова *имне* «лошадь» использовали татарское слово *елкы — йылке* «табунная лошадь». Образование чисто марийское.

Теперь посмотрим, есть ли что-нибудь общее в марийских названиях месяцев с названиями месяцев в других финно-угорских языках.

январь

1. Удмуртский язык: *сера толэзь* — перевод не ясен; *толмар толэзь* — зимний месяц; *толшор* — середина зимы; *кезьыт толэзь* — холодный месяц; *выль ар толэзь* — новогодний месяц.

2. Эрзя-мордовский язык: *рошtоу ков* — рождественский месяц.

3. Древнекоми язык: *кӧдзыд толысь* — холодный месяц; *толшоръ (тӧл шӧр)* — середина зимы.

4. Финский язык: *tammikuu* — дубовый месяц.

5. Мансийский язык (северный диалект): *ретын юсвой ээтпос* — лживый (ленивый) орел.

6. Ненецкий язык: *лимбя ирий* — месяц орла (месяц, когда солнце поднимается над горизонтом).

Из трех марийских названий января только одно находит одинаковое значение в удмуртском языке — это *у ий тылзе* «новогодний месяц». Несомненно, подобное совпадение нельзя считать калькированием из того или другого языка. Сходные названия в марийском и удмуртском языках возникли по солнечному юлианскому календарю, когда началом года стал служить январь. Такое название могло возникнуть только с приходом в эти края христианской религии.

В эрзя-мордовском языке наиболее ярко видно влияние христианской религии. Древние коми январю дали два названия по климатическим условиям; январь на территории расселения народа коми наиболее холодный месяц и середина зимы. Это же учитывали удмурты, называя его то холодным, то зимним месяцем, то и просто серединой зимы.

Финны также при названии января учитывали особенности климата в этот период — крепкий мороз, поэтому они метафорически его и назвали дубовым, т. е. крепким месяцем.

В мансийском и ненецком языках название января также метафорично. В данном случае подъем солнца над горизонтом сравнивается с подъемом орла.

февраль

1. Удмуртский язык: *куака толэзь* — месяц вороны; *тулыспал* — к весне; *сера толэзь* — перевод не ясен; *кионсюан* — волчья свадьба.

2. Эрзя-мордовский язык: *маслянце ков* — месяц масленицы.

3. Древнекоми язык: *чорыд тӧлысь* — твердый, крепкий месяц; *воурсим (урссьӧм)* — месяц охоты на белок.

4. Финский язык: *helmikuu* — жемчужный месяц.

5. Мансийский язык: *ваатьл сааграпнал ээтпос* — короткого топорища месяц.

6. Ненецкий язык: *мань поль йонкеп* — месяц лесной стужи; *йаши йонгеп* — месяц лыж — подволок; *яра ирий* — месяц поворота солнца.

Марийские названия февраля месяца: 1) *пургыж тылызе* — месяц сугробов, заносов и 2) *изе кырлась* — малая стужа не находят соответствий ни в одном из родственных языков.

В удмуртских названиях февраля только в одном случае учитывается сезонный характер природы — поворот к весне *(тулыспал)*. В других же названиях в основу легли поведение животного мира — волчья свадьба и скопление ворон. Очевидно, название с вороной возникло у южных удмуртов, ибо вороны, как правило, гнездятся в марте месяце.

Эрзя-мордовское название февраля связано с христианским праздником Масленицы, который отмечается за восемь недель до Пасхи, а Пасха «кочует» из года в год и выпадает на период между 22 марта и 25 апреля по старому стилю.

У древних коми февраль назывался крепким, твердым месяцем, видимо, потому, что на севере в феврале бывали крепкие морозы.

Второе древнекоми название февраля, по мнению В. И. Лыткина, связано с последним месяцем промысловой охоты на белку (Лыткин 1966:126).

Финское название февраля, скорее всего, связано с тем, что в этот месяц на этой территории, особенно на южной её части появлялись первые ледяные сосульки на краях крыш. Это и послужило основой метафорическому названию «жемчужный».

В мансийском языке первое метафорическое название, связанное с топорищем, трудно объяснимо. Оно отражает, видимо, долготу светового времени суток. Второе же название, как видно, отражает характер времени года. Третье же название связано с характером хозяйственной деятельности.

В ненецком же языке название февраля отражает поворот солнца к северному лету, когда наступают белые ночи.

м а р т

1. Удмуртский язык: *ош толэзь* — месяц быка; *куака толэзь* — месяц ворон; *вӧй толэзь* — месяц Масленицы.

2. Эрзя-мордовский язык: *ловбрама ков* — месяц снегопадов.

3. Древнекоми язык: *кос тӧлысь* — сухой месяц; *рака* — месяц вороны.

4. Финский язык: *maaliskuu* — соковый месяц.

5. Мансийский язык: *маньполь ээтпос* — месяц малой стужи; *йаш йонгеп* —месяц лыж — подволок.

6. Ненецкий язык: *сие ниць ирий* — месяц ложного отёла оленей; *ты' саполана ирий* — месяц раннего отёла оленей.

Трудно объяснить, почему удмурты в некоторых регионах месяц март назвали месяцем быка. Не связано ли это с весенней кастрацией бычков?

Второе название *куака толэзь* «месяц ворон», совпадающее с названием февраля, скорее всего, представляет собой региональное явление, и действительно, связано с прилётом грачей и гнездованием ворон и грачей, тем более по-удмуртски *сьӧд куака* досл. «черная ворона».

Третье название связано с христианским праздником Масленица, который в зависимости от другого праздника — Пасхи выпадает иногда в феврале, иногда в марте. Поэтому у эрзя-мордвы масленичным назван месяц февраль, а у удмуртов — март.

Эрзя-мордва свое название марту месяцу дала по погодным условиям времени года, что соответствует ма-

64308
МАРНИИ

рийскому названию февраля *пургыж тылзе* «месяц сугробов, снежных заносов».

Первое древнекоми название марта, по-видимому, отражает сухое морозное время года, которое в некоторой степени напоминает одно из марийских названий марта месяца: *кылме тылызе* «месяц заморозков». Второе древнекоми название одинаково по значению с названием марта у елабужских и сарапульских удмуртов: *куака толэзь* «месяц ворон».

Финское название *maaliskuu*, где *maalis* «сок», *kuu* «месяц», по-видимому, южно-финское и, как пишут составители этимологического словаря финского языка, отражает такой месяц, когда начинается движение сока в деревьях (SKES II:325).

Мансийские названия различаются по регионам. Месяцем малой стужи март месяц называют сигвинские манси, а месяцем лыж — подволок — лосвинские и кондинские манси. Оба названия связаны с характером времени года.

Ненецкие названия полностью отражают их основную хозяйственную деятельность — оленеводство и оба в целом перекликаются своими значениями, т. е. март — это ещё не настоящее время отёла оленей.

Как видно, марийские названия марта месяца прямых соответствий в родственных языках не находят.

апрель

1. Удмуртский язык: *кызь толэзь* — берёзовый месяц (по В. Кельмакову); *юж толэзь* — месяц настов; *быдьзым нунал толэзь* — месяц Пасхи; *ош толэзь* — месяц быка.

2. Эрзя-мордовский язык: *шадалангонь ков* — месяц половодья; *лов солама ков* — месяц таяния снега.

3. Древнекоми язык: *лым силан тӧлысь* — месяц таяния снега; *космоус (косьмысь)* — месяц высыхания земли.

4. Финский язык: *huhtikuu* — месяц подсеки (леса).

5. Мансийский язык: *йаньӈ-поль* — месяц большого наста.

6. Ненецкий язык: *неней ниизь ирий* — месяц настоящего отела оленей; *варне ирий* — месяц прилета ворон.

Есть еще названия одинаковые с названием марта месяца. Они, по-видимому, являются региональными вариациями.

В удмуртском языке одно название *ош толэзь* «месяц быка» тоже является региональным явлением, перенесённым с одного месяца на другой. Название *кызь-толэзь* «березовый месяц» указывает на время начала сокоотделения березы. Что касается названия *юж толэзь* «месяц настов», то оно характеризует явление природы: в марте с приходом тепла и утренних заморозков образуется крепкий снежный наст.

Название *Быдьзым нунал толэзь* «месяц Пасхи», букв. «большого дня месяц» возник в связи с христианским праздником Пасхи.

Эрзя-мордовские названия апреля месяца перекликаются с марийскими и древнекоми названиями: мар. *вӱдшор тылызе* — месяц половодья, разлива и *вӱдшуэ тылзе* — месяц половодья, др.— коми: *лым сылан тӧлысь* — месяц таяния снега. Они возникли как отражение характера природы в этот период года.

Второе древнекоми название, как полагает В. И. Лыткин, возникло в то время, когда коми жили южнее, где в апреле земля действительно высыхает (Лыткин, 1966:127).

Финское название апреля связано с подсечным земледелием: в апреле месяце древние финны валили деревья для того, чтобы они высохли, а затем сжигали (SKES I:83).

Мансийское название связано с появлением большого наста в апреле. В ненецком языке одно название связано с их основной хозяйственной деятельностью — оленеводством: в апреле отел оленей. Второе название по своему значению весьма напоминает марийское название *кайык толмо тылзе* — месяц прилёта птиц, хотя у ненцев *варне ирий* означает лишь «месяц прилета ворон».

Нет ни в одном из родственных языков соответствия марийскому названию *шояк ага тылзе* «месяц неправедных полевых работ», кроме как чувашского *ака уйахе* «месяц сева, пашни».

В марийском языке название возникло не без чувашского влияния.

м а й

1. Удмуртский язык: *турын потон толэзь* — месяц произрастания травы; *тулыс толэзь* — месяц весны; *куар толэзь* — месяц листвы; *гож — толэзь* — летний месяц; *гырын толэзь* — месяц пашни.

2. Эрзя-мордовский язык: *видема ков* — месяц посева.

3. Древнекоми язык: *эж петан тӧлысь* — месяц произрастания травы; *орд кора* — месяц всходов и листьев.

4. Финский язык: *toukokuu* — месяц весенних полевых работ.

5. Мансийский язык: *йанг нӓтне ээтпос* — месяц ледохода.

6. Ненецкий язык: *нёвды ирий* — ?; *мангты ирий* — месяц гнездования птиц.

В удмуртском языке из пяти названий мая месяца только одно связано с хозяйственной деятельностью — это *тырын потон толэзь* «месяц пашни». Остальные же характеризуют с какой-либо стороны время года: произрастание травы, весна, появление листвы, лето. Весна и лето, видимо, в этом месяце смешиваются территориально. Два названия: произрастание травы и месяц листвы сходны с названиями в древнекоми языке.

Одного семантического поля названия в финском — месяц весенних полевых работ, эрзя-мордовском — месяц пашни, марийском — месяц полевых работ и одно название в удмуртском — месяц пашни. Это, надо думать, объясняется совпадением времени полевых работ в этих регионах.

В мансийском языке название мая связано с ледоходом, ибо для манси — ловля рыбы в это время являлась одной из важнейших хозяйственных работ.

К сожалению, первое название мая в словарях ненецкого языка дано без дословного перевода, нет даже определяющего слова в них, поэтому нам трудно судить о принципе его наименования.

Второе же название отражает характер природы — гнездование птиц.

ИЮНЬ

1. Удмуртский язык: *вожо толэзь* — месяц с зеленью; *инвожо толезь* — месяц лесной дремы (травы).

3. Эрзя-мордовский язык: *кочкома ков* — месяц прополки.

3. Древнекоми язык: *лосца; лосца номья (лӧддза — номъя)* — оводно-комарный.

4. Финский язык: *kesäkuu* — летний месяц.

5. Мансийский язык: *луупта ээтпос* — месяц зелени, листвы.

6. Ненецкий язык: *ненангг' ирий* — месяц комаров; *нявды ирий?; саву ирий* — месяц разлива рек.

Из пяти марийских названий июня месяца только одно —*кенеж тылзе* «летний месяц» находит соответствие в одном из родственных языков — финском. Оба характеризуют время года.

В других же родственных языках основой для наименования послужили совершенно другие принципы. Так, удмуртские названия указывают на разрастание зелени и лесной дремы — лекарственной травы, которая в июне хорошо цветёт. У манси также в основе наименования лежит зелень и листва.

Эрзя-мордовское название связано с хозяйственной деятельностью сельского жителя, июнь — месяц прополки огородных культур.

Древнекоми название сходно с одним из названий июня у ненцев — оводно-комарный месяц или месяц комаров. Это название возникло у оленеводов.

Вариант *саву ирий* «месяц разлива рек» у ненцев указывает на особенность природных условий в это время года; оленеводам разлив рек сулил мало хорошего.

и ю л ь

1. Удмуртский язык: *пӧсь толэзь* — жаркий месяц; *сизьыл пал* — поворот к осени; *турнан толэзь* — месяц сенокоса.

2. Эрзя-мордовский язык: *тиште урядама ков* — месяц сенокоса.

3. Древнекоми язык: *нин пу тӧлысь* — месяц липы; *сӧра тӧлысь* — месяц созревания злаков.

4. Финский язык: *heinäkuu* — месяц сенокоса.

5. Мансийский язык: *ойт-тур ээтпос* — месяц заливных (соровых) озер.

6. Ненецкий язык: *пилё ирий* — месяц оводов; *тангы ирий?*

В удмуртском языке первое название весьма сходно с восточно-марийскими названиями: *ченгла тылызе* «самый жаркий месяц», *кугу кырлась* «большой кырлась» (т. е. зной). Эти названия характеризуют время года. Название *сизьыл пал* «поворот к осени» отражает начало укорачивания продолжительности светового дня.

Название, связанное с сенокосом, кроме удмуртского языка встречается в эрзя-мордовском и финском языках. Оно связано со скотоводством, с заготовкой сена на зиму.

В древнекоми языке одно название: *сӧра тӧлысь* «месяц созревания злаков» сходно с марийским *шурно, емыж кӱймӧ тылзе* «месяц созревания хлебов, ягод».

Интересным является древнекоми название июля: *Нин пу тӧлысь* «месяц липы». Это название, как нам представляется, возникло у южных коми, у которых липа в хозяйстве играла немалую роль: из её коры готовили лыко, мочало, лубки для саней и различных коробов.

Мансийское название дано по характеру поведения природы в этот период: вследствие разлива рек образуются после входа их в свое русло множество заливных озёр.

Ненецкое название *пилё ирий* — месяц оводов возникло у оленеводов, ибо оводы являются в это время большой помехой для оленей. Второе название в словарях не имеет перевода, поэтому нам трудно судить о причине его возникновения.

август

1. Удмуртский язык: *аран толэзь* — месяц жатвы; *сизьыл толэзь* — осенний месяц; *гудыри кошкон* — уход грома;

2. Эрзя-мордовский язык: *сёра урядма ков* — месяц уборки хлебов.

3. Древнекоми язык: *чарла тӧлысь* — месяц серпа; *моз* — месяц уборки урожая.

4. Финский язык: *elokuu* — месяц жизни.

5. Мансийский язык: *вортур ээтпос* — месяц лесных озер.

6. Ненецкий язык: *яв' халы'ирий* — месяц омуля (рыбы); *пилю ирий* — месяц оводов; *ненянг'ирий* — месяц комаров.

Название августа в одном из вариантов в марийском, удмуртском, эрзя-мордовском, древнекоми и финском языках связано с хозяйственной деятельностью земледельца — уборкой урожая, ибо в августе в этих регионах идёт уборка хлебов. В финском языке название метафорично, оно не говорит прямо о новом урожае, но указывает на то, что этот месяц после долгой голодной зимы обеспечивает своим урожаем продолжение жизни.

Удмуртское название *сизьыл толэзь* «осенний месяц», по-видимому, возникло у северных удмуртов: в августе начинается охлаждение воды и поворот к осени. Интересно другое удмуртское название августа: *гудыри*

кошкон «уход грома». Действительно, после жарких июльских дней с частыми грозами в августе громов становится меньше. По народному поверью, после Ильина дня (2 августа) гром практически прекращается. Древнекоми название *чарла тӧлысь* — месяц серпа весьма напоминает чувашское название августа *сурла уйăхе* «месяц серпа» и представляет собой полукальку с древнечувашского. Оно возникло в тот период, когда древнекоми племена ещё проживали южнее и имели контакты с древними чувашами.

Мансийское название августа отражает характер природы. По-видимому, у лесных манси после летнего таяния снегов в лесах именно в августе месяце образуются озёра от талых вод.

В ненецком языке первое название говорит о том, что ненцы в августе занимаются не только оленеводством, но и заготовкой омуля.

Другие же названия представляют собой лишь региональные варианты, ибо в одном случае основой для названия послужил комар, в другом — овод.

сентябрь

1. Удмуртский язык: *куар усён (толэзь)* — листопад; *сизьыл толэзь* — осенний месяц; *куро толэзь* — месяц соломы.

2. Эрзя-мордовский язык: *лопань пяерема ков* — месяц листопада.

3. Древнекоми язык: *артса тӧлысь* — осенний месяц; *кӧч (тӧлысь)* — заяц.

4. Финский язык: *syyskuu* — осенний месяц.

5. Мансийский язык: *сукр-ээтпос* — месяц щокура (рыбы).

6. Ненецкий язык: *сельбе ирий* — месяц рогов; *вэба ирий* — месяц листопада.

Один вариант названия сентября месяца в марийском языке *шыже тылзе* «осенний месяц» находит соответствия в удмуртском, древнекоми и финском языках. Это название дано по характеру времени года.

В эрзя-мордовском и в одном из вариантов удмуртского и ненецкого языков в основу названия лёг листопад, характерный для сентября.

Интересно другое название сентября в удмуртском языке — это *куро толэзь* «месяц соломы». Оно связано с тем, что в сентябре обычно молотили озимые хлеба.

Не случайно и в марийском языке одно из названий связано с молотьбой: *идым тылзе* «месяц гумна».

Древнекоми название *кӧч (тӧлысь)* «месяц зайца» возникло у коми охотников, ибо в сентябре заячья шкура становится спелой и наступает возможность охотиться на них.

Мансийское название связано с ловлей рыбы щокура. В ненецком языке *сельбе ирий* «месяц рогов» связано, очевидно, с тем, что к этому времени у оленей отрастают новые рога.

октябрь

1. Удмуртский язык: *выль ӝук толэзь* — месяц новой каши; *коньы вуон (толэзь)* — месяц поспевания белки; *пукро толэзь* — месяц Покрова.

2. Эрзя-мордовский язык: *пизем ков* — месяц дождей.

3. Древнекоми язык: *кор усян тӧлысь* — месяц листопада; *йирым (тӧлысь)* — месяц холодов.

4. Финский язык: *lokakuu* — месяц слякоти.

5. Мансийский язык: *йанкпольн ээтпос* — месяц ледостава; *мань такус ээтпос* — месяц малой осени.

6. Ненецкий язык: *нгэрёй ирий* — осенний месяц; *хор ирий* — месяц самцов оленя; *носиндалава ирий* — месяц охоты на песцов.

Первое удмуртское название октября *выль ӝук толэзь* «месяц новой каши» связано с обычаем удмуртов — в этом месяце начинают варить кашу из нового урожая.

Название же *коньы вуон (толэзь)* «месяц поспевания белки» говорит о том, что удмурты занимались охотой на белок, а к октябрю беличья шкура созревает.

Третье название *пукро толэзь* «месяц покрова», как и в марийском языке, возникло с принятием христианства: 14 октября христианский праздник Покров.

Эрзя-мордовское название октября в какой-то мере напоминает финское название: у эрзи за основу взяты дожди, у финнов — следствие дождей — слякоть и грязь.

На первый взгляд, странно звучит древнекоми название октября *кор усян тӧлысь* «месяц листопада», так как коми в настоящее время проживают достаточно далеко на севере. Однако известно, что в глубокой древности коми проживали намного южнее, поэтому

можно думать, что это название возникло у южных коми, когда они проживали ещё южнее. Название же *йирым (тӧлысь)* «месяц холодов» могло возникнуть как у южных, так и у северных коми, ибо в ноябре действительно наступают холода. Название, как видно, дано по характеру погоды в данное время.

Другой, но близкий по семантике признак природы, лёг в основу названия октября в мансийском языке — это ледостав: в этот месяц замерзает вода.

Но в мансийском языке есть и второе название октября — это *мань такус ээтпос* «месяц малой осени».

Первое ненецкое название октября — осенний месяц, приведённое в русско-ненецком словаре 1948 года (стр. 166), в ненецко-русском словаре Н. М. Терещенко 1965 года (стр. 421) относится приблизительно к сентябрю. Вообще нет точного совпадения начала и конца месяцев со сроками юлианского календаря.

Второе и третье названия связаны с хозяйственной деятельностью ненцев — оленеводством и охотой. В это время самцы оленей ведут борьбу между собой за обладание самкой и ненцы начинают охоту на песцов.

Как видно, марийские названия октября месяца, кроме одного, связанного с христианским праздником Покрова, совпадающего с таким же удмуртским названием, все являются самобытными, отражающими свой духовный мир.

ноябрь

1. Удмуртский язык: *йӧ кынтон (толэзь)* — месяц ледостава; *шур кынмон (толэзь)* — месяц замерзания реки; *пӧйшур тӧлэзь* — месяц дичи (УРС 1983:354).

2. Эрзя-мордовский язык: *каворкс лангонь ков* — месяц кочек.

3. Древнекоми язык: *лымусян тӧлысь* — месяц снегопада; *вӧльгым (тӧлысь)* — месяц снегопада.

4. Финский язык: *marraskuu* — мёртвый месяц.

5. Мансийский язык: *йаньӈ-такус ээтпос* — месяц большой осени; *мань тын ээтпос* — малый поздний месяц.

6. Ненецкий язык: *нюдя пэвдей* — малый тёмный месяц.

В удмуртском языке два названия ноября месяца имеют в своей основе замерзание рек, т. е. ледостав, одно — созревание лесной дичи. Как видно, в них отра-

зилась основная деятельность древних удмуртов — охота и рыболовство.

Эрзя-мордовское название ноября отражает характер земного покрова в это время, т. е. его замерзание и образование мёрзлых кочек. Это название могло возникнуть у земледельцев, а не у охотников.

Древнекоми названия связаны со снегопадом, очевидно, потому, что они возникли в то время, когда древние коми ещё проживали южнее, ибо на севере снегопад начинается раньше.

Финское название ноября составители этимологического словаря предположительно объясняют так: «месяц, когда природа уже мертва, почти усопшей, впадает в зимний сон» (SKES II:335).

Манси назвали месяц ноябрь месяцем большой осени в отличие от малой осени — октября. С мансийским названием ноября в какой-то степени перекликается ненецкое, ибо оно связано с темнотой в этот месяц. Такие названия могли возникнуть только у северных народов.

Как видно, с марийскими названиями ноября месяца в родственных языках нет ни одного, прямо совпадающего по своему значению. В какой-то степени можно сблизить лишь: ледостав — у удмуртов, образование кочек — у эрзя-мордвы, снегопад — древнекоми и умирание природы — у финнов. Это говорит о том, что природные условия в регионах их проживания приблизительно сходны.

декабрь

1. Удмуртский язык: *толсур (толезь)* — месяц рождества, букв. «зимнего пива»; *инмар толэзь* — божий месяц; *мензелэ толэзь* — мензелинский месяц.

2. Эрзя-мордовский язык: *тяла Миколань ков* — месяц зимней Николы.

3. Древнекоми язык: *кынӧд тӧлысь* — месяц морозов; *ӧшым тӧлысь* — месяц морозов.

4. Финский язык: *joulukuu* — месяц рождества.

5. Мансийский язык: *ватьи-хотал ээтпос* — месяц короткого дня.

6. Ненецкий язык: *нгарка пэвдей* — большой тёмный месяц.

В удмуртском языке, как видно, названия декабря связаны с религиозными праздниками христианского и языческого времен. Одно из них *толсур* «зимнее пиво» напоминает название чувашского праздника *кӳр сыры*

«осеннее пиво», где *кӱр* означает «приносить». По-видимому, этот праздник проходил с жертвоприношениями. У удмуртов же подобный праздник проходил, видимо, в декабре. Причем, надо учитывать и то, что лунные месяцы не полностью совпадали с солнечными.

Эрзя-мордовское название основано на христианском празднике святого Николы, который выпадает на 19 декабря. С христианским же праздником связано название декабря в финском языке, в данном случае с рождеством, как и одно из названий в удмуртском и марийском языках, хотя в последних происхождение их не зависит от христианского праздника Рождества Христова. Здесь лишь имеется совпадение во времени.

Древнекоми названия декабря отражают характер времени года в этом месяце, как и ряд марийских названий — большой и малый кырлас.

Подобным же образом возникли мансийское и ненецкое названия декабря. Мансийское название отмечает долготу дня в это время, ненецкое — длинные полярные ночи в отличие от ноября.

Как видно, полного совпадения в родственных языках не находит ни одно марийское название декабря, особенно отличаются: *теле тылызе* «месяц зимы», *кугу шыл (имне) тылзе* «месяц большого мяса (лошади)» и *йылке тылызе* «месяц, когда забивают откармливаемых на мясо лошадей».

В мансийском языке имеется тринадцатый месяц под названием *хоса сааграпнал ээтпос* «длинного топорища (месяц)». В марийском же языке, как мы видели, тринадцатый месяц носит название *утым тылзе* «умерший, забытый месяц» и он употребляется не ежегодно, а лишь через определенный цикл.

Деление года на тринадцать месяцев у манси основывается на лунном календаре. По лунному календарю месяц насчитывает 28 дней,— пишет Й. Эрдеди (Эрдеди 1974:125). Как пишет И. П. Ермолаев, «характерной особенностью лунного календаря является то, что он не отражает смены времён года и опережает природные явления примерно на 11 суток ежегодно, т. е. начало каждого нового года постепенно перемещается на более ранние сезоны: от зимы на осень, затем на лето, на весну и снова возвращается к зиме. Этот календарь крайне неудобен для цикла земледельческих работ» (Ермолаев 1980:16). На севере лунный календарь из 28 дней более удобен.

Марийский народный календарь является лунно-солнечным, ибо развитие земледелия требовало точного знания времени наступления того или другого сезона года. Для этого нужно было, как пишет И. П. Ермолаев, «связать смену фаз Луны с годичным движением Солнца».

Лунно-солнечные календарные системы намного сложнее как лунных, так и солнечных календарей. В них необходимо выполнить два очень трудных условия: 1) чтобы начало каждого календарного месяца возможно ближе располагалось к новолунию и 2) чтобы сумма некоторого числа целых лунных месяцев возможно точнее соответствовала истинной продолжительности тропического года.

Принцип создания лунно-солнечного календаря состоит в периодическом добавлении к лунному году дополнительного (тринадцатого) месяца.

Продолжительность эмболисмического (вставного — *И. Г.*) месяца — 30 дней, а лунного года с этим месяцем — 384 дня (Ермолаев 1980: 22—23). Не случайно поэтому тринадцатый вставной месяц в марийском народном календаре назывался *утым тылзе* «умерший, забытый месяц». По 19-летнему лунному циклу этот месяц вставлялся на 3-ий, 6-ой, 8-ой, 11-ый, 14-ый, 17-ый и 19-ый, а по 8-летнему лунному циклу вставные месяцы падали на 2-ой, 5-ый и 8-ой годы цикла (Ермолаев 1980:23—23).

Нам трудно сейчас судить, каким циклом пользовались марийцы, так как никто не указывает цикличность тринадцатого месяца. Х. Паасонен отметил лишь то, что этот месяц вставляется не ежегодно, а в определенные годы, весной. Это нам даёт основание утверждать, что марийский народный календарь был лунно-солнечным и чётко связывался с сезонами года. Со временем лунно-солнечный календарь сменился юлианским. В народном же календаре некоторые названия месяцев в зависимости от диалекта заменились тюркскими или модернизировались в связи с христианскими праздниками.

Как видно, у каждого народа в зависимости от природных условий и хозяйственной деятельности названия месяцев свои: у финнов они связаны с подсечным земледелием, у манси — с охотой и рыболовством, у ненцев — с оленеводством, у мордвы и мари — с земледелием.

В последнее время газета «Марий коммуна» уделяла немало внимания возрождению марийских народных названий месяцев. Различные авторы, исходя из различий региональных названий, предлагают свои названия (см. А. Большаков — «МК» от 1 декабря 1990 г.; В. Газетов — «МК» от 29 января 1991 г.; он же — «МК» от 31 марта 1991 г.; А. Ермаков — там же и др.).

Несомненно, всем месяцам марийский народ дал названия, исходя из своей хозяйственной деятельности и природных условий. В целом эти названия В. Газетовым и А. Ермаковым учтены. Но они пытаются ряд названий заменить своими. Названия, предложенные ими, весьма привлекательны и можно было бы с ними согласиться. Но, как нам кажется, нет никакой необходимости выдумывать новые, когда для этих месяцев в народном календаре существуют не менее привлекательные и обоснованные названия, с которыми бы и надо согласиться. Вот они:

1. январь — *у ий тылзе*
2. февраль — *пургыж тылзе*
3. март — *шошо тылзе*
4. апрель — *вӱдшӧр тылзе*
5. май — *ага тылзе*
6. июнь — *кенеж тылзе*
7. июль — *шырка тылзе*
8. август — *у шурно тылзе*
9. сентябрь — *шыже тылзе*
10. октябрь — *кырпак тылзе*
11. ноябрь — *йӱштӧ тылзе*
12. декабрь — *теле тылзе*

Эти названия имеют законное право, как народные, на параллельное существование с названиями юлианского календаря.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков.— Москва.

Ашмарин Н. И. 1928—1950, Словарь чувашского языка. Вып. 1—17. Казань— Чебоксары.

Дмитриев В. Д. 1982, Чувашский календарь и метрология.— Чебоксары.

Ермолаев И. П. 1980, Историческая хронология.— Казань.

Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1989, Марийско-тюркские языковые контакты.— Йошкар-Ола.

Кельмаков В. К. 1970, Вашкала толэзь нимъёс // Молот, № 2.

Китиков А. Е. 1989, Марийские народные приметы.— Йошкар-Ола.

Мутер (Русско-марийский словарь). 1928.—Краснококшайск.

Паасонен 1948 — *Paasonen H.* Ost-tscheremissisches Wörterbuch.— Helsinki.

Романов Н. Р. 1962, Чувашский народный календарь // Ученые записки ЧувНИИ.— Чебоксары.

Риттих А. Ф. 1870, Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. I.— Казань.

Рясянен 1920 — *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen.— MSFOu XLVIII, Helsinki.

Сидоров А. С., Лыткин В. И. 1966, Древнекоми названия месяцев. // СФУ, № 2.

Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь.— Москва.

Фукс А. А. 1840, Записки о чувашах и черемисах.— Казань.

Чувашско-русский словарь, 1982.— Москва.

Эрдеди Й. 1974.— *Erdedi J.* Zur Frage der Zeitrechung bei den uralischen Völkern: die Monatsnamen.— Acta Linguistika, t. 24.— Budapest.

Л. Ш. Арсланов

ФИННО-УГОРСКИЙ ПЛАСТ В ТОПОНИМИИ АГРЫЗСКОГО РАЙОНА ТАТАРСТАНА

Агрызский район расположен на северо-востоке Татарии, геоморфологически вместе с Елабужским, Менделеевским районами относится к Восточному Закамью (АП 1987:45). Территория района вклинивается более чем на 100 км в территорию Удмуртии, с севера и востока граничит с Удмуртией, с юга — Мензелинским районом Татарии. Основное население района — татары. Кроме татар, здесь проживают русские, удмурты, марийцы и др.

Хронологически топонимию Агрызского района можно разбить на относительно древние и относительно новые названия. К древним топонимам относится топонимия, восходящая к удмуртскому и тюркскому (татарско-башкирскому) пластам. Относительно поздними являются топонимы марийского и русского происхождения и частично некоторые топонимы тюркского происхождения.

На основе лингвистического анализа и данных археологии, исторических источников в топонимии Агрызского района выделяется три этнолингвистических пласта: тюркский, финно-угорский и русский.

В статье рассматривается финно-угорский пласт (удмуртский, марийский), что касается тюркского и русского пластов, то они получили достаточно полное освещение в работах Г. Ф. Саттарова и Р. Г. Кузеева.

Агрызский район является древней территорией расселения финно-угорских народов (племена ананьинской и пьяноборской археологических культур). Наиболее древним пластом является, несомненно, удмуртский пласт (часть топонимов которого, возможно, восходит к прапермскому состоянию).

Удмуртский пласт в топонимии Агрызского района представлен в ойконимах и гидронимах, а также в микротопонимии, большая часть из них восходит к воршудно-родовым именам удмуртов. К удмуртскому пласту мы относим следующие топонимы.

Бетсемяс (Бетсемэс) — название татарской деревни. «Д. Бытцымес населяют татары из государственных крестьян; с тех пор, как основана деревня, сменилось 13 поколений» (МПСВГ 1892:23). Относительно этимологии Бетсемяс есть несколько точек зрения. Г. Ф. Саттаров данный ойконим связывает с тюркским корнем *бетмэс* «не кончится». По его мнению, в древнетюркском языке корень *бету* «кончаться» выражал значение «смерти (кончины)». Элемент *-се* автор оставляет без этимологии (Саттаров 1973:64). Ф. И. Гордеев удм. *бадзым* «большой, просторный, крупный, видный, значительный» сопоставляет с осет. *баздтын* «толстый, густой», а основу *баз* «толстый» относит к иранским заимствованиям в удмуртском языке (Гордеев 1985:96). Ойконим *Бетсемяс* (Бытцымес) восходит, по нашему мнению, к удмуртскому *быдзым* «великий, старший» (УРС 1983:61)+*мос* «источник» (Атаманов 1988:60). Что касается компонента *мяс* (<*мос*), то он принимает активное участие в образовании гидронимов типа *Кутмес* — приток р. Сарапулки; рч. *Кутмес* — в бассейне Камы; *Кут* (<*куд*) 'болото, топь'; рч. *Кузмес* бассейна р. Иж: (<*кузь*) 'длинный, долгий'; *Пожмес* — в бассейне р. Валы: *пож* 'грязный, мутный'; рч. *Кырыкмас* — в бассейне р. Иж и др. (Атаманов 1988:60). Таким образом, можно полагать, что ойконим *Бетсемяс* по происхождению является отгидронимным, т. е. «великая, святая, важная река (или источник)». Аналогичный топоним и гидроним Бетсемэс отмечен на территории д. Рангазар Сармановского района Татарии. Речка получила название, по местным преданиям, от имени одного из четырех основателей деревни (Гарипова 1984:32). Наличие холмика Бетсемэс указывает, на наш взгляд, на то, что здесь, по-видимому, было святое место, где совершались жертвоприношения родовым воршудным божествам древними удмуртами. Ср. также *быдзым куала* (главное святилище удмуртов).

Варзи (Баржы) — ойконим. Принимает участие в образовании ряда населенных пунктов с татарским и удмуртским населением: с. Варзи (Баржы) — название татарского села, в настоящее время снесенное в связи со строительством Нижнекамской ГЭС, население переселилось в с. Кичкутан; Варзи-Омга (Баржы-Омга), Варзи-Пельга (жили удмурты) и р. Варзи (Баржы) — приток Ика. Топоним состоит из топоосновы *вар* и то-

поформанта *зи* ~ *зя*. М. Г. Атаманов *Варзи* считает отгидронимным ойконимом, который связан с воршудно-родовым именем удмуртов (Атаманов 1980:67—81). Аналогичного мнения придерживается Г. Ф. Саттаров (Саттаров 1975:56). Название *Варзи* (ойконим и гидроним) встречается и за пределами Агрызского района, например, в соседнем Алнашском районе Удмуртии: Варчи-Ятчи, Средние Варзи-Омга, Варзибаш (*Варзи*+*баш* «начало, исток, верховье реки»). Можно предложить и иную этимологию, восходящую к орнитониму диал. *варзи душесь* «пустельга (птица)» (УРС 1983:74).

Варклед-Бодья (Варклад-Бодья) — название удмуртской деревни, расположенной недалеко от татарской деревни Бетсемяс. Состоит из двух компонентов. Этимология компонента *Варклед* нам не ясна. Что касается компонента *Бодья*, то по этому поводу высказаны отдельные предположения. П. Сорокин связывал этот топоним с удм. *бодь* «ива» (цитируем по Атаманову 1980:4). К. С. Бушмакин этимологизировал его исходя из слова *пудо* «пастушеский, пастушеское племя». М. Г. Атаманов отвергает данную этимологию (Атаманов 1980:7). Указанные исследователи единодушны в том, что слово *бодья* является воршудно-родовым этнонимом удмуртов. На наш взгляд, близкой к истине следует считать этимологию П. Сорокина. Ср. удм. *бадё: интыос* 'места, заросшие ивняком' (УРС 1983:37). Дополнительным аргументом в пользу удмуртского происхождения данного топонима является география распространения топонимов с элементом *Бодья* по бассейнам рек Иж и Люга (Атаманов 1988:27).

Иж-Бобья (Иж-Буби) — название татарского села. Жили государственные крестьяне, возникло село лет 300 тому назад (СПСВГ 1892). Топоним состоит из топоосновы: *Иж* — название рек+воршудно-родовое название удмуртов *Побья* на р. Иж. Этимология не ясна. Однако есть ряд предположений. Среди них заслуживает внимания *пуппы* «окорённая молодая липка, лутошка» (УРС 1983:366). Данную этимологию М. Г. Атаманов считает не убедительной. Г. Ф. Саттаров ойконим *Иж-Бобья* объясняет воршудно-родовым именем удмуртов (Саттаров 1975:56). Топонимическая параллель представлена названием марийской деревни Иж-Бобья Граховского района Удмуртии. По данным М. Г. Атаманова, название перенесено со старой территории проживания

(д. Иж-Бобья Агрызского района) с берегов р. Иж-Побья (Атаманов 1980:68).

Мукшур — название татарской деревни при речке Мукшур (неофиц. название Еманчур), население составляют крещеные и магометане татары. Селение возникло лет 150 тому назад (МПСВГ 1889:20). Ойконим *Мукшур,* по-видимому, отгидронимный. Структурно состоит из топооснов: удм. *мог* (< *мук*) «медлительный, медленный»+удм. *шур* «река, речка». Населенные пункты под названием Мукшур отмечены в Алнашском и Селтинском районах Удмуртии (УРС 1983:547). С большой натяжкой можно связать со словом *мукож* «полуостров» (УРС 1983:287), что маловероятно. Что касается неофиц. названия *Еманчур,* то оно состоит, по всей вероятности, из компонентов: тат. *яман* «плохая, дурная»+удм. *шур* «река», т. е. «река с дурным нравом».

Муново — название русской деревни. По-видимому, состоит из топоосновы *муно,* восходящей к воршудному имени *мӧнья+ово* — аффикс русского языка, образующий однотипные названия: Иваново, Тихоново, Зуево и т. д. В основе воршудного имени, по предположению М. Г. Атаманова, лежит слово *мень: ичимень* (*ичи* «маленький, младший») — сноха, невестка, жена младшего брата (Атаманов 1980: 17—18). Одноименные населенные пункты встречаются в Вавожском (Монья), Малопургинском (Старая Монья, Новая Монья, Новая Монья), Селтинском районах. К этому же источнику мы относим название крещено-татарской деревни Мунайка (тат. Мунай) Менделеевского района.

Мушук (Мушек) — название татарской деревни. Топоним состоит из удм. *муш* 'пчела'+*уг* ~ *эг* — аффикс (Атаманов 1983:115—126; Кельмаков 1973:89). Можно связать с ойконимами Татарская Мушуга (Тат. Мэшеге), Русская Мушуга (Рус Мэшегесе) Мензелинского района Татарии.

Ожбуй — ойконим; жители села — русские и марийцы. Возможны две этимологии: мар. *ош* «белый»+мар. *вуй* «голова» (Сепеев 1976:112). Можно этимологизировать на прапермском материале: ср. *адз (ож)* диал. «пойма реки, долина реки»+*буй (вуй)* «ответвление, развилина» (УРС 1983:67 324), т. е. «ответвление, развилина в пойме реки». По мнению Ф. И. Гордеева, топооснова *буй* этимологически восходит к ф-у. *vuja* «ручей»; фин., кар., вепс., эст. *oja* «канава», лив. *voja* «ложбина,

наполненная водой», саам. *vuaj* «ручей» (Гордеев 1979: 236). Близкий по фонетическому облику ойконим представлен в Актанышском районе: Татарский Азибей, Русский Азибей. Что касается соответствия *ож* ~ *ош* ~ *адз* ~ *аз*, то фонетические изменения могли произойти под влиянием русского или татарского произношения.

Омга — название татарского села. Данный топоним входит в состав названий татарских и удмуртских населенных пунктов: Варзи-Омга, Сарсак-Омга. Исследователи (Атаманов, Бушмакин, Саттаров) относят его к воршудно-родовому имени удмуртов. Этимология окончательно не выяснена. Есть попытки связать происхождение этого топонима со словом *ым* «рот»+*га* — суффикс. Родовая группа Омга проживала в южной Удмуртии. Древний родовой центр — Омга-выл — располагался на территории Вятско-Полянского и Малмыжского районов Кировской области и Кизнерского района Удмуртии (Атаманов 1988:34).

Пельга — неофиц. название д. Варзи-Пельга, до снесения села там жили русские. Ойконим Пельга, по мнению М. Г. Атаманова (1980, 1988) и Г. Ф. Саттарова, восходит к воршудно-родовому имени удмуртов. Следовательно, Варзи-Пельга можно расшифровать как род Пельга на реке Варзи. Что касается топоосновы *Пельга*, то в литературе существуют различные мнения. Некоторые исследователи связывали основу топонима с татарским словом *билге* «памятник» (Н. Ф. Катанов), другие за основу брали слово *пель* «ухо» (Сорокин, Блинов, Бушмакин). (Подробнее см. Атаманов 1980:20). Более близкой к истине мы считаем этимологию М. Г. Атаманова, который связывает топоним с зоонимом *пеле* «сыч», диал. «сова, филин»+*га* — афф. (Атаманов 1980:20; он же 1988:35).

Сарсак-Омга — название удмуртского села. Состоит из двух компонентов: *Сарсак* — название реки+воршудно-родовое имя *Омга*, т. е. род Омга на реке Сарсак. Этимология *Сарсак* не ясна. Гидроним Сарсак присутствует в названии русской деревни Сарсак-Арема (Сарсак Эрэмэ).

Сардали (Сэрдэлэ) — название удмуртской деревни. Состоит из топоосновы *сарда* бот. «сныть обыкновенная»+аффикс обладания в тюркских языках (УРС 1983: 384) ср. тат. *сэрдэ* — в том же значении.

Старое Сляково (Иске Песлэк), *Новое Сляково*

(Яна Песлэк) — названия татарских сел. В татарском названии *песлэк* мы усматриваем удмуртское название синицы — *(пислег)*. Данный орнитоним в удмуртский язык заимствован, по мнению С. В. Соколова, от древнебашкирских племен, которые контактировали с пермскими племенами (Соколов 1987:155—156).

Чаж — название татарской деревни при речке Чаж. Восходит к удмуртскому слову *чаж* в значении 'быстрый, проворный'.

Якшур — название поселка с русским населением. Ойконим состоит из топооснов *як* (~ *яг*) «бор, боровой» (УРС 1983:536) + гидроним *шур* «река». Ср. Якшур-Бодья — районный центр Удмуртии.

Удмуртский пласт в топонимии Агрызского района представлен и гидронимами. Среди них можно отметить следующие.

Апийа Сазы — болото Апья в бассейне р. Иж (Гарипова 1984: 210). Гидроним, возможно, связан с воршудно-родовым именем *Апъя*, т. е. «болото рода Апья». Населенные пункты воршуда Апья, по данным М. Г. Атаманова, располагались в бассейне р. Чепцы и в бассейне р. Кама (Атаманов 1988:24). Этимология не ясна.

Бэлекэй Суте Күле — оз. маленькое Сути бассейна р. Кама (д. Нижнее Кучуково). Гидроним состоит из компонентов тюрк. *бэлэкэй* «маленький» + удм. *сьӧд* «черный, темный» (УРС 1983:402), т. е. «маленькое черное озеро».

Варзи — приток р. Иж. Состоит из топоосновы *Вар* + топоформант *-зи* (Атаманов 1988:74). Элемент *Вар* не имеет ясной этимологии. Что касается топоформанта *-зи*, то он имел, по-видимому, значение водного источника — река.

Иж — река, правый приток Камы. Удм. *ӧч*. Этимология не ясна. Есть предположение, что данное слово означало реку или приток (Атаманов 1988:138).

Када — название рек: Большая Када при деревне Девятерна, Малая Када при починке Малый Кадыбаш (МПСВГ 1892:51—52), Кады елгасы — река бассейна р. Кырыкмас (Гарипова 1984:57). Ср. Кады-Салья в Киясовском районе Удмуртии, приток речки Кутмес. *Кады*, по нашему мнению, раньше обозначал водный источник: *кад* диал. «болото»; обл. «кочкарник» (УРС 1983:180). Что касается второго компонента *Салья*, то

он связан с мансийским словом *сали* «олень»+*йа* — аффикс. По данным М. Г. Атаманова, *салья* — немногочисленная, но широко расселившаяся родовая группа удмуртов (Атаманов 1988:37).

Кама (Чулман) — река, левый приток Волги. *Быдзым Кам* «великая Кама». *Кам* — древнее финно-угорское слово в значении «река», ср. фин. *кюми* «река, течение» (Атаманов 1988:139—140).

Кенэш Куле (Княш) — название озера в бассейне р. Чаж (Гарипова 1984:194). Возможны две этимологии: удм. *кенеш* «собрание, сходка» (УРС 1983:193) или удм. *кенос* «амбар, клеть», т. е. «озеро, на берегу которого есть амбар». Последняя этимология нам кажется предпочтительней.

Кирэмэт Куле (Кереметь) — название озера бассейна р. Иж. Гидроним связан, по-видимому, с удм. *керемет, кереметь*. По сведениям УРРС (1983:194), значение слова *кереметь* определяется как миф. этн. *кереметь* (дух зла и священная роща, т. е. озеро, на берегу которого располагалась кереметь). Ср. также мар. *кереметь* (уст. в суеверных представлениях) — злой дух (у луговых и горных марийцев) или родовой дух — хранитель (у восточных марийцев) (МРС 1956:193).

Кутмес (Кетмэс) — приток реки Сарапулки; рч. Кутмес в бассейне Камы, *Кут* < *Куд* «болото»+*мас* ~ *мес* ~ *мос* — топоформант в значении «водный источник». Топонимическая параллель в значении «леса» («Ельник Кутмес на реке Калмаш») отмечена в 1748 году на территории Краснокамского района Башкирии (Черных 1990:96). Первоначально топоним *Кутмес* в значении названия леса имел гидронимическое значение, о чем свидетельствует существование р. Кэтмэс (Кутмас) — лев. приток Быстрого Таныпа в Аскинском районе (Словарь топонимов Башкирской АССР 1980:76).

Кырыкмас — рч. бессейна реки Иж. Этимология не ясна. Можно предположить, что слово состоит из топоосновы мар. *кырык* «гора»+удм. *мас* «водный источник», т. е. «горная речка».

Лекошмес (Лэкэшмэс) — рч. бассейна реки Иж. Топоним состоит из двух топооснов: удм. *лек* «злой, сердитый» (УРС 1983:254)+удм. *ошмес* «источник, ключ, родник» (УРС 1983:325). Возможен вариант удм. *лег* «холмик, бугорок, курган» (Атаманов 1988:65), т. е. «река, берущая начало с холмика, кургана».

Ошкеш (Ошкеш куле) — название озера (д. Иж — Бэйки). Гидроним можно связать с удм. *ош* «бык, бычачий, бычий» (УРС 1983:203), т. е. «бычий омут». Ср. коми. *кӧдж кез* «лука, излучина реки», «выступ берега, образуемый излучиной реки» (Бушмакин 1990:45).

Сарапулка — правый приток Камы. Существует несколько предположений относительно этимологии Сарапул. В. А. Никонов связывал Сарапул со словами: тюрк. *сары* «желтый»+*кул* «рыба» (Никонов 1966:369). Г. Ф. Саттаров считает, что гидроним Сарапул состоит из компонентов: тюрк. *сары* «желтый»+*пул* (тюрк. *болак, булак*) «источник», «речка» (Саттаров 1973: 268—269). Г. А. Архипов название Сарапул относит к этнониму коми-зырян от хант., манс. *саран* «коми-зырянин»+*пул* (*пуль* < *пауль*) «деревня» (т. е. «коми-зырянская деревня» (Архипов 1990:5). По нашему мнению, гидроним Сарапулка восходит к удмуртскому зоониму *сара* ~ *сер* «куница» (УРС 1983:387) +*пал* «сторона, местность, край» (Атаманов 1988:48). Предпочтительность данной этимологии подтверждается, на наш взгляд, бытованием названия деревни Сарапала (тат. Сэрэпэлэ) при речке Сарапала — приток реки Зай (Гарипова 1984:109). Данная этимология дает ключ к разгадке этимологии города Сарапул.

Скал Шур — рч. при деревне Биктово (МПСВГ 1889: 23). Гидроним состоит из двух основ: удм. *скал* «корова»+гидроним *шур* «река» (УРС 1983:392), т. е. «коровья река».

Терся (Тирсэ суы) — рч. бассейна реки Иж и одноименное название д. Терся (Тирсэ). Гидроним Терся восходит, на наш взгляд, к удм. звукоподражательному слову *тёр* «падающая струйка жидкости и сыпучих материалов» (УРС 1984:414), т. е. «река, текущая струйками, может быть, пенистая река».

Түлдем — название родника в бассейне р. Чаж (Гарипова 1984:157). Возможна связь с удм. *толзем* (от *толззыны*) «наступить (о зиме»), т. е. «зимний ключ, родник, незамерзающий зимой водный источник» (УРС 1983:418). Близкий фонетический вариант представлен ойконимом Тэлдэ (Тюльди) в Калтасинском районе Башкирии (Словарь топонимов Башкирской АССР 1980:145).

Тямыс (Тэмеж күле) — название озера бассейна Иж (Гарипова 1984:205). Название связано, по всей ви-

димости, с удм. *тямыс* «восемь, восьмерка» (УРС 1983: 440), т. е. «озеро, имеющее форму восьмерки».

Чучля — рч. при деревне Ново-Аккузино (МПСВГ 1889). Очевидно, состоит из топоосновы *чуж* (желтый) + афф. *ля (лы)*, т. е. «желтая река» (УРС 1983:483).

Шады (Шэд) — рч. бассейна около д. Иж-Бобья (Гарипова 1984:140). Ср. *Шазы (Шады)* — рч., правый приток Бири в Мишкинском районе Башкирии. Гидроним Шазы ~ Шизе считают (Дж. Киекбаев) финно-угорским элементом, связанным с этнонимом чудь. «Гидронимы с *Шазы — Шизе* обозначают мелкие объекты (речки, ключи), известные в пределах одной-двух деревень. Возможно, *Шазы // Шизе* является гидронимическим термином со значением «речка, ключ» (Словарь топонимов Башкирской АССР 1980:168). Гидроним Шэде, по всей вероятности, оставили башкирские роды Тугыз племени Еней.

Юмъяшур — название озера бассейна реки Иж (Гарипова 1984:209). *Имъя* — название воршудно-родового имени+*шур* «река», букв. «речка, источник, принадлежащий роду Юмъя».

Юшкет (Юшкин Куле) — название озера бассейна реки Кады (д. Девятерня). Гидроним, по-видимому, состоит из компонентов: удм. *юш* «окунь»+*кеттык* «цапля» (УРС 1983:535 196), т. е. «озеро окуневое, изобилующее цаплями».

Ороле Куле — название озера бассейна Кады (Гарипова 1984:200). Можно связать с удм. *ор* ~ *ер* «русло, ложе реки», т. е. река, текущая по ровной местности, разлившаяся без явно выраженного русла» (Бушмакин 1990:47).

Жэрэ Суы — рч. бассейна р. Чаж при деревне Кодаш. Восходит к удм. *йыр* «голова, головной» (УРС 1983:179), т. е. «верховье реки, начало реки».

На территории Агрызского района представлена и топонимия марийского происхождения. Она обнаруживается в основном в ойконимах и гидронимах. Марийские элементы в топонимии района прослеживаются в названиях населенных пунктов с марийским, татарским и русским населением.

Марийцы в настоящее время проживают в следующих населенных пунктах: Бима (мар. Бӱймӧ). Березовка (мар. Куэр), Пелемеш, Мандык (мар. Мадык), Байтуганово (мар. Шуар), Кулегаш, Каменный ключ (мар.

Кўан энгер), Кадряково (мар. Кадрек). Большинство ойконимов, учитывая и неофициальные названия, являются марийскими. Тюркского происхождения названия марийских деревень Байтуганово, Кадрек, русского — Березовка.

Топонимы марийского происхождения в Агрызском районе появились в основном в XVI—XVII веках. Основали марийские деревни главным образом выходцы из современной Марий Эл, о чем свидетельствует наличие одинаковых топонимов на территории Агрызского района и Марий Эл, а также другие исторические источники, легенды и предания, сохранившиеся в памяти населения. Часть топонимов указывает на то место, откуда прибыли марийцы на современную территорию Агрызского района. Так, например, название марийского села Бима (Бӱймӧ) созвучно с названием села Бима Лаишевского района Татарии (Саттаров 1976:64) и с названием реки Буй — правого притока Вятки; название Шуар (официально Байтуганово) можно сравнить с названием речки Шуарка — притока Малой Кокшаги, названиями населенных пунктов Шуарсола, Шуармучаш Советского района Марий Эл. Ср. также: Шуарская волость Яранского уезда Вятской губернии; д. Шуаръял Мари-Турекского района Марий Эл (Сепеев 1970:280). Название Мандык (Мадык) созвучно с антропонимом Мандык (Черных 1982:60).

К топонимам марийского происхождения относятся следующие ойконимы и гидронимы.

Бима — ойконим и гидроним. Население — марийцы (черемисы из тептярей). Ойконим, по-видимому, образован от гидронима *Бӱймӧ,* состоящего из *бӱй+мӧ.* Если свести к единому источнику название марийского села Бима (Биме) Лаишевского района Татарии, то можно предложить две этимологии. По мнению Г. Ф. Саттарова, название Бима (Биме) восходит к булгарскому термину *биме* < *вуме* «подмога в сельских работах, коллективная помощь» (Саттаров 1975:64). Если принимать во внимание марийское произношение Бӱймӧ, то топооснову *буй* можно связать с финно-угорской тополексемой в составе названий рек и мест на территории распространения или былого пребывания носителей финно-угорских языков (Гордеев 1979:235—236). В пользу финно-угорского происхождения говорит и тот факт, что тополексема Буй чаще всего встречается на территории Марий Эл и Ки-

ровской области, где проживает марийское население.

Кӱан энер — название деревни. Населяют марийцы-язычники. Состоит из компонентов: мар. *кӱан* «каменистая»+*энер* «река».

Пелемеш — название марийской деревни. В. И. Вершинин полагает, что в ойкониме *Пелемеш* выделяются компонент *Пела,* связанный с географическими названиями восточной части Марий Эл Пильмучаш, Пыламарий, офиц. Мари Билямор, Пеленгер, а также Белямор, Пиля, Пиляндыш соседнего с Марий Эл Уржумского района Кировской области (Вершинин 1990:41). Что касается компонента *-меш,* то он, по мнению В. И. Вершинина, может быть фонетическим вариантом топоформантов *-мас, -маш* (Вершинин 1990:42).

Мандык (Мадык) — ойконим, живут марийцы-язычники. Ойконим образован, видимо, от антропонима *Мандык (Мадык)* (Черных 1982:60).

Кулегаш — название марийской деревни. Ойконим и гидроним *Кулегаш* восходит к орнитониму *кулегуш (колагукшь),* который состоит из компонентов: мар. *коля* «мышь»+тюрк. *кош* «птица» (Васильев 1979:171—172). Гидроним (озеро Кулегаш) имеется на территории Актанышского района Татарии (Арсланов 1987:82—83).

Нам кажется, что топоним *Кулегаш* восходит к мансийскому *келыг* «травянистое болото» (Галкин 1985:9). Действительно, болотный массив Кулегаш является травянистым болотом. Что касается топоэлемента *-гуш,* то он является, по-видимому, общефинноугорским и означает «поляна», т. е. *кулег* «болото» — *гуш* «поляна».

Пэнжэр — неоф. назв. пос. Красный Бор. Название связано с марийским апеллятивом *пӱнчер* «сосновый бор, сосняк» от мар. *пӱнчӧ* «сосна»+суфф. *-ер* собирательной множественности. Аналогичное название носило русское село Старый Красный Бор Мензелинского района (Арсланов 1987:84). Наше предположение подтверждается и наличием соснового бора у обоих населенных пунктов. Следовательно, до появления русского населения в этих селах жили марийцы. Фонетический вариант *Пэнжэр* вм. *Пӱнчер* появился, несомненно, под влиянием татарской формы произношения марийского *пӱнчер* (переход *ӱ* в *э*).

Шаршуды — ойконим и гидроним Шаршадинка: д. *Русская Шаршада* (Рус. Шаршадысы), *Шаршада* (Шаршады) — название татарской деревни, населяют бывшие помещичьи крестьяне, переселившиеся сюда 140

лет тому назад из Белебеевской волости Уфимской губернии (МПСВГ:23). Первоначально (деревня основана в 1813 году, до появления русских) в ней, по-видимому, жили марийцы. Топоним *Шаршада* восходит к марийскому фитониму *шаршудо* «трава, спорыш, птичья гречиха» (МРС 1956:695).

Названия марийских деревень *Кадряково* (Кадрек), *Байтуганово* явно тюркского происхождения, восходят к тюркским антропонимам (Саттаров 1973:86).

Рассмотренные ойконимы, гидронимы и микроэтнонимы пермского (удмуртского) происхождения в Агрызском районе подтверждают правильность утверждения М. Г. Атаманова о том, что «в гидронимии Удмуртии влияние тюркских языков не прослеживается. Все эти данные свидетельствуют о том, что тюрки, в частности татары, в Камско-Вятское междуречье, издревле заселенное удмуртами, проникли довольно поздно, не раньше XVI века» (Атаманов 1988:100).

Таким образом, топонимы и гидронимы финно-угорского происхождения свидетельствуют о том, что древними жителями на территории Агрызского района были удмурты, оставившие их как память о своем пребывании; что же касается марийских топонимов, то они появились в основном в XVI—XVII веках.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланов Л. Ш. 1987, Топонимия финно-угорского происхождения в районах Западного и Восточного Закамья // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола.

АП — Археологические памятники Татарской АССР.— Казань, 1987.

Архипов Г. А. 1990, Следы коми в Нижнем Прикамье // Топонимический сборник.— Наб. Челны.

Атаманов М. Г. 1980, Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии.— Ижевск.

Атаманов М. Г. 1983, Удмуртские топонимы бассейна Вятки. // СФУ, № 2.

Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика.— Ижевск.

Бушмакин С. К. 1970, Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы.— Москва.

Васильев В. Н. 1979, К истории названия птицы *колегуш* // Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола.

Вершинин В. И. 1990, О некоторых ойконимах Прикамья // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7.— Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики.— Йошкар-Ола.

Гарипова Ф. Г. 1984, Татарстан гидронимнары сузлеге.— Казань.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка.— Т. I (А—Б).— Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1985, Историческое развитие лексики марийского языка.— Йошкар-Ола.

Исхаков Д. М. 1985, Из этнической истории восточных районов Татарской АССР до начала XX века//К вопросу этнической истории татарского народа.— Казань.

Кузеев Р. Г. 1974, Происхождение башкирского народа.— Москва.

Марийско-русский словарь.— Москва, 1956.

Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 6, Вып. I, Вятка.— 1892.

Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7, Ч. II, Вятка,— 1892.

Моисеева Н. Н. 1984, Очерк исторической географии башкир в середине XV — начале XVII в //Исследования по исторической этнографии Башкирии.— Уфа.

Никонов В. А 1966, Краткий топонимический словарь.— Москва.

Саттаров Г. Ф. 1973, Татарстан АССР-ын антропонимнары.— Казань.

Саттаров Г. Ф. 1975, Антропонимия Татарской АССР.— Казань.

Сепеев Г. А. 1970, Топонимические названия восточных марийцев как историко-этнографический источник//Вопросы финно-угроведения.— Йошкар-Ола.

Сепеев Г. А. 1975, Восточные марийцы.— Йошкар-Ола.

Соколов С. В. 1987, Еще раз об этимологии удмуртского *пислег* «синица»//Пермистика.— Ижевск.

Удмуртско-русский словарь.— Москва, 1983.

Черных С. Я. 1982, Переселение луговых марийцев в бассейн реки Белой (по данным топонимии)//Вопросы марийской ономастики. Вып. 3.— Йошкар-Ола.

Черных С. Я. 1990, Ожнысо илышын йыжыҥже.— Йошкар-Ола.

А. Н. Куклин

УРАЛЬСКАЯ ГИДРОЛЕКСЕМА В ТОПОНИМИИ ВОЛГО-КАМЬЯ

Историко-лингвистический анализ топонимов современной Марий Эл позволяет выделить отлельные композитные гидронимы, а также отгидронимные ойконимы, расшифровывающиеся материалами уральских (самодийских) языков.

В настоящей работе объясняется семантика географических названий Волго-Камского региона, имеющих в своей структуре гидролексему уральского происхождения.

Тополексема* *си (ши)*: теоретические аспекты этимологизации

Заметный на общем фоне ономастической лексики элемент *ши-* в ойконимах-композитах типа *Шишур* (Пектубаевск. сельсовет Новоторъяльск. р-на Марий Эл), *Шинур* Токтайбеляк сельсовет Куженерск. р-на Марий Эл), *Шийсола* (неофициальное название дер. Ромашкино Обшиярск. сельсовета Волжск. р-на Марий Эл) не раз обращал на себя внимание топонимистов.

Так, ойконим *Шийсола* В. В. Кузнецов (1983:23) и вслед за ним И. С. Галкин (1985:23) объясняют как «Серебряная деревня», отмечая при этом, что слово *ший* «серебро» часто употребляется для выражения прекрасного, доброго, белого, а русское название этой деревни якобы подсказывает, что она расположена близ прекрасных лугов с многочисленными белыми ромашками. Однако в своей последней работе относительно этимологии ойконимов *Шийсола, Шишур* И. С. Галкин придерживается иной точки зрения. Он полагает, что элемент *ши* одного происхождения с ненецким *сё* «приток; река, вытекающая из озера» (Галкин 1991:134—136).

В связи с этим следует отметить, что старожилы свою деревню именуют *Сисола*. Мотив такого наименования вовсе не случаен, ибо, как явствует устное сообщение профессора Л. П. Грузова, уроженца этой местности, вблизи неё имеется протока *Сизе*.

При сложении гидронима с топоформантом *сола* в композите произошли определенные фонетические изменения: вследствие выпадения переднерядного *е* звонкий щелевой *з* под действием контактной регрессивной ассимиляции оглушился, и в конечном счете соседствующие сибилянты слились в один звук.

Впрочем, в задачу настоящего исследования не входит семантическая интерпретация гидронима *Сизе* с анализом истории его происхождения, поэтому этот вопрос остается открытым.

Что касается тополексемы *ши-*, то она относится к числу ареально-лингвистических изоглосс в области топонимии, ибо она, кроме территории Марийской ССР, бытует в других регионах России. Ср., например, *поч. Шишурский* (Тожсолинск. вол. Яранск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1893:434), *поч. Шишурская Дубровка* (Тяптичи), *поч. Верхне-Шишурская Дубровка* (Борисов) (Троицк. вол. Яранск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1893: 458), *д. Большой Шишур* (Колянурск. вол. Яранск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1893:130), *поч. Нижний Шишур*, поч. Пустыри *(Шишур)* (Колянурск. вол. Яранск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1893:138), *д. Шинур* (Эдол) (Сернурск. вол. Уржумск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1887:72, 74): *поч. Тинерь-Шинер* (Куянковск. р-на Турекск. вол. Уржумск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1887: 81), *поч. Большой Шишур*, расположенный при речке Ите и ключе *Шишур; поч. Малый Шишур*, расположенный при речках Ите и Чумайке (Больше-Пургинск. вол. Сарапульск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1892:13), *поч. Шишур* (Гущин), расположенный при речках *Шишурке* в 117 верстах от г. Сарапула (Шаранск. вол. Сарапульск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1892:158), *поч. Шишур*, расположенный при ручье *Шишур* в 90 верстах от г. Сарапула (Юринск. вол. Сарапульск. у. Вятск. губ.), *дд. Шишор* (Бигашева Пустошь), *Шинерь-Кинель*, расположенные на большом торговом тракте из г. Казани в г. Уржум (Список 1866:15). Названия этих деревень в «Списках населенных мест Казанской губернии» значатся следующим образом: *Шишор* (Шорабаш), *Ши-*

нерь-Кинерь (Старый Кинерь) (Список 1878:186—187, 188—189); *р. Шинерка* (Богдановск. р-н Пилинск. вол. Уржумск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1887:47), *р. Шишур* (Шарканск. р-н Сарапульск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1892:11—12), *р. Шинур* — прав. приток р. Немды (Материалы 1894:5); *д. Сишур* (Малмыжск. у. Вятск. губ.) (ВГ XXIV).

Параллельное образование типа *Сишур // Шишур* наталкивает на мысль о том, что они генетически родственны. Варьирование анлаутного *с-/ш-* позволяет ввести в реконструируемое этимологическое гнездо удмуртские гидролексемы: *Си, Сишур, Сияк* и др.; ойконим *Синерь* (Асан-Илгинск. вол. Мамадышск. у. Казанск. губ.) (Никольский 1912:42). Вероятна также принадлежность к этой группе лексем коми-пермяцкого гидронима *Сива,* рр.— правый приток Камы в Пермской области и Удмуртской ССР и правый приток Обвы (Матвеев 1987:155). Река с таким же названием имеется и в Костромской области. Ср. *Сива* — правый приток р. Большой Какши, впадающей в Ветлугу (Материалы 1861:49).

Представляется, однако, что тополексема *си* является более древней, а *ши* — позднейшая инновация, возникшая на почве удмуртского языка. Справедливость этой мысли подтверждается наличием спорадических варьирований анлаутных согласных *с/ш, с'/ш* в граховских говорах южно-удмуртского наречия. Ср., например: лолошур-возжинский *сэрчэг // шърчик, сэрччэг // шырччик* «скворец»; *эчэсон // староигринский эчешон* «грудная косточка (у птиц)»; граховские *с'уз'и // удм. лит. шузи* «дурак; глупый» (Атаманов 1981:51). В красноуфимском диалекте удмуртского языка, как указывает Р. Ш. Насибуллин, под воздействием марийского языка свистящие *с* и *з* во всех позициях перешли соответственно в шипящие *ш* и *ж: шо* (<**со*) «он, она, оно»; *шокы* (<**сокы*) «тогда»; *кудиж* (<**кудиз*) «который» (Насибуллин 1978:94).

Констатируя звукопереход *с>ш* и междиалектное их варьирование в разных финно-угорских, а также в тюркских языках Волго-Камья, многие исследователи утверждают о существовании в прошлом некоторых общих для них законов развития. Возникновение этой закономерности, по их мнению, было обусловлено булгарским языком, оказавшим огромное влияние на раз-

витие языков Поволжья и Приуралья в период своего существования (VII—XIII вв.) (Тепляшина 1970:138).

Этимологическое истолкование и реконструкция затемненной исходной семантики тополексемы *си* вызывают определенные затруднения. Поэтому неслучайно апеллятивы *ши, си* М. Г. Атамановым охарактеризованы как деэтимологизированные слова (Атаманов 1988:83, 1989:19).

Рассматривая гидроним *Сива,* известный топонимист А. К. Матвеев расчленяет его на два компонента, принадлежащих к коми-пермяцкому языку: *си* «волос», *ва* «вода», и объясняет как «Вода с волосом (волосатиком — тонким водяным червем)» (Матвеев 1987:155). Если учесть то обстоятельство, что коми-перм. *си* этимологически связана с коми-зыр. *си* «волос», «ость (в меху, в шерсти животных)», удм. *си* «волос, волосок», то и удмуртский гидроним *Сишур* с вариантом *Шишур* следовало бы интерпретировать как «Река с волосом, т. е. с тонкими водяными червями». Однако наличие однолексемных географических названий, а также композитных топонимов не с гидронимическими детерминативами типа *шур* «река», *ва* «вода», напр.: рр. *Си, Сияк* (Атаманов 1989:19) наталкивает на поиски другого решения вопроса о происхождении гидронима *Сишур/Шишур, Сива.*

Из всего сказанного следует, что общепринятой этимологии для элемента *си (ши)* нет. Кажется, что более правильную позицию в этом вопросе занял И. С. Галкин, пытаясь генетически связать *ший,* как отмечено выше, с ненецким словом *сё* «протока; река, вытекающая из озера» (Галкин 1991:134). Предположения И. С. Галкина в значительной степени подкрепляются такими названиями рек, как *Западная* и *Восточная Сёяха,* вытекающие из озера Нейто и озера Ямто соответственно; *Сёяха* на берегу Обской губы (Мурзаев 1984:500), структура которых, как иллюстрируется ниже, совпадает со структурой гидронимов коми, удмуртского и марийских языков (см. ниже модели а, б, в, г).

По словам Л. Н. Жеребцова «временем появления ненецких племен на Европейском Северо-Востоке считается конец I — начало II тысячелетия н. э.». До середины XV века контакты коми и ненцев, по его мнению, не прослеживаются, хотя такие встречи, безусловно, были, так как ненцы кочевали, далеко заходя на юг, в по-

граничные леса Печоры, где промышляли коми охотники. В контексте вышесказанного он несколько противоречиво утверждает, что первое знакомство коми с ненцами произошло в XII—XV веках, в период походов новгородских и московских воевод в печору и югру (Жеребцов 1982:157—158).

Следовательно, бесспорны связи ненецкого языка с коми-зырянским, но они были особенно тесными в самой дальней из Печорских волостей к Уралу, в Усть-Колвинской волости (Жеребцов 1982:167). Так, в южных частях Ненецкого национального округа под сильным влиянием коми-зырян образовалась группа так называемых колвинских ненцев, по своей хозяйственной деятельности и быту мало чем отличная от коми. Родным языком этой группы является коми-зырянский (Терещенко 1965:5—6).

В этой связи уместно отметить, что ненецкий язык может частично выступать в роли субстрата коми-зырянского языка. Этим, очевидно, обусловлено возникновение гидронима *Сива* — результат стяжения двух разноязычных нарицательных имен-формантов в одно скрещенное название «протока (речка) — река» или «проточная (речная) вода»*. Образование такого типа названия хорошо вписывается в систему коми гидронимов, ср. например: *Адзьва, Колва, Лымва, Созва, Эжва* (Туркин 1986:7, 49, 65, 106, 136), *Ласьва, Сюзьва* (Кривощекова-Гантман 1973:12, 24) и др.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что названия отдельных рек Большеземельской тундры и Северного Урала одинаковые, ср., напр., *р. Колва,* берущая начало в Большеземельской тундре, на возвышенности Янеймусюр,— прав. приток р. Усы (бассейн Печоры) и *Колва* — прав. приток р. Вишеры (бассейн Камы). Их возникновение скорее всего было обусловлено миграциями коми населения с района Камского бассейна вверх по Печоре, в район Большеземельской тундры, где оно имело непосредственные и тесные контакты с ненцами. По Печоре же в обратном направлений могла идти ответная ненецкая экспанция.

На фоне ненецкой гидролексемы особенно показа-

---

* Для большей наглядности данную топонимизацию можно представить моделью а: субстратный географический апеллятив (речной формант) + коми географический апеллятив (речной формант).

тельно кетское слово *сес* «река» (мн. ч. *сас* «реки»). Кеты (енисейские остяки или енисейцы), как отмечает А. П. Дульзон, сыграли значительную роль в создании топонимии Западной Сибири. По его мнению, кеты по своему языку занимают изолированное положение среди всех аборигенных народов Сибири, т. е. ни с одним из них не сходятся. Форма *сес*, как свидетельствуют наблюдения А. П. Дульзона, общеупотребительна у всех сымских и имбатских кетов. Им это название отмечено в двух основных вариантах *с'ес* и *с'ес'* (Дульзон 1962: 50, 54). Аналогичные варианты привел и К. Доннер, который в сымском диалекте кроме того зафиксировал вариант *си:с*, до него засвидетельствованный П. И. Третьяковым. Все указанные варианты имеют одну и ту же семантику (Дульзон 1962:57).

В. Н. Топоров, рассматривая енисейское название реки, привел еще несколько внутрикетских соответствий, см., напр.: *ses*, *s'es*, имбатское *sis'*. В этот же ряд включает остяцкое *ses*, курейское *s'es'*, эдтшешское *sös*, камасинское *satiŋ* и др. Сравнивая приведенные слова и реконструируя предполагаемую общеенисейскую форму, он заключает, что «внешние сопоставления пока недоказуемы, тем более что иногда они не учитывают фактов, восстанавливаемых сравнением енисейских языков». При этом им предлагаются, видимо, для сопоставления тибетское *ču*, китайское *sui* «вода», мансийское *sos* и другие, взятые из работ Г. Рамстедта, К. Доннера и К. Боуда (Топоров 1967:313—314).

Особенно любопытны в этой связи данные исследований проблем этногенетики и этнической истории северных самодийцев, где указывается наличие южно-сибирских компонентов во всех ненецких этно-территориальных группах. Так, у европейских ненцев южно-сибирские компоненты составляют 78,2%, аборигенные — 21,8%; сибирских тундровых ненцев они равны 53,4%, аборигенные — 26,4%, хантыйские — 15%, смешанные лесные (ненецкие) и энецкие — 5,2%; сибирских лесных ненцев южно-сибирские компоненты доходят до 63,2%, аборигенные — 35,4%, тундрово-ненецкие — 2,6%. Что касается территории кочевий сибирских ненцев, то они в XVII—начале XX в. продвигаются на север Большого Ямала, а на востоке вытесняют ненцев из бассейна Таза и выходят на левобережье Енисея (Васильев 1985:121—122).

Поэтому не исключено, что в междуречье Таза и Енисея и, возможно, в некоторых прилегающих районах ненцы могли иметь контакты с кетами.

При учете этих данных представляется достаточно вероятным этимологическое объединение ненецкой и кетских гидролексем. Причем показательно, что на ненецкой почве имело место сокращение и стяжение форм ряда слов, ср. идентичные в семантическом отношении слова большеземельского (БЗ), канинского (К) и тазовского (Т) говоров: БЗ *илена́ха'* — К илена' «они (двое) живут» БЗ *хэвэхэ'* — К *хэвэ'* «они (двое) ушли» (Терещенко 1965:8); БЗ *Bа̂rηεs* — Т *Barηε* «ворона» (Попова 1978:102) и др. Этим, видимо, объясняется утрата конечного *с* в ненецком детерминативе.

Однако, учитывая структуру кетских гидронимов, где детерминатив *сес* с вариантом *сис'* занимает постпозитивное место, ср., напр.: *тайсес* «холодная река», *Тактынсес* «чировая река» (Дульзон 1962:67), следует говорить об их родстве лишь на семантическом уровне, что касается этимологических отношений, то для них требуются дополнительные скрупулёзные изыскания.

Что касается форманта *-ва,* то он, по мнению А. С. Кривощёковой-Гантман, в названиях рек появился уже после распада общепермского единства. Об этом, в частности, как она замечает, говорит то, что в Удмуртии гидронимов на *-ва* нет (Кривощёкова-Гантман 1973:28). Однако на территории Удмуртии встречаются гидронимы типа *Сивашур* — р., правый приток р. Бармашурки (Ярский р-н), *Сивашур* — р., правый приток р. Камы (Воткинский р-н), ср. также отгидронимный ойконим *Сивашур* (Ярский р-н), состоящие уже из трех разноязычных имён-формантов*. Разумеется, гидронимы такой структуры могли сложиться в период устойчивых коми-удмуртских взаимоотношений, хотя сложение основ в них было процессом разновременным.

Удмуртский гидроним-композита *Сишур* с вариантом *Шишур* имеет идентичность модель**.

В исследованиях последних лет отмечается, что на

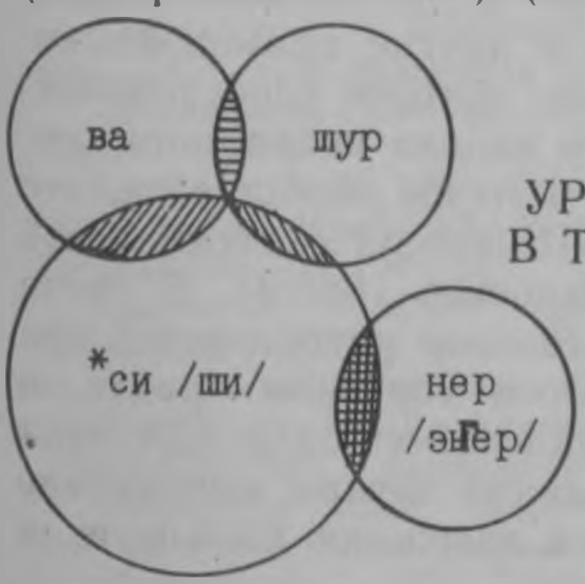
---

* Модель б: субстратный географический апеллятив (речной формант) + коми географический апеллятив (речной формант) + удмуртский географический апеллятив (речной формант).

** Модель в: субстратный географический апеллятив (речной формант) + удмуртский географический апеллятив (речной формант).

юге древнепермские племена в X—XII веках контактировали с древними марийцами, подтверждением чего служат археологические материалы, данные топонимии, наличие марийских заимствований в современном лузско-летском диалекте коми языка, определенная близость в отдельных элементах материальной культуры (Жеребцов 1982:34). Следовательно, какую-то роль в формировании топонимии северной и северо-восточной части Марийского края сыграл древнепермский этнический компонент. Так, гидронимы *Синерь* (Мамадышск. у. Казанск. губ.) (Список 1866). *Шинер* (Богдановск. р-н Пилинск. вол. Уржумск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1887:47) созданы по образцам пермских языков, где второй компонент композиты объясняется посредством лексических данных лугово-восточного марийского языка, ср. ЛВ мар. *энгер* «речка, река». При словосложении диэреза гласного *э* обусловила переход заднеязычного носового соната *н* в переднеязычный *н*. Звукопереход скорее всего продиктован стремлением к устранению артикуляционной аттракции, поскольку в гидролексеме выступают лишь переднеязычные согласные и палатальные гласные. Импульсом для выпадения переднерядного *э* послужило устранение зияния — скопления двух гласных звуков.

В период русско-марийских взаимосвязей рассматриваемый гидроним подвергся дополнительной суффиксации на почве русского языка, ср. *р. Шинерка** (Богдановск. р-н Пилинск. вол. Уржумск. у. Вятск. губ.) (Материалы 1887:47) (см. рисунок):

УРАЛЬСКАЯ ГИДРОЛЕКСЕМА
В ТОПОНИМИИ ВОЛГО-КАМЬЯ

* Модель г: субстратный географический апеллятив (речной формант) + лугово-восточный марийский апеллятив (речной формант) + рус. суф. *-к-* субъективной оценки + *а* (флексия ед. ч.)).

Интерес к отгидронимному ойкониму *Шинер* к его осмыслению появился давно. Так, название *д. Шинерь* (Кинерь Старый), расположенной при безымянном ключе на Уржумском торговом тракте, в 76 верстах от г. Казани (Мамсинск. вол. Казанск. у.), А. И. Износков, ссылаясь на «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого, пытается истолковать из сочетания джагатайского слова *шен* «населенный» с лугово-марийским словом *кине* «конопля» и татарским *ерь* «земля, страна». По его мнению, *Шинерь-Кинерь* — «обильные веселые конопляники». Кроме того, эта этимология подвергалась им существенным модификациям в семантической мотивировке. В своих новых этимологических решениях он, отталкиваясь от мысли, взятой из «Лингвистических заметок о названиях Булгар, Биляр, Моркваш» (Казань, 1879) Н. И. Золотницкого, слово *«кинэрь* (-чув. *кине сьирь*) объясняет как «местность, в которую вошли» (Износков 1885:7—8).

В одной из своих работ А. И. Износков, рассматривая географическое название *Шешурка* (Угличск. у. Ярославск. губ.; Уржумск. у. Вятск. губ.), несколько иначе осмысляет его содержание: им делается попытка отождествления топонима с этнографизмом *ши-шурка,* который, по его мнению, представляет «серебряный тюрикъ (украшеніе, носимое черемисами на головѣ) (Износков б/г:3). Необходимо, однако, при этом уточнить, что *шурка* — название головного убора замужней марийской женщины.

Другое объяснение заложено А. И. Износковым в название *д. Шишор,* имеющей и другие наименования: Шурабаш, Багишевская Пустошь, которое сопоставляется с татарской гидролексемой *су* «вода» квазиомонимичной *сы, шы, ши.* На основании чего им обобщается, что «ши шор — вода Шора», а «Шорабаш — деревня вѣ началъ рѣч. Шура, Шора'» (Износков 1885:8). В связи с этим следует отметить, что *д. Шишор* расположена при безымянном ключе на Уржумском торговом тракте, в 90 верстах от г. Казани. В начале 80-х годов XIX века в ней было 74 двора, где проживали татары магометане (93 муж. и 95 жен.) и черемисы язычники (104 муж. и 89 жен.) (Износков 1885:8).

Изложенные выше этимологии гидронима *Шишур* А. И. Износкова — яркий пример топонимического парадокса.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что субстратные апеллятивы, как и другие географические термины, являются ценным лингвистическим материалом не только для этно- и палеолингвистики, но и имеют определенное значение для исследования проблем этногенеза как марийского, так и других родственных финно-угорских, а также неродственных соседствующих народов Волго-Камского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М. Г. 1981, Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи.— Ижевск.— С. 45—96.

Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика.— Ижевск,— 83 с.

Атаманов М. Г. 1989, Исторические пласты в топонимии Удмуртии // Вопросы финно-угорской ономастики.— Ижевск.— С. 19—32.

Васильев В. И. 1985, Основные проблемы этногенетики и этнической истории северных самодийцев // Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык).— Новосибирск.— С. 119—124.

ВГ — Вятская губернія. Списокъ населенныхъ мѣсть по свѣдѣніямъ 1859—1873 годовъ.— Санкт-Петербургъ, 1876.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики.— Йошкар-Ола.— 96 с.

Галкин И. С. 1991, Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края.— Йошкар-Ола.— 158 с.

Дульзон А. П. 1962, Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. Научн. сб. Московского филилала Географического общества Союза ССР. Сб. 58: Географические названия.— Москва.— С. 50—85.

Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в.— Москва — 224 с.

Износковъ И. А. 1885, Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанского уѣзда, съ краткимъ ихъ описаніемъ.— Казань.

Износковъ И. А. О хореографическихъ мерянскихъ и черемисскихъ названіяхъ. (Без обложки и титульного листа).

Кривощёкова-Гантман А. С. 1973, Откуда эти названия? — Пермь,— 110 с.

Кузнецов В. В. 1983, Принципы номинации марийских ойконимов (бассейн р. Илеть) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4.— Йошкар-Ола,— С. 18—31.

Куклин А. Н. 1985, Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями). // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола.— С. 119—189.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1969 года.— Йошкар-Ола.— 162 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года.— Йошкар-Ола.— 150 с.

Матвеев А. К. 1987, Географическое название Урала. Краткий топонимический словарь. Изд. 2-ое, перераб. и дополн.— Свердловск.— 208 с.

Материалы 1861 — Матеріалы для географии и стастистики Рос-

сіи, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губернія. Составитель Я. Крживоблоцкий.— Санкт-Петербургъ.

Материалы 1887 — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. II. Уржумскій уѣздъ. Съ приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности.— Вятка.

Материалы 1892 — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. VII. Сарапульскій уьездъ. Ч. I. Матеріалы для оцьнки земельныхъ угодій. Съ приложеніемъ картъ: почвенной и урожайности.— Вятка.

Материалы 1893 — Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. IX. Яранскій уѣездъ. Ч. II. Подворная опись.— Вятка.

Материалы 1894 — Матеріалы по статисткѣ Вятской губерніи. Т. IX. Яранскій уѣездъ. Ч. I. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Съ приложеніемъ картъ: почвенной и урожайности ржи.— Вятка.

Мурзаев Э. М. 1984, Словарь народных географических терминов.— Москва.— 653 с.

Насибуллин Р. Ш. 1978, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов//О диалектах и говорах южно-удмуртского нареия (Сборник статей и материалов).— Ижевск.— С. 86—151.

Никольскій Н. В. 1912, Статистическія свьдьнія о черемиссахъ за 1911 годъ, съ указателемъ литературы о нихъ и изданій на черемисскомъ языкь.— Казань.— 88 с.

Попова Я. Н. 1978, Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка.— Москва.— 172 с.

Список 1878 — Списокъ населенныхъ мьсть Казанской губерніи. Вып. I, Уьздъ Казанскій. 1878 г. Составитель Членъ и Секретарь Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета Н. Н. Вечеславъ.— Казань.

Список 1866 — Списокъ населенныхъ мѣсть Россіской имперіи. Казанская губернія по свѣдѣніямъ 1859 года. Т. XIV.— Санкт-Петербургъ, 1866.

Тепляшина Т. И. 1970, Язык бесермян.— Москва.— 288 с.

Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь.— Москва.— 942 с.

Топоров В. Н. 1967, Из этимологии енисейских языков. (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*)//Этимология 1965.— Москва.— С. 311—320.

Туркин А. И. 1986, Топонимический словарь Коми АССР.— Сыктывкар.— 144 с.

М. Н. Кузнецова

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Сӧсна «свинья».

В марийском языке название свиньи *сӧсна* принято считать чувашским заимствованием (Золотницкий 1875: 65; Троицкий 1894:58; Räsänen 1920:199; Beke 1935:84; Paasonen 1948:112; Itkonen 1969:217; КЭСКЯ 310; Хаузенберг 1972:65 (под знаком вопроса); Казанцев 1985: 88). Например, Э. Итконен полагает, что в чув. *сысна* «свинья» *ы* под влиянием ударного *а* второго слога преобразования в *â*, откуда возникла форма **сасна*. Из нее позднее уже обычным путем появляются в горном **сасна*, в восточном — *с'ос'на (сосна)* и в большинстве говоров благодаря палатальным сибилянтам даже *с'ӧс'на (с'ӧсна)*.

Однако чувашское происхождение данной лексемы вызывает некоторые сомнения. Во-первых, потому, что в самом чувашском языке история появления слова *сысна* среди тюркологов не нашла окончательного объяснения. В этимологическом словаре в качестве родственных слов приводятся марийские варианты и венгерские *gyisnó, disznó,* сравниваемые с хакас. *соска,* башк. *суска,* уйг. *чочка,* тат. *чучка* (ЭСЧЯ 201). Но при этимологизировании вышеперечисленных тюркских слов М. Рясянен не указывает на чувашский зооним (1969: 113), хотя раньше тюрк. *-ка* он считал соответствием чув. *-на* (1920:199). З. Гомбоц, анализируя венг. *disznó* «свинья», предлагает тюркскую праформу **tysnaγ* (Gomborz 1912:69, 170). Во-вторых, по мнению А. Кережи, булгары из-за кочевого образа жизни не держали свиней (Кережи 1985:148). В далеком прошлом, как подчеркивает Г. Отрыганьев, свиноводство развивалось в лесных и лесостепных зонах, где условия более соответствовали особенностям свиней. В степях и полупустынях их не разводили, поэтому не случайно религии степных народов, древних евреев и мусульман запреща-

ли употребление в пищу мяса «от необычных, чужих животных» (Отрыганьев 1982:31). В-третьих, в чувашском языке имеется слово *каккай* «мясо», восходящее к монг. *гакай, гахай* «свинья». Чуваши первоначально этим словом называли одну свинину, только позднее оно получило свое современное значение (Новикова 1984:208). Как полагает Р. Ахметьянов, эти слова могли быть заимствованы не ранее и не позже первых веков н. э. (Ахметьянов 1978:121). Можно предположить, что в булгарском языке до появления его носителей на Средней Волге для номинации свиньи применялась монгольская лексема, которая впоследствии была заменена словом сысна. В-четвертых, для языковедов, занимающихся марийским языком, трудности вызывают междиалектные звуковые корреспонденции в названиях свиньи (см. Räsänen 1920:27; Beke 1935:84; Itkonen 1969:217). В-пятых, о собственно чувашском заимствовании не может быть речи, т. к. чувашизмы носят маргинальный характер. А что касается булгаризмов, то выявляется такая закономерность: обычно чувашскому *с* в марийском соответствует *ш*, и не только в начале слова, но и в середине. Наоборот, начальный марийский *с* в булгаризмах требует наличия палатального *с* (Галкин 1986: 49—51, 53—54). Поэтому М. Рясянен полагает, что чув. *сысна* в действительности возникло из *с'ысна* (Räsänen 1920:27). В-шестых, у марийцев свиноводство было развито довольно высоко еще до прихода тюркских племен на Среднюю Волгу. Вообще, финно-угры научились основам разведения свиней от балановцев, пришлых индоевропейских скотоводческих племен (Халиков 1969: 341; Петренко 1984:138). Об одомашнении ее финно-уграми, несмотря на легкую приручаемость свиньи, говорить трудно. По остеологическим материалам следы местной доместикации не прослеживаются. Домашняя свинья появляется на территории лесной полосы одновременно (не раньше и не позже) с рядом других домашних животных, полученных извне (Краснов 1971:99). Интересными в этом отношении являются выводы А. Петренко о развитии свиноводства на территории Средней Волги и Предуралья. В частности, она пишет: «Кости домашней свиньи обнаружены впервые на территории лесной зоны в памятниках поздневолосовского времени, характеризующихся кроме того признаками балановской культуры» (приблизительно начало середины II тыс. до

н. э. — *М. К.*) (Петренко 1987:144). Далее «... большинство костей получено с археологических памятников эпохи раннего железа (I тыс. до н. э.). Памятники эпохи бронзы представлены сравнительно немногочисленными коллекциями, а волжско-булгарские — единичными костями» (Петренко 1984:66). Следует сказать, что с организацией Булгарского государства разведением свиней занимались только в отдельных славянских, древнемарийских и других нетюркских городищах лесостепной зоны, не входивших в состав данного гособъединения. После обоснования Казанского ханства, экономическое и культурное влияние которого на соседние народы продолжалось длительное время, восточные и уральские марийцы, перенимая их традиции, перестали разводить свиней. Занятие это, по представлениям марийцев, каралось богом, т. к. свиньи — ненужные животные, портящие только посевы и луга. Разводили свиней и достаточно в большом количестве яранские марийцы и марийцы, живущие на Волге («У илыш», № 3 за 1924 г., стр. 21).

Лингвистические данные подтверждают выводы археологов о том, что финно-угры научились свиноводству у своих индоевропейских соседей. По крайней мере, фин. *порсас* «поросенок (домашней свиньи)» с его соответствиями в мордовских и пермских языках считается праиранским по своему происхождению и датируется финно-пермской эпохой. Но в последнее время было высказано предположение, что оно может быть одним из древнейших заимствований в финно-угорском праязыке (Joki 1973:303), который выводит ф.-п. и ф.-у. праформы в виде **pors'as* или **porc'as*. В марийском языке его заменило слово *сӧсна,* но, кажется, что следы все же сохранились, ср. междометие для подзывания свиней *порыса, борыса,* используемое марийцами Сернурского р-на, хотя Ф. Гордеев предполагает, что оно — от русск. диал. *боров* в ласкательной форме *боровуся* (Гордееев 1979:229).

Мы считаем, что есть все основания сравнивать марийское название свиньи с индоевропейскими параллелями, с которыми в свою очередь сопоставляется и русск. *свинья*. Описывая происхождение данной лексемы, авторы этимологического словаря русского языка (Фасмер 1987:578) возводят его к и.-е. корню *sus* «свинья», ср. лат. *sus*, др.-иран. *hu* «кабан». Слово само произошло

от старого прилагательного *svinъ* (и.-е. **suinos* «свиной» > русск. *свин, анг. sivine*) на *-ja*, как *gostja* «гуща» < *gostъ* «густой» (Трубачев 1960:61—69). Е. Поливанов причисляет свинью к чисто «арийским» животным, и во всех языках название свиньи, по его мнению, представляет собой миграционный термин (Поливанов 1968: 167—171).

В этимологическом словаре М. Фасмера под лемой *свиной* (Фасмер 1987:578) ст.-слав. *свинъ* приравнивается лтш. *sθins* «загрязненный». В пермских языках имеется слово *сӧс* (диал.) «поганый, нечистый, грязный, скверный» (КЭСКЯ 264), удм. *s'os'* «прожорливый, ненасытный, жадный; дикий зверь». Корень последнего К. Редеи считает этимологически идентичным глаголу *s'i* — «есть, кушать», *s'ud* «давать кушать» (к.-зыр. *s'oj* , *s'uj*, фин. *syö*). В слове *s'os' s* является суффиксом причастия: *s'o+s* «кушая, прожирая» → «жадный, прожорливый; хищник» (Redei 1978:126). Делать из этого сравнения определенные выводы затруднительно, но, вполне, что они этимологически взаимосвязаны. Пермские слова могли быть в основе названия свиньи, но все же мы склонны сопоставлять марийский зооним с индоевропейскими параллелями и считать одним из древних заимствований по аналогии с русск. *свинья*.

Талгыде «жеребенок-стригунок; двухлеток».

В диахроническом аспекте зооним является затемненной деривацией с корнем *тал* Л В СЗ, *тӓл* Г и словообразовательным суффиксом *-гыде (-гудо, -гӱдӹ)*.

Первый компонент данного термина Г. Берецки и К. Редеи связывают с удм. *толес* «жеребенок после первого года», *толес вал* «жеребенок после первой зимы», которые соответственно возводят к удм. *тол* «зима», т. е. «жеребенок, перезимовавший одну зиму», тогда как *гудо, гыде, гӱдӹ* рассматриваются ими как суффиксы, характерные только для марийского языка (Bereczki 1964:387; Redei 1982:224). По мнению К. Редеи, *талгыде, талгыде имне* является гибридным заимствованием из удм. *толес вал*.

Мы полагаем, что первую часть зоонима логичнее сопоставить не со словом *тел* «зима», а с корнем *тал ~ тел,* имеющемся во многих языках, см. эст. *tall* «ягненок», фин. *tallo* «годовалая свинья» (Saareste 1925:47); алт. *t'āl, t'el* «молодое животное-подсосок», и.-е. **tehl* «молодое животное, растение» (Вернер

1977:8); осет. *dalys*, *dalis* «годовалый барашек». В. Абаев считает их словами неясного происхождения, хотя приводит надежные соответствия из сванского языка *dalisw*, *dalüs* «барашек в возрасте от 6 месяцев до 1 года» и из русск. (новгород.) *давись* «одногодок». Русская форма, по мнению В. Абаева, лучше всего объясняется в плане осетинско-пермских лексических связей (Абаев 1958:342); лит. *telias* «теленок», лтш. *telš* «тж» *tele* «не отелившаяся корова, теленок-телка», слав. *tele* «теленок» (LEW 1077). Сюда же можно отнести и удм. *толес* «стригунок, двухгодовалый жеребенок». Итак, общее значение корня *tal* ~ *tel* «молодое животное, молодое растение, что-то молодое». Следует подчеркнуть, что слово талгыде в марийском языке раньше употреблялось для выражения возрастной градации домашних животных, например, кокъ-талгуданъ «двухлетний», пель-талгуданъ «полугодовалый» (Канцеровский 1859:72, 114). По всей вероятности, зооним талгыде «жеребенок-стригунок» когда-то имел более широкую семантику, мог характеризовать молодое животное, вернее, годовалое.

Вторая часть зоонима представляет собой словообразовательный суффикс имен прилагательных *-кыдо (-гыдо, -куды, -гыде)* от имен существительных и наречий, ср. *лушкыдо* «слабый, нетугой» от *луш* «слабо, нетуго», *чоткыдо* «крепкий, тугой» от *чот* «крепко, туго». В современном марийском языке суффикс непродуктивен, по происхождению является сложным: **-ке+*-та (-тӓ)* → **-кета (-кетӓ)* (Галкин 1966:69).

Ушкал «корова».

Слово считается иранским заимствованием, хотя с иранским источником связывается в основном вторая половина слова *-кал*, ср. осет. *gal* «бык, вол», перс. *кал* «буйвол» (Гордеев 1967:199; СМЯЛ 78; Галкин 1986:40). По мнению В. Абаева, в осетинском языке зооним является кавказским субстратом, ср. азер. *k'al* «буйвол», лезг. *kal* «корова» (Абаев 1958:506; Цховребов 1973:7). Со значением «корова» термин имеется и в родственных финно-угорских языках, ср. морд., удм. *скал*, для которых предлагается допермская основа **uskal* (Лыткин 1964:202; Itkonen 1971:46). Некоторые трудности вызывает первая часть слова *уш-*. Ф. Гордеев связывает ее с названием быка в волжско-пермских языках, см. удм. *ош* «бык», к.-зыр. *ӧш, ӧшк*, мар. *ӱшкыж, ӱшкӱж* «тж» < и.-ир.: санскр. *uk'san* «бык»

(Гордеев 1967:199), т. е. зооним *ушкал* образовался как бы путем слияния двух иранских слов со значениями «бык», «бык; корова». Факт существования названия в волжско-пермских языках, их близкое фонетическое оформление и одинаковая семантика все же позволяет нам не соглашаться с данной точкой зрения. К. Редеи выводит для них финно-пермскую основу **uskalɛ* и высказывает предположение, что слово могло быть заимствовано из иранских языков, но первоначальная форма его все же неизвестна (UEW 805). В индоевропейских языках имеется атематическая основа **skulu* «молодой бык, бык», сохранившаяся в греческом языке со значением «щенок» и в латинском — со значением «детеныш животного, бычок». К данной основе восходит арм. *cul* «бык» (Туманян 1968:59). Археологические данные свидетельствуют нам о том, что история массового появления крупного рогатого скота у населения Среднего Поволжья во II тыс. до н. э. неразрывно связана с пришлыми южными срубными племенами, являющимися носителями индо-иранских языков. На территории лесной и лесостепной зон коров как молочных животных (крупный рогатый скот на ранних этапах существования содержался преимущественно для получения мясных продуктов питания) стали широко использовать во второй половине и в конце II тыс. до н. э. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что костные остатки с финно-угорских городищ, принадлежащие крупному рогатому скоту, позволяют говорить о большем сходстве последнего с древнерусским лесным скотом (Петренко 1984:28, 43, 48 и т. д.). Данная версия требует дальнейших подробных исследований, но мы склонны рассматривать слово *ушкал* «корова» как одно из древних индоиранских заимствований в финно-пермскую эпоху.

Ври (детс.) «овца», *ври-ври* Л В, *врий-врий В, вари-вари* Л — подзывные междометия для овец и ягнят.

Ф. Гордеев происхождение данного слова связывает с русским императивным междометием для подзывания овец *быри-быри* и полагает, что оно представляет редуцированный вариант *барь-барь*, этимологически связываемого с *баран* (Гордеев 1979:232).

По нашему мнению, лексема *ври* «овца» является индоиранским наследием, ср. и.-ир. **wara* «барашек»: перс. *bara*, *barra*, *vara*, *vare* «ягненок», др.-и. *ura* «овца» (Абаев 1989: 87).

Данная этимология подтверждает выводы археологов о том, что финно-угры Поволжья научились скотоводству в далеком прошлом у своих южных соседей. Подчеркнем и то, что очагами одомашнивания овец признаются районы юго-запада Азии и Средиземноморья, ср. также мар. *меж* «шерсть» ~ ягноб. *меш* «овца».

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. 1958, 1989, Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I.— Москва-Ленинград; Т. 4.— Ленинград.

Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарских и чувашских языков.— Москва.

Вернер Г. К. 1977, Вопросы эволюции общеенисейского языка в свете ностратических реконструкций // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов.— Москва.— С. 7—10.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Часть II.— Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1986, Марий исторический лексикологий.— Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа.— Йошкар-Ола.— С. 180—203.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Т. 1; 1983, Т. 2.— Йошкар-Ола.

Золотницкий Н. И. 1875, Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками разных народов тюркского, финского и других племен.— Казань.

Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка.— Йошкар-Ола.

Кережи А. 1985, Положение и развитие животноводства в традиционной культуре финно-угорских народов Восточной Европы // CIFU 6. Studia Hungarita. Syktyvkar.— С. 143—150.

Канцеровский А. 1859, Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и словарь.— Казань.

Краснов Ю. А. 1971, Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— Москва.

КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* 1970, Краткий этимологический словарь коми языка.— Москва.

Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков.— Москва.

Новикова К. А. 1984, Названия животных в тунгусо-маньчжурских языках // Алтайские этимологии.— Ленинград.— С. 184—221.

Отрыганьев Г. К. 1982, Как приручили животных.— Москва.

Петренко А. Г. 1984, Древнее и средневековое животноводство Поволжья и Предуралья.— Москва.

Петренко А. Г. 1987, Первые следы появления домашних сельскохозяйственных животных в лесных районах Среднего Поволжья // Древности Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 13.— Йошкар-Ола,— С. 142—147.

Поливанов Е. Д. 1968, Статьи по общему языкознанию. Избранные работы.— Москва.

СМЯЛ — *Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С.* 1972, Современный марийский язык. Лексикология.— Йошкар-Ола.

Троицкий В. П. 1894, Черемисско-русский словарь // ИОАИЭ.— Казань.

Трубачев О. Н. 1960, Происхождение названий домашних животных в славянских языках.— Москва.

Туманян Э. Г. 1968, Морфологический анализ индоевропейских терминов, обозначающих животных, в армянском языке // ВЯ.— № 5.— С. 50—65.

У илыш.— № 3 — 1924.— Йошкар-Ола.

Фасмер М. 1987, Этимологический словарь русского языка. Т. 3.— Москва.

Халиков А. Х. 1969, Древняя история Среднего Поволжья.— Москва.

Хаузенберг А.-Р. 1972, Названия животных в коми языке. Сравнительно-исторический анализ.— Таллинн.

Цховребов В. К. 1973, Скотоводческая терминология осетинского языка. Автореф. канд. диссер.— Тбилиси.

ЭСЧЯ — *Егоров В. Г.* 1964, Этимологический словарь чувашского языка.— Чебоксары.

Beke Ö. 1935, Zur lautgeschichte der tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen // FUF XXIII.— Helsinki — S. 66—84.

Bereczki G. 1964, Etimologiai megjegyzések // Nyk 66.— Budapest.— Ö. 385—388.

Gombocz Z. 1912, Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache // MSFOu XXX.— Helsinki.

Itkonen E. 1969, Thesen und Antithesen in der finnisch-ugrischen Vokalforschung // UAJ 41.— Wiesbaden.— S. 212—251.

Itkonen E. 1971, Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen // FUF XXXIX.— Helsinki.— S. 41—75.

Joki A. 1973, Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen // MSFOu 151.— Helsinki.

LEW — *Fraenkel E.* 1965, Litauisches etymologisches Wörterbuch.— Heidelberg-Göttingen.

Paasonen H. 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro.— Helsinki.

Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen // MSFOu XLVIII.— Helsinki.

Räsänen M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen // SUS:LSEU XVII.— Helsinki.

Rédei K. 1978, Szófejtések Nyk 84 — Budapest.— Ö. 120—126.

Rédei K. 1982, Szófejtések Nyk 84.— Budapest.— Ö. 221—228.

Saareste A. 1925, Leksikaalseist vahekordadest eesti murretes. Tartu, 1924 // Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli Toimetused. B. Humaniora VI.— Tartu.

UEW — *Rédei K.* 1988, Uralisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 7.— Budapest.

А. С. Ефремов

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

0.1. Процесс номинации предметов и явлений объективной реальности зависит не только от состава лексических единиц, но и от того, какими словообразовательными формантами располагает язык, позволяющий судить о его выразительности и гибкости. Поэтому выявление структурно-словообразовательных особенностей является важным моментом лингвистического анализа. К тому же морфологический анализ той или иной ограниченной по своему объему лексической группы может дать новые факты, оставшиеся незамеченными при описании всей лексики в целом, и, по мнению А. Р. Хаузенберг, представляет значительный интерес для языкознания (Хаузенберг 1972:172). В настоящей статье мы стремимся раскрыть закономерности и специфические черты, нашедшие свое отражение в структурных элементах фитонимов марийского языка. Структурно-словообразовательные модели выявляются нами, в основном, на синхронном уровне, делаются попытки проследить ход словообразовательного акта.

0.2. Лексика любого языка проходит длительный путь в процессе своего формирования, поэтому она неоднородна. И морфологическая структура марийских фитонимов неоднообразна. Она обусловлена многими внутренними и внешними факторами. По своей структуре марийские названия растений функционируют в виде простых и сложных конструкций.

1.0. В зависимости от наличия словообразовательных формантов простые названия делятся на простые непроизводные и простые производные (суффиксально оформленные) структурные единицы.

1.1. В простых непроизводных фитонимах не выделяются словообразовательные форманты; связь с реалией условна и немотивирована.

1.1.1. К простым непроизводным наименованиям относятся древние названия, имеющие соответствия в родственных финно-угорских языках: *локон* Л, В, Г, *локан* СЗ «белая лилия», *модо* Л, В, *муды* Г, *мудо* СЗ «черника (ягода)», *мӧр* «ягода», *нуж* «крапива», *шоптыр* Л, В, *шаптыр* Г, СЗ «смородина», *шоршо* Л, В, *шаршы* Г, *шашы* СЗ яр., *сасы* СЗ тонш. «калина», *шымаш* «костяника», *энгыж* Л, В, *ӹнгӹж* Г, *енгӹж* СЗ «малина».

Собственно марийские названия в данной подгруппе представлены фитонимами *неде* Л, В, *неды* Г «лютик», *снеге* «земляника», *шудо* «трава». Как правило, простые непроизводные наименования представлены названиями ягодных растений.

1.1.2. Среди непроизводных фитонимов выявляются иноязычные заимствования. Длительное контактирование генетически с неродственными языками приводит к проникновению чужеродных элементов, например: *авага* В белеб., менз. «папоротник» < тат. *абага* «тж», *кекен* Л, В, *кикан* Г «чемерица» < чув. *кикен, кӳкен* «тж», *клевыр* < русск. *клевер* и другие.

1.2. Другая группа несоставных фитонимов представлена производными (суффиксально оформленными) структурными единицами. Следует заметить, что суффиксальный способ образования для марийских фитонимов является непродуктивным. Можно выделить следующие суффиксы в словообразовании фитонимической лексики марийского языка.

1.2.1. *-ле.* Восстанавливается путем сравнения диалектных данных: *косатале* «пикульник», ср. *косата* «жабрей»; *тусатальы* Г «живучка», ср. *тусита, тусатай* Г «душица».

1.2.2. *-ме (-мӧ, -мы, -мӹ): пӹзылмы* Г, *пизӹльмӹ* СЗ шар., ср. *пызле* Л, В, *пизли* СЗ яр., *пӹзли* СЗ тонш. «рябина»; *пӳкшерме* Л, В, ср. *пӳшкер* СЗ «орешник». Рассматриваемая морфема в современном марийском языке относится к числу мертвых.

1.2.3. *-(а)н.* Обнаружен в одном-единственном слове: *косьатан* В кр. «яснотка белая», ср. *косата* «жабрей».

1.2.4. *-нге: вычыранге* Л, В «плющ». По-видимому, произошел перенос семантики от *вычыранге: водовычыранге* «летучая мышь». Этот же суффикс можно выделить в фитониме *сырланге* В «липучка», ср. *сырлан* В менз. «плющ». Очевидно, этот же суффикс представ-

лен и в слове *коршанге* Л, В, *каржангы* Г «репей», ср. морд. *керы-щай* «телорез (раст.)» (ЛСМЯ 275).

1.2.5. *-н'э*. Восстанавливается в единичных словах путем сравнительного анализа данных родственных языков: *регень, рехень* Г, *регеньы* СЗ «мох», ср., к. *рой* «древесный мох».

1.2.6. *-че*. Встречается в некоторых диалектах. Его наличие устанавливается по соотнесению других областнических слов, которые не содержат рассматриваемого форманта: *регенче* Л, В, ср. *регень, рехень* Г «мох»; *пӱнчӧ* Л, В, ср. *пӹн* Г «сосна».

1.2.7. *-ыж (-ӹж)*. Данная морфема выделяется путем сравнения диалектных данных: *пӧчыж* Л, В, *пӧцӹж* СЗ «брусника», ср. *пӧчы* Г «клюква».

1.2.8. *-ыл*. Этот суффикс отмечается в одном слове: *кушкыл* Л, В «растение, растительность» от *кушкаш* «расти».

1.2.9. *-ыш*. Морфема *-ыш* образует фитонимы, которые выражают результат действия. Она представлена в названиях *кушкыш* Г «растение, растительность» < *кушкаш* «расти», *пеледыш* «цветок» < *пеледаш* «цвести, расцветать».

2. Более многочисленны (по нашим подсчетам, около 80%) сложные наименования растений, образованные лексико-синтаксическим способом. Прежде чем перейти к обзору фитонимов данной группы, необходимо рассмотреть двучленные термины, функционирующие в сфере словосочетаний и сложных слов. С определением границы между свободными словосочетаниями и композитной связаны большие трудности. Поэтому в лексикографических источниках не всегда выдерживается последовательность в графическом изображении фитонимической номенклатуры. Так, в словаре В. М. Васильева подобные конструкции фигурируют или в слитном, или в раздельном оформлении, или же в дефисном написании, ср.: *кольагоршанге* «репей болотный» (ММ 72), *кольа умла* «мышиный хмель» (ММ 72), *комбыйолшудо* «баранчики» (ММ 73) и др. Аналогичная картина наблюдается и в «Марийско-русском словаре» (1956), где тождественные по структуре названия рассматриваются по-разному, ср.: *ошмӱйшудо* «клевер белый» (398) и *пылыш совла шудо* «торица» (485), *уш колтышо шудо* «дурман» (607) и *шӹлгыштымшуды* Г «подорожник» (759), *пӧшыр шудо* «трава от грыжи»

(тысячелистник обыкновенный) (453) и *шыгылешудо* «чистотел» (750) и др.

В 1976 г. был издан Марийский орфографический словарь (составители И. С. Галкин и З. В. Учаев), который должен был внести ясность в вопрос о правописании сложных слов. В словаре имеется специальный параграф, констатирующий, что «сложные слова, обозначающие названия трав, цветов ... пишутся слитно» (ОМ 10). Однако в сфере ботанической номенклатуры сам орфографический словарь допускает непоследовательность в разграничении композит от синтагм. Например, в качестве примера в правилах приведены фитонимы-композиты *йожгашудо, ошкизавондо* (ОМ 10), но в словаре они отсутствуют. Поэтому остается только гадать: или же они представляют собой сложные слова, или свободные словосочетания. Отступление от норм орфографии проявляется и в произведениях художественной литературы, ср. *коля пурса* «мышиный горох» (Филиппов 1980:34), *пурса шудо* «горох (трава)» (Там же, с. 36) и др.

Как известно, основным признаком самостоятельности, внутреннего единства композит является их цельнооформленность (Левковская 1962:274). Семантическая единооформленность композиты выражается в том, что сложное образование имеет более определенное значение чем то, которое вытекает из суммы значений составляющих его компонентов, т. е. соответствует определенному предмету или явлению действительности. Например, фитоним *шымавуч,* букв. «гладкий стебель» обозначает не какую-нибудь абстрактную траву с гладким стеблем, а Archangelica officinalis «дягиль лекарственный». Семантика сложного слова заключается в смысловой спаянности и некоторой суммарности составляющих компонентов (Лаврентьев 1984:159). Цельнооформленность сложных слов в акцентологическом плане заключается в том, что они характеризуются одним основным ударением: *киндывӱч* «борщевик» < *кинде* «хлеб»+*вуч (пуч)* «стебель», *мамыкшӱдо* «одуванчик» < *мамык* «пух», «пуховый»+*шудо* «трава» и др. Учитывая эти обстоятельства, фитонимы, образованные из нескольких элементов, рассматриваются нами как композиты. К тому же использование способа словосложения в интересах стандартизации терминологии представляется вполне целесообразным и необходимым.

3.0. Как было отмечено выше (2.0), сложные наименования образованы лексико-семантическим способом путем словосложения. Компоненты, составляющие композиту, находятся между собой в подчинительной связи. В них выявляются основной (определяемый) и определяющий (атрибутивный) компоненты. Оба компонента могут сами представлять из себя сложные слова. Как правило, такие наименования являются не двухосновными, а трех- или четырехосновными, например: *кайык-шемшыдан* «топтун-трава» — в роли определяемого компонента функционирует сложное слово *шемшыдан* «гречиха», а в качестве определяющего — *кайык* «птица», букв. «птичья гречиха». Все сложные наименования делятся на две группы.

3.1. Беглый просмотр списка ботанической номенклатуры показывает, что непродуктивность суффиксального словообразования возмещается в какой-то степени употреблением в композитах в качестве основного компонента слов, указывающих на класс реалии или относящихся к анатомии растений, известных под термином детерминат. В фитонимах-композитах в роли детермината выступают слова:

3.1.1.— *шудо* «трава»: *алгашудо* «пырей», *кояшудо* «алоэ», *туарашудо* «манжетка», *шаргенчышудо* «пастушья сумка» и др.

3.1.2.— *пеледыш* «цветок»: *йӹлгавеледыш* Г «подснежник», *сандалпеледыш* В «ландыш», *тулпеледыш* «горицвет» и др.

3.1.3.— *вондо* «стебель», «кустарник»: *алгавондо* «вереск», *ошкизавондо* «белая жимолость», *иявондо* «чертополох», *энгыжвондо* «куст малины» и др.

3.1.4.— *вуй* «верхушка, колос, голова»; чаще всего детерминат выступает в значении «цветок»: *кандывуй* «василек», *нарынзывуй* Г. «купальница», *шовынвуй* «кукушник» и др.

3.1.5.— *пуч* Л, В, *пыч* Г «стебель»: *киндывуч* «борщевик», *курайвуч* «дудник», *кӹртньывуч* «свербига», *шымавуч* «дягиль» и т. п.

3.1.6.— *лышташ* Л, В, *лышташ* Г, *лӹштӓкш* СЗ «лист»; данный детерминат встречается в фитонимах: *мӓнтӓлӹштӓкш* СЗ «мать-и-мачеха» *пӹзылмылӹшташ* Г «черноголовка» и др.

3.1.7. В единичных случаях функционируют детерминаты: *сӓскӓ* В «цветок», *чача* «тж», *вож* «корень».

3.2. Марийские сложные наименования растений образуются также путем присоединения атрибутивного компонента к лексеме, которая представляет собой уже какое-нибудь известное растение, например: *пурса* «горох» — *колявурса* «мышиный горох». В народной систематике растений отношения между подобными растениями, видимо, рассматриваются как отношения рода и вида (горох — мышиный горох), противопоставляясь, однако, больше, чем объединяясь, что отмечается в самих названиях. В подобных наименованиях известное название растения функционирует в роли определяемого компонента и указывает на род или вид объекта. Можно выделить следующие группы, в которых роль детерминанта выполняет «известное название растения».

а) — *мӧр* «ягода»; в диалектах марийского языка употребляется также для обозначения «земляники», «клубники»: *кожламӧр* Л мрк.-срн. «земляника», *кугымӧр* «клубника», *музымӧр* «костяника» и др.

б) — *пӧчыж* Л, В «брусника», Г «клюква»: *айдемывӧчыж* Л «брусника»; *пивӧчыж* «толокнянка», *тыртнявӧчыж* Г «голубика» и др.

в) — *шоптыр* Л, В, *шаптыр* Г «смородина»: *иманшоптыр* «крыжовник», *каракшоптыр* «воронец колосистый», *ужаршоптыр* «крыжовник» и др.

г) — *пурса* Л, В, *пырса* Г «горох»: *колявурса* «мышиный горох», *ногытпырса* Г «бобы», *турнявурса* «чина лесная» и др.

д) — *пелчан* Л, В, *пилцӓн* СЗ «осот»: *аярпелчан* «татарник», *шӧрпелчан* «осот желтый», *шуркапелчан* «бодяк полевой» и др.

3.2.1. В единичных сложных конструкциях функционируют лексемы *почкалтыш* «крапива», *нуж* «тж», *коршанге* «репей; репейник», *шӱльӧ* «овес» и др.

3.3. Детерминанты, указывающие на класс объекта номинации или на морфологические части его (колос, стебель, лист, корень) иногда носят факультативный характер: наименование может употребляться с детерминантом и без него, ср. *армышудо — арым* «полынь», *висвисшудо — висвис* «ромашка», *кекеншудо — кекенвож — кекен* «чемерица», *киякшудо — кияк* «осока», *локоншудо* Л, В, *локоншуды* Г — *локон* Л, В, *локан* СЗ «белая лилия», *полдыранвуч* Л, В, *палдыранпыч* Г — *полдыран* Л, В, *палдыран* Г «борщевик», *сандалпеледыш* В — *сандал* В «ландыш», *урвочшудо — ур-*

воч «хвощ полевой», *ӱвуйшудо — ӱвуй* «чистяк весенний» и др. По своей семантике эти коррелятивные пары тождественны, их распространенность в разговорной речи и письменности одинакова. Функционирование детерминанта зависит от речевой ситуации. В наименованиях, в которых грамматически опорными словами являются детерминанты, основную семантическую нагрузку несет атрибутивный компонент. Детерминанты, будучи грамматически опорными словами, лексически действительно пусты и выражают собой чисто грамматическое значение. По-видимому, многие в настоящее время простые наименования появились из сложных названий в результате детерминанта, т. е. в процессе эллипсиса. Аналогичная картина наблюдается в лексике флоры финского языка (Сюрьялайнен 1982:106), коми языка (Ракин 1984:167), в орнитонимии марийского языка (Васильев 1984:13—14). Вероятно, в основе эллипсиса лежит принцип языковой экономии (Серебренников 1974: 23), который находит чисто внешнее выражение в стремлении информантов опустить детерминант, если в беседе совершенно ясно, о каком объекте идет речь.

4.0. Следующую группу сложных наименований представляют фитонимы, образованные семантическим способом. Как правило, в окружающей нас действительности много сходных предметов и явлений, чем-то напоминающих друг друга. Фитонимы-композиты с переносным значением возникают путем переноса уже существующих слов на новый для них предмет. Они образованы через метафору, сравнение, сопоставление. В этом случае апеллятивы, став компонентами сложных конструкций, иногда полностью утрачивают свои исконные значения и приобретают новые метафорические или метонимические как результат определенных ассоциаций, например: *комбыйол* «баранчики», букв. «гусиные лапки», *урвоч* «хвощ», букв. «беличий хвост» и др. С точки зрения осмысливаемости компонентов фитонимов-композит или изменения их семантики марийские сложные названия растений делятся на две группы.

4.1. Первую группу составляют сложные слова, одна из составных частей которого не осмысливается с точки зрения современного марийского языка и не функционирует как самостоятельная лексическая единица: *андевуч* «володушка золотистая» (*вуч*< *пуч* «стебель»), *аракапулеж* «кислица» (*арака* «вино», «водка» в значе-

нии «кислый»), *вӱднеде* Л, *вӹднеды* Г «щелковник» (*вӱд, вӹд* «вода»), *нӧнӧшудо* Л диал. «аир болотный» (*шудо* «трава»), *пуннулеж* «бутень» (*пун* «пух»), *тали-полдыран* «пастернак» (*полдыран* «борщевик»), *трӓсӓк-пӧчыж* «вид брусники» (*пӧчыж* «брусника»).

4.2. Вторую группу сложных номинаций составляют конструкции, в которых один или оба компонента употребляются в переносном значении, но они могут функционировать как самостоятельные лексические единицы.

4.2.1. В переносном значении — один из составляющих композиты: *кӱртньышудо* «папоротник» (*кӱртньӧ* «железо»), *музымӧр* «костяника» (*музо* «рябчик» и *мӧр* «ягода»), *пырысшудо* «валериана» (*пырыс* «кошка»), *шаргенчышудо* «пастушья сумка» (*шаргенче* «гнида») и др.

4.2.2. Оба компонента — в переносном значении. Составные части композиты данного типа могут функционировать также в сфере свободных словосочетаний: *кишкышинча* «фиалка», ср. *кишке шинча* «змеиный глаз», *маскаумша* «льнянка обыкновенная», ср. *маска умша* «медвежья пасть»; *ӱшкыжвоч* «цикорий», ср. *ӱшкыж поч* «бычий хвост» и др.

5.0. Марийские сложные наименования ррастений в зависимости от числа их составляющих могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными. Следует заметить, что почти во всех случаях в качестве определяемого слова функционирует имя существительное.

6.0. В зависимости от принадлежности компонентов к той или иной части речи в двучленных фитонимах выделяются следующие структурные модели.

6.1. Существительное+существительное (ИС+ИС). С учетом лексических значений компонентов наиболее продуктивными являются типы сочетаний.

6.1.1. Название живого существа+название растения: *калянуж* Г «крапива жгучая»=*каля* «мышь»+*нуж* «крапива»; *маскаписан* «чертополох»=*маска* «медведь»+*писан* «осот»; *меранковышта* «очиток»=*меран* «заяц»+*ковышта* «капуста»; *ужавашудо* «водяной перец»=*ужава* «лягушка»+*шудо* «трава» и др. Как правило, такого рода названия присваиваются менее значимым видам диких растений и несъедобность (незначимость) выражается отнесением их к животным и птицам, которое не имеет строгого фиксирования, поэтому «животные и птицы» легко меняются. Например, для

обозначения мышиного гороха употребляются фитонимы *колявурса,* букв. «мышиный горох», *пийвурса,* букв. «собачий горох», *тыртнявырса* Г, букв. «журавлиный горох», ср. мышь — собака — журавль.

6.1.2. Название живого существа+название части (органа) тела: *агытанйол* «бальзамин»=*агытан* «петух»+*йол* «нога»; *пирыгӱч* «змееголовник»=*пире* «волк»+*гӱч* < *кӱч* «ноготь»; *сӧснанер* «водяная лилия»=*сӧсна* «свинья»+*нер* «нос» и др. Подобные конструкции содержат характеристику отдельных морфологических частей.

6.1.3. Конструкции, образованные по модели «существительное со значением места произрастания+название растения». В качестве определительного компонента в фитонимах данного типа функционируют лексемы *вӱд* «вода», *куп* «болото», *олык* «луг» и др.: *вӱдпӱкш* «чилим», *чодырамак* «купальница», *куппӧчыж* «брусника» и др.

6.1.4. Конструкции, построенные по модели «название растения+имя существительное, указывающее на класс объекта номинации»: *кияршудо* «буранчик»=*кияр* «огурец»+*шудо* «трава»; *шоптырвондо* «смородина» (кустарник)=*шоптыр* «смородина»+*вондо* «стебель».

6.1.5. Название болезни, части (органа) тела человека+детерминант — *шудо: кӧтӧрмашудо* «герань луговая»=*кӧтӧрма* «молочница (болезнь полости рта)»+*шудо* «трава»; *пӱйшудо* «белена» (*пӱй* «зуб»); *шӱмшудо* «герань» (*шӱм* «сердце») и др. Характерная особенность реалий, обозначаемых данными фитонимами,— широкое применение в народной медицине.

6.1.6. Собственное имя+существительное: *йоропишуды* Г «зверобой»=*йоропи* «Ерофей»+*шуды* «трава»; *сонимакы* Г «алтей»=«Соня»+«мак»; *чопайчай* «вербейник»=«Степан»+«чай» и др.

6.2. Прилагательное+существительное (ИП+ИС).

6.2.1. Определительный компонент указывает на цветовую окраску: *йошкарэҥыж* «малина красная», *шемшоптыр* «черная смородина», *ошписан* Г «татарник» и др.

6.2.2. Определительный компонент указывает на внешние признаки реалии — размер, величина листьев, ягод, стебля и др.: *изимӧр* «земляника», букв. «маленькая ягода», *кугушудо* «серпуха», букв. «большая трава», *кугумӧр* «клубника», букв. «большая ягода» и др.

6.2.3. Относительное прилагательное с суф. *-ан*+название растения. В подобных конструкциях указывается на наличие или обладание реалией чем-либо: *йолваншудо* «пырей», букв. «трава с бахромой», *калтаншудо* «желтушник», букв. «трава со стручком», *иманшоптыр* «крыжовник», букв. «колючая смородина» и др.

6.2.4. Конструкции с определительным компонентом *кочо* «горький», *шопо* «кислый», *шере* «сладкий», *цаж* Г «кислый» характеризует объект номинации со стороны вкусовых свойств: *кочышудо* «полынь», *шопышудо* «щавель», *шервӧчыж* «брусника» и др.

6.3. Причастие+существительное (П+ИС): *кушмышудо* «подорожник», *пӱчмышудо* «тысячелистник», *сымыстарымшудо* «любка двулистная», *тырлыктарышышудо* «девясил».

6.4. Числительное+существительное (ИЧ+ИС): *кумпылыш* «вахта трехлистная»=*кум* «три»+*пылыш* «ухо», *тестевуй* «пижма»=*тесте* «десяток»+*вуй* «голова».

6.5. Числительное+числительное (ИЧ+ИЧ): *кудлу* Г «василистник» =*куд* «шесть»+*лу* «десять».

6.6. Категориально-недифференцированное слово + существительное (КНС+ИС) : *ӱмбалшудо* «подорожник»=*ӱмбал* «верх, поверхность, верхний»+*шудо* «трава».

7.0. Структурные модели трехчленных фитонимов.

7.1. Существительное+существительное + существительное (ИС+ИС+ИС): *мӱшудывож* «солодка»=*мӱй* «мед»+*шудо* «трава»+*вож* «корень»; *пивуйвыч* Г «омежник»=*пий* «собака»+*вуй* «голова»+*выч* < *пыч* «стебель»; *уржавуйшудо* «тимофеевка»=*уржа* «рожь»+*вуй* «голова»+*шудо* «трава».

7.2. Прилагательное + существительное + существительное (ИП+ИС+ИС): *кандывуйшудо*=*канде* «голубой, синий»+*вуй* «голова»+*шудо* «трава»; *ошвуйшудо* «ромашка» (*ошо* «белый»).

7.3. Существительное + прилагательное + существительное (ИС+ИП+ИС): *коляшинчаланшудо* «щавель воробьиный»=*коля* «мышь»+*шинчалан* «соленый»+*шудо* «трава»; *шӱкорадышудо* «дурнишник»=*шӱк* «мусор»+*ораде* «глупый»+*шудо* «трава»; *чинчывуяншудо* «вероника дубравная»=*чинче* «блестки»+*вуян* «с головой»+*шудо* «трава».

7.4. Прилагательное + прилагательное + существительное (ИП+ИМ+ИС): *изынарынзыведедыш* Г «лю-

тик едкий»=*изи* «маленький»+*нарынзы* «маленький»+*веледыш* < *пеледыш* «цветок»; *кандывуянпеледыш* «василек»=*канде* «голубой, синий»+*вуян* «с головой»+*пеледыш* «цветок».

7.5. Существительное + причастие + существительное (ИС+П+ИС): *вӱркучышшудо* «тысячелистник», букв. «кровь держащая трава», *мӱшкыркорштымошудо* «лапчатка», букв. «трава от боли живота».

7.6. Существительное + послелог + существительное (ИС+ПС+ИС): *корнывоктеншудо* «подорожник» = *корно* «дорога»+*воктен* «около, возле, рядом»+*шудо* «трава».

7.7. Числительное + прилагательное + существительное (ИЧ+ИП+ИС): *кудвуянпеледыш* Г «василек»= *куд* «шесть»+*вуян* «с головой»+*пеледыш* «цветок».

7.8. Числительное + числительное + существительное (ИЧ+ИЧ+ИС): *кутлукш* «василек»=*куд* «шесть»+*лу* «десять»+*укш* «ветвь».

8.0. Структурные модели четырехструктурных фитонимов.

8.1. Числительное + числительное + существительное + существительное (ИЧ+ИЧ+ИС+ИС): *кутлукшпеледыш* «василистник»=*куд* «шесть+*лу* «десять»+*укш* «ветвь»+*пеледыш* «цветок».

8.2. Числительное + числительное + существительное + существительное (ИЧ+ИЧ+ИП+ИС): *кудлувуянпеледыш* «василистник»=*куд* «шесть» + *лу* «десять»+*вуян* «с головой»+*пеледыш* «цветок».

Завершая краткий анализ структурно-словообразовательных особенностей травянистых растений и ягод, можно сказать, что тенденции, присущие для данной группы лексики, являются отражением морфологических закономерностей, характерных лексике марийского языка в целом. Так, флористической лексике не характерен префиксальный способ словообразования. В образовании ботанической номенклатуры участвуют такие способы словообразования, как суффиксация, синтаксический (словосложение) и семантический (перенос названий) способы. Суффиксально оформленные фитонимы составляют около 30% от всех названий травянистых растений и ягод. Но в целом суффиксация не является продуктивным способом обогащения марийских фитонимов. Этот «недостаток» удачно компенсируется функционированием в сложных номинациях детерминанта. Эти сло-

ва указывают на класс реалий или относятся к анатомии растений. Чаще всего в роли детерминанта выступают лексемы *шудо* «трава» (290), *пеледыш* «цветок» (43), *пуч* «стебель» (32), *вуй* «голова, верхушка» (28), *саска* «цветок» (16) и др. В группе сложных фитонимов функционируют структурные единицы, построенные из нескольких лексем, а именно: двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные. Их количественное соотношение и частичность употребления морфологических типов можно проиллюстрировать таблицей.

Количество компонентов	Структурные модели	Кол-во		В %	
2-хкомп.	ИС + ИС	391	537	61,49	86,89
	ИП + ИС	131		21,21	
	П + ИС	11		3,55	
	ИЧ + ИС	2		0,32	
	КНС + ИС	1		0,16	
	ИЧ + ИЧ	1		0,16	
	ИС + ИС + ИС	46		7,44	
	ИП + ИС + ИС	10		1,62	
	ИС + ИП + ИС	9		1,43	
3-хкомп.	ИП + ИП + ИС	3	79	0,41	12,79
	ИС + П + ИС	8		1,34	
	ИС + ПС + ИС	1		0,16	
	ИЧ + ИП + ИС	1		0,16	
	ИЧ + ИЧ + ИС	1		0,16	
4-хкомп.	ИЧ + ИЧ + ИС + ИС	1	2	0,16	0,32
	ИЧ + ИЧ + ИП + ИС	1		0,16	

Как видно из таблицы, в системе сложных наименований двухкомпонентные фитонимы представлены наибольшим числом (86,89%). С точки зрения принадлежности к частям речи компонентов многочисленных терминов могут быть существительные, прилагательные, числительные, послелоги. Только в одном фитониме встречается категориально-недифференцированное слово. Наиболее распространенной конструкцией является «существительное+существительное». Отличительной чертой лексики флоры марийского языка являются ее структурно-семантические связи с другими лексико-семантическими группами лексики. В описательных наименованиях растений широко используются слова других

лексико-семантических групп: названия живого существа, названия части (органа) тела, названия болезни, собственные имена и др.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В. Н. 1984, Марийская орнитонимия. Автореф. дис... канд. фил. наук.— Тарту.— 16 с.

Лаврентьев Г. И. 1984, Состав слова и словообразование в современном марийском языке.— Йошкар-Ола.— 192 с.

Левковская К. А. 1962 Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексикографического материала.— Москва.— 296 с.

ЛСМЯ — Лексикология современных мордовских языков. Учебное пособие.— Саранск, 1983.— 296 с.

ММ — Ӱпымарий. Марий мутэр.— Москва, 1926.— 347 с.

ОМ — Марий орфографий мутер.— Йошкар-Ола, 1972.— 197 с.

Ракин А. Н. 1984, Словообразовательная структура фитонимов коми языка // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Вып. 31.— Сыктывкар.— С. 156—178.

Серебренников Б. А. 1974, Вероятные обоснования в компаративистике.— Москва.— 352 с.

Сюрьялайнен Ю. Э. 1982, Названия растений в финских говорах Ленинградской области. Автореф. дис... канд. фил. наук.— Тарту.— 19 с.

Филиппов А. Ф. 1980, Шулдыран нужгол.— Йошкар-Ола.— 53 с.

Хаузенберг А. Р. 1972, Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ).— Таллинн.— 238 с.

О. А. Сергеев

РЕДКИЕ И ЗАБЫТЫЕ СЛОВА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

(по материалам рукописных словарей XVIII—XIX вв.)

При анализе марийских рукописных словарей выяснилось, что многие зарегистрированные в XVIII и XIX вв. слова в современном марийском языке вышли из употребления или встречаются лишь в небольшом микроареале. Например: *лумужъ**, *лумзо, лумушъ* «соболь» (ф. 2013, оп. 602-а, № 186; №№ 218; 197/1; ф. 21, оп. 5, № 168; р. III, оп. 1, № 135); *кашка* «быстрина», *пава* «лужа» (№ 218); *пошна* «дань», *эрза* «короб, коробок» (№ 197/1); *пунжукъ* «воронка», *чатрыкъ* «парус» (№ 216); *кашкэ* «прокислый», *мешакъ* — тужемуръ «110 рублей» (р. III, оп. 1, № 213); *посакъ* «докладчик» (№ 1360) и т. п. К зонам редких слов тяготеют главным образом имена существительные. Они в свое время принадлежали к активному запасу слов. Причины, обусловившие вытеснение отдельных слов из активного употребления, могут быть самыми разнообразными. Одной из них является заимствование лексем с идентичной семантикой из контактирующих языков. Заимствованные слова в течение некоторого времени употребляются параллельно с исконными словами и со временем, как правило, вытесняют из обихода собственно марийские лексемы, превращая их тем самым в архаизмы, ср.: *вор* вм. **шоло**, *колбаса* вм. **кажъ**, *коляска* вм. **анава** (№ 218); *воронка* вм. **пунжукъ**, *клей* вм. **люме**, *копна* вм. **коба** (№ 216); *корзина* вм. **йорза**, *март* вм. **куэломыжъ** (№ 1360) и другие. Такого рода заимствования можно квалифицировать как ненужные заимствования (ср. Кукк 1987: 182). Не менее важной причиной перехода слов из активного фонда в пассивный является то, что предметы, вещи и явления, называемые ими, выходят из живого обихода. Такого рода устаревшие

---

* Марийские лексемы даны как в оригинале.

слова называются историзмами. Последние в отличие от архаизмов не имеют синонимов. В рукописных памятниках наличествует множество историзмов, обозначающих особенности государственного строя и быта дореволюционного периода, старинную утварь, денежные единицы, религиозные обряды, языческих жрецов и других исчезнувших предметов и явлений реальной действительности. Например: *тйоря* «судья» (ф. 2013, оп. 602-а, № 186; № 1360); *туякъ* «чтец» (ф. 2013, оп. 602-а, № 186; №№ 218; 216; 197/1; р. III, оп. 1, № 213; №№ 1243; 1360); *шудубуй* «сотник» (№ 218); *лувуй* «десятской» (№№ 216; 197/1; 1243; 1755; 1360); *лужа* «сотник, сотской», *олботь* «дворянство, господин, вельможа» (№№ 216; 197/1; ф. 21, оп. 5, № 168; р. III, оп. 1, № 135); *картъ* (л.) «черемисский жрец» (№№ 216; 1420; 1360); *кумуръ* «алтын» (№ 1360); *йозак* «дань, подать, оброк» (№№ 1755; 1360); *скот* (р.) «сход» (№ 1243); *ямщикъ* «ямщик, извощик» (№ 197/1 и т. д.

Отдельные лексические единицы являются настолько устаревшими, что неспециалистам они не понятны без соответствующих справок. Например: *кандоръ* «гиря», *пава* «лужа», *павокъ* «гриб», *тоня* «брод» (№ 218); *карындыкъ* «окончина», *юнаръ* «ремесло» (№ 216); *осламзЕ* «ростовщик», *пюлгу* «оселка», *чапканъ* «почтар», *чапкынъ* «курьер» (№ 197/1); *уру* «плоды» (ф. 94, оп. 2, № 111); *серка* «уксус», *чунлыкъ* «червь» (ф. 94, оп. 2, № 112); *четле* «маточник» (№ 1360) и т. п.

Безусловно, приводимые глоссарии — ценнейший материал для исторической диалектологии и современной лексикографии. Велико значение лексических данных рукописных памятников и для составителей «Толкового словаря марийского языка», над которым в настоящее время работают сотрудники сектора языка МарНИИ. А пока многие из них «продолжают свое нетленное существование в аккуратных столбцах строк, расположенных по алфавиту, и спокойно ожидают своей очереди — для возрождения или окончательного исчезновения» (Ковтун 1977:108). Хочется надеяться на то, что отдельные слова рукописных памятников не постигнет судьба «окончательного исчезновения». По справедливому замечанию И. И. Срезневского, «для составителя словаря все одинаково должно быть важным: слова устарелые, местные, простонародные, иностранные, введенные каким бы то ни было писателем,

хотя бы и не принятые, и тем важнее, чем менее могли быть понятны» (Срезневский 1986:57). Поэтому выпавшие слова должны найти себе место в «Словаре марийского языка», хотя они «могут и не стать научно значимым термином, но все же подлежат включению в словарь» (Филин 1957:4).

Включая в корпус толкового словаря, можно снабдить их специальными пометами, например, «архаичное», «устаревшее». Следует при этом хотя бы кратко охарактеризовать значение лексемы, что, безусловно, придает словарю более определенную дидактическую ориентацию. Впрочем, как указывают многие лексикографы (Ковтун 1957:97; Биржакова 1977:94; Сороколетов 1978:4; Рей, Делесаль 1983:275 и др.), одним из основных условий создания хороших толковых словарей национального языка является непрерывность лексикографической традиции. Известно, что основная задача толкового словаря состоит в отражении современного состояния языка и всей полноты его лексико-фразеологического богатства, куда должны включаться и устаревшие, малоупотребительные в современном марийском языке лексические единицы. Такой подход формирования словника наблюдается в настоящее время у многих народов, в частности в толковых словарях эстонского (Карелсон 1988:91—92), башкирского (Ураксин, Суфьянова 1988: 189) языков. Некоторые слова, входящие в так называемый пассивный запас лексики марийского языка, вполне могут возродиться и перейти в разряд активной лексики. Проследите, например, судьбу слова *унагудо* «гостиница». Данная лексема еще в XVIII—XIX вв. имела широкое распространение: *унагудо* (№№ 197/1, 216), *уна-кудо* (р. III, оп. 1, № 213; № 1420) «ночлег, постоялый двор», но со временем была вытеснена русским заимствованием *«гостиница»*. В настоящее время, благодаря усилиям некоторых поэтов, писателей и ученых-языковедов, она вновь приобрела вторую «жизнь» и употребляется в значении «гостиница». В диалектах *унагудо* продолжала существовать без изменения своей семантики, ср. *унагудо* «гостиница, фатера» (д. Энер тӱҥ йал, Иванково Суксунского р-на Пермской обл., см.: МДЭ-60, № 76). Однако многие слова все еще остаются неизвестными широкому кругу людей. Они вполне могут быть использованы для пополнения лексической системы марийского литературного языка и тем самым будут способствовать

сохранению чистоты родного языка от ненужных заимствований и проникновений. В то же время следует учесть, что не все глоссарии в одинаковой мере распространены и известны всем говорящим на марийском языке. Для того, чтобы они стали общеупотребительными, известными всему народу, следует чаще обращаться к ним через печать, радио, телевидение и в особенности через школу.

Язык сознательно управляем. Фактор сознательного вмешательства в обогащение литературного языка в настоящее время никем не отрицается и становится одним из центральных (Хауген 1975:443—444; Иванов 1986: 33—34; Рятсеп 1978). Тем более количеству редких слов, как справедливо указывает Ю. Тулдава, отводится важное место при оценке богатства лексики (Тулдава 1987: 166). Они смело должны быть введены в научный оборот.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ

АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Марла оляш тунуктэмо сомул тюрло руш шомакшамычь-гэ олок мари ойомэш возоктэн-пыштэмо-шамычь-дэно. Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь. Составил преподаватель черемисского языка в Казанской семинарии Алексей Канцеровский. Казань, 1859.— р. III, оп. 1, № 213.

Научные материалы Камчатской экспедиции. Среди них: Г. Ф. Миллер «Житии Блаженного велико князя Михаила Ярославича Тверского» из церковной книги о празднестве его памяти в Твери, сокращенное, а дальше различные сведения по пути от Твери в Казань, вниз по Волге. В тексте приводятся различные словари, «Ведомости о реке Амуре», «Реестр присланных от профессоров Камчатской экспедиции вещей» и др. менее значительные заметки.— ф. 21, оп. 5, ед. хр. 168, фонд Миллера.

Рукописи трудов и отдельные документы. Фишер И. Э. (акад.). Словарь ... (черемисский, мордовский, самоедский, чувашский, латинский, финский, зырянский).— р. III, оп. 1, № 135.

Список русских слов с переводом на черемисский,

чувашский, мордовский, вотяцкий языки.— ф. 94, оп. 2, ед. хр. III, фонд Шёгрена. Бумаги Палласа.

Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский языки.— . 94, оп. 2, ед. хр. 112, фонд Шёгрена, Бумаги Палласа.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Бессонов А. Г. Черемисско-русский словарь.— № 1243.

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА (ЭРМИТАЖНОЕ СОБРАНИЕ)

Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года.— Эрм. собр. № 197/1.

Словарь черемисского языка с российским переводом.— Эрм. собр. № 218.

Словарь языка черемисского.— Эрм. собр. № 216.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ БИБЛИОТЕКИ им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Словарь черемисско-русский учителя духовного училища Земляницкого.— № 1420.

Смирнов А. Русско-черемисский словарь лугового наречия.— № 1146.

Смирнов А. Русско-черемисский словарь лугового наречия.— № 1755.

Смирнов А. Словарь черемисского языка.— № 1360.

НАУЧНО-РУКОПИСНЫЙ ФОНД МарНИИ

Материалы диалектологической экспедиции 1960 г., № 76.— 17 л.

ЛИТЕРАТУРА

Биржакова Е. Э. 1977, Лексикографические источники и их использование в словаре русского языка-XVIII в. //Проблемы исторической лексикографии.— Ленинград.— С. 94—106.

Иванов И. Г. 1986, К проблеме роли сознательного вмешательства в языковые процессы в период формирования литературных норм //Марийская филология.— Йошкар-Ола.— С. 33—44.

Карелсон Р. 1988, Иллюстративный материал в толковом словаре эстонского литературного языка // Всесоюзная конференция. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей.— Москва.— С. 91—92.

Ковтун Л. С. 1957, О построении словарной статьи (отбор словарного материала, определение значения и употребление слова в практике большого словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. Вып. 1.— С. 68—97.

Ковтун Л. С. 1977, Древние словари как источник русской исторической лексикографии.— Ленинград.— 110 с.

Кукк Т. Э. 1987, Словообразование наречий в карельском языке: Дис. ... канд. филолог. наук.— Тарту.— 279 с.

Рей А., Делесаль С. 1983, Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. Москва.— С. 261—300.

Рятсеп Х., 1978 — Rätsep, H., Johannes Voldemar Veski ja Wiedemanni sonaraamat // Eesti keele sõnavara probleeme. Y.— Tartu, 1978.— Lk. 93—105.— (TRÜT 460).

Сороколетов Ф. П. 1978, Традиции русской советской лексикографии // Вопросы языкознания. № 3.— С. 26—42.

Срезневский И. И. 1986, Русское слово. Избранные труды.— Москва.— 176 с.

Тулдава Ю. 1987, Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики.— Таллинн.— 204 с.

Ураксин З. Г., Суфьянова Н. Ф. 1988, Принципы формирования словника толкового словаря башкирского языка // Всесоюзная конференция. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей.— Москва.— С. 189.

Филин Ф. П. 1957, Заметки по лексикологии и лексикографии (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 1.— С. 36—57.

Хауген Э. 1975, Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7.— Москва.— С. 441—472.

В. Семенов

МАРИЙ ЙЫЛМЫШТЕ ПРОФЕССИЙ ДЕН СПЕЦИАЛЬНОСТЬЫМ ОНЧЫКТЫШО ЛЎМ-ВЛАК

«Марий йылмыште профессий ден специальностьым ончыктышо лўм-влак» темым марий йылме наукышто йӧршынат шымлыме огыл. А палемдыме тематический тўшкасе шомак-влакын лиймыштым, нунын мут поянлыкым пойдарымыштым да тыгак моло лўм-влак коклаште посна верым айлен шогымыштым ончал-шергал лекташ гын, профессий ден специальность дене кылдалтше мут-влак шке шотан да моткоч оҥай улыт. Йылмым пойдарымаште да ик еҥын весе дене мутланымаште моткоч кўлешан, тыгак ик эн тўҥ задачым шуктен шогат: пашам ыштымаш дене кылдалтше мут-влак ял озанлык да вольык озанлыкыште тыршыше-влакым лўмдаш кучылталтыт. Чыла профессий ден специальностьым лӱмдаш йылмыштына шкенан посна шомакна шагал, тидлан кӧра йылмышкына ятыр мутшо руш йылме гыч да тудын гоч пурен.

Эн ончычак, очыни, палемдаш кўлеш, мо тугай лўмдымаш.

Лӱм, лўмдымаш, палемдыме средствам да нунын типыштым шымлыше наукым ономасиологий манын. Ономасиологийын тўҥ цельжылан лўмдымашан (номинацийын) теорийжым лукмашым, а тўҥ задачыжлан мемнан йыр улшо посна элементшым лўмдымашын средстважым да йӧнжым тунеммым шотлат.

Мут ышталтмашын ономасиологический аспектшевлакым лончылымо годым ме эн ончычак тудын йӧнжӧвлакым пален налшаш улына. Теорий шотан ономасиологийыште лексический да синтаксический ужаш-влак дене пырля деривационный ономасиологийымат нергелыман. Тышке тыгай лончылышаш йодыш-влак пурат:

а) айдемын паша ыштымыжым лўмдымӧ да мут ыштымашын ономасиологический категорийже;

б) лўмдымашын раш задачыжым палымаште мут ыштымашын да тудын йӧнжӧ-влакын рольышт;

в) тӱрлӧ типан производный-влакым тӱшкалымаш.

«Нине проблема-влак мут ыштымаште веле огыл, тыгак номинацийын адекватный теорийжым лукмаште моткоч кӱлешан улыт»,— воза Е. С. Кубрякова (Кубрякова 1977:222).

Могайрак вара йылмыш пурыдымо отношений производный мут-влак тӱшкаште палдырнат? Профессий ден специальностым ончыктышо лӱм-влакым тиде могырым шымлыше Л. А. Шкатова кум тыгай классым палемда — А: ыштыме паша деке отношенийым ончыктышо лӱм-влак; Б: действийын объектше гоч профессийым лӱмдышӧ шомак-влак; В: действийын средстваж деке отношенийым ончыктышо лӱм-влак. Нине класс кӧргыштӧ тудо эше подкласс-влакым ойыра. А тӱшкаште: а) действий ыштышым ончыктышо лӱм-влак; б) действийыште участвоватлышым ончыктышо лӱм-влак; Б тӱшкаште: а) иктаж-могай объектыште (учрежденийыште да моло тӱрлӧ вере) пашам ыштышым ончыктышо лӱм-влак; б) вольык озанлыкыште тыршыше еҥым лӱмдышӧ шомак-влак; В тӱшкаште: а) иктаж-могай ӱзгар ыштышым ончыктышо лӱм-влак; б) паша ыштымашын йӧнжӧ (условийже) деке отношенийым ончыктышо лӱм-влак (Шкатова 1967:14).

Ончымо лӱм-влак актуальностьышт (продуктивностьышт) дене тӱрлӧ улыт. Нине ойыртем, палемда Л. А. Шкатова, йылме вияҥме, пойдаралтме дене лӱм-влакым вашталтымаш процессым намиен шога. Мутлан, действийым да тудым шуктышым ончыктышо лӱм-влак кызытсе йылмыште продуктивностьыштым луштарен толыт. Действийыште участвоватлышым ончыктышо лӱм-влак, мӧҥгешла, продуктивный лийыныт. Тидыже пашан могай улмыж денат чак кылдалтын.

Иктаж-могай ӱзгар ыштышым ончыктышо лӱм-влакат кызыт шагалемыныт гынат, нуно але ятыр улыт. Тыгай шомак-влак лишыл значениян профессийым лӱмдаш кучылталтыт, мутлан, *мебельщик, обувщик* да т. м. (Воронцова 1982:257).

Профессий ден специальностым ончыктышо лӱм-влак шукыж годым мут ыштымашын аффиксальный йӧнжӧ дене лийыт. Руш йылмыште продуктивный улшо суффиксаций йӧн *(каменщик, гребенщик, бадейник, угольник, чеканщик* да т. м.) кызытат шкенжын актуальностьшым огеш йомдаре, кызытат тиде йӧн дене моткоч шуко у лӱм-влак шочыт. «Алфавитный словарь занятий»

мутерыште суффиксаций йӧн дене лийше номинативный единица-влак чылаже 7 тӱшка чот гыч 72% айлат (987 единица); кок мут ушнымо йӧн дене лийше номинативный единица-влак 5,3% (73 лӱм), вес йылмыла гыч пурышо — 4,5% (62 шомак) улыт.

Суффиксаций йӧн марий йылмыштат кумда верым налын шога.

Марий йылмыште профессий ден специальностьым ончыктышо простой лӱм-влак моткоч шагал улыт. Ф. И. Гордеев, мутлан, *апшат* шомакым позднесарматский источник гыч налме манын умылтара да кугезе формыжым *apsa* «кӱртньӧ» тӱшкаште кычалеш. Тыгодымак *апшат* шомакым *äфсäн, äфсад* «войско» шомакла дене таҥастараш темла (Гордеев 1979:124). Мутат уке, кунам ты шомак шочын, кунам йылмышкына пурен да пеҥгыдемдалтын, тӱжвал да кӧргӧ тӱсшӧ дене вашталтын але тугаяк кодын — кызыт каласаш йӧсӧ. Туге гынат, историй гыч пале: мемнан эра деч ик тӱжем ий ончыч кызытсе марий кундемыште илыше племя-влак бронза дене пырля кӱртньымат кучылташ тӱҥалыныт. Ты жапыштак кугезе марий тукым шочаш тӱҥалеш (История 1986:20).

Историй гыч тыгак пале: марий-влак XVI курымышто шке таптыме кӱртньӧ керде, пикш дене кызытсе Марий кундем мландыш керылт пурышо, погым толышо руш да моло калык вашташ чот шогеныт.

Ф. И. Гордеев дене келшаш кӱлеш: кызытсе марий йылмысе *апшат* шомак иран йылме гыч пурышо. Паленден коденна ыле: мемнан эра деч ик тӱжем ий ончыч кугезе марий тукым шочаш тӱҥалеш. Археолог-влакын шымлымышт почеш Акозинский могильникыште мумо кӱртньӧ ӱзгар-влак кавказ калык ӱзгар дене икгайрак улыт. Тугеже, каласен кертына: ту жапысе племя да Кавказ могырым толшо калык коклаште кыл лийын (История 1986:21). Тыге ик йылме гыч весышке *апшат* шоиакат кӱсынлалт кертын. Но йодыш лектеш: согдийский йылмыште войско шомакым *aspa* форма ончыкта гын, марий йылмыштыже тудо кузе *апшат* шомакыш савырнен? *«Т»* фонемын ешаралтмыжым эше умылтараш лиеш, но *«s»* ден *«р»* фонема-влакын верышт дене вашталтмыштым «Этимологический словарь марийского языка» мутерын авторжо огеш рашемде.

Тӱрлӧ суффикс полшымо дене лийше марий простой лӱм-влак ял да вольык озанлыкыште профессий ден

специальностьым ончыкташ шагал огыл кучылталтыт. Адакшым палемдаш уто огыл: суффиксаций йӧн йылмыште эн кугу верым налын шога. И. С. Галкин чылаже 42 суффиксым ончыкта (Галкин 1966:51).

Тӱҥалтышлан ончалына кок мутым (лӱмым): *вакшызе* «мельник» да *пашазе* «рабочий» (совхоза)». Тыште кок мутшат лӱм мутын тӱҥжӧ гыч *-зе* суффикс полшымо дене лийше лӱм мут-влак еҥын могай пашам ыштымыжым, молан кумылан улмыжым почын пуат. Тугеже *вакшызе* шомак айдемын, еҥын вакшыште пашам ыштымыжым (калыкыште шукыж годым ты пашам ыштышым «мельник» манып), *пашазе* мутшо айдемын социальный положенийым налын шогымыжым ончыктат.

Кӱтӱчӧ (кӱтӱзӧ — диалект шомак) «пастух», «гуртовщик», «погонщик». Тиде мут (лӱм) *кӱтӱ* лӱм мут гыч — *чӧ* суффикс полшымо дене лийын да значенийже дене ончычсо тӱшка гаяк улеш. «Тиде суффикс у мутым ок ыште»,— палемда З. В. Учаев (Учаев 1982:85). Но тидын дене тӱрыс келшаш ок лий, молан манаш гын, ты суффиксым кызытсе марий йылмыште продуктивный семын кучылташ лиеш. Вет вес лӱм мут гыч ты суффикс полшымо дене лӱм мутым моткоч шуко ышташ лиеш, йылмылан нимогай зиянат огеш лий, а, мӧҥгешла, шочмо йылмына у шомак-влак дене утларак веле пойдаралтеш ыле. (Мутлан: руш. *инструментальщик* — марла тудым *«ӱзгарче»* манаш лиеш. *Инструментальщик* шомак руш йылмыште тӱрлӧ ӱзгарым ыштыше пашазым лӱмда, сандене марий йылмыште тудым (пашазым) *«ӱзгарче»* манаш утларак келшен толеш да тыге ме руш шомак деч утлена ыле).

Вес ончышаш тӱшка — тиде марий йылмыште профессий ден специальностьым ончыктышо причастий шотан лӱм-влак. Ты тӱшкасе шомак-влак чыланат *-ше (-шо, -шӧ)* суффикс полшымо дене лийше улыт. Ты суффикс полшымо дене действительный причастий лиеш. Но профессий ден специальностьым ончыктымо годым нуно лӱм мут семынат кучылталтыт.

Причастийын *-ше (-шо, шӧ)* суффиксше повелительный наклонениян глагол тӱҥыш ушалтеш, мутлан, 1-ше спряжениян глагол тӱҥыш: *курал — куралше, тӱред — тӱредше, шӱшкыл — шӱшкылшӧ;* 2-шо спряжениян глагол тӱҥыш: *кӱнчӧ — кӱнчышӧ, ру — руышо, соло — солышо, сомыло — сомылышо, тырмале — тырмалыше,*

удыро — удырышо. Суффикс мучашысе гласный гармоний закон почеш вашталтеш.

-Ше (-шо, -шӧ) суффксан причастий-влак чӱчкыдынак семантикым ешарен пойдарат да тидын дене пырляк синтаксический ролыштым кумдаҥдат. Нуно действий дене кылдалтше признак значенийым луштарат да предмет значенийыштым виянгдат, тыге лӱм мут семын кучылталтыт. Тыгай причастий-влак семантический да морфологический ойыртемышт дене кок тӱшкалан шелалтыт:

1) действийым предмет семын лӱмдышӧ да падеж дене притяжательный суффикслам налше причастий-влак;

2) глагол тӱҥ дене каласыме действийым ыштыше еҥым ончыктышо причастий-влак (Учаев 1985:100).

Куралше «пахарь», *кӱнчышӧ* «землекоп», *руышо* «дровосек», *солышо* «косарь», *сомылышо* «прополщик», *тӱредше* «жнец», *тырмалыше* «боронующий», *шӱшкылшӧ* «забойщик», *удырышо* «гребец» шомак (лӱм)-влак утларакшым кокымшо тӱшкалан келшен толыт.

Мыланна йылмын яндарлыкшым арален кодаш, тудым кертме семын пойдараш тыршыман. Йылмым пойдарымаште кок корно веле — шочмо йылмын мут ыштыме йӧным кучылтын, у шомак-влакым ышташ да вес йылмыла гыч кӱснылымаш. Ты шотышто калык коклаште теве мом колына: ме утларакшым кокымшо йӧнжӧ дене пайдаланена. Кӱлеш ма, ок кӱл ма ойлымашкына руш мутым пуртен колтена. Йот мут дене пайдаланыме кечын шукем толеш. Поснак чот шыҥдаралтыныт нуно публицистикыште, кутырымо ойлашке, шагал огыл сылнымутыштат ынде кояш тӱҥалын. Эскерыдымыланна кӧра нуно шыҥенак пурат, меже ваштареш шогалаш нимыняр огына тырше. А вет ончычсо литературым, газет ден журнал-влакым шергалаш гын, мыняр тушто чапле, марла йоҥгалтше марий мут, ойсавыртыш уло. Марла тӱрлӧ наука дене: арифметика, алгебра, геометрий, физика, химий, историй, географий, зоологий, ботаника да т. м. денат терминологий лийын. Икманаш, наукын тӱрлӧ отрасльже дене терминологий чумырген шуын ыле. Вараже ала-могай осал шӱлыш чылажымат сӱмырыш, 1937 ий деч вара аклен шуктыдымо марий мут-влак вӱд гай йоген пытышт, нунын олмеш йот мут-влак темыч.

Но тыгодымак весымат палемдыман: мемнан жапыш-

те кӱсынлымаш деч посна нигузеат ок лий. Вет йот мут деч посна ик йылмат виянгын огыл да ок вияҥ. Кеч-могай йылмыштат кӱсынлымӧ мутым моткоч шуко муаш лиеш. А ты пашаште нергелыме шомак чот гыч шуко мутшо руш йылме гыч але тудын гоч пурышо улеш. Мутлан, *агроном* — марий йылмышке руш йылме гыч вашталтде пурен. Руш йылмыш шке жапыштыже француз йылме гоч толын, кусараш гын — «пасу» да «закон» лиеш (Гордеев 1979:47), але мланде паша дене специалист.

Ты тӱшкашке тыгай мут-влак пурат: *бухгалтер, ветеринар, инженер, кассир, кочегар, шофер, механик, банщик, грузчик, кладовщик, весовщик, пилорамщик, инструментальщик, водитель, строитель, колхозник, мельник, садовник, скотник, плотник, бульдозерист, машинист, тракторист, продавец, экономист, конюх, сливач, плугарь, свинарь, слесарь, зоотехник, водовоз, завсклад, завхоз, пчеловод, счетовод, землемер.*

Палемдаш кӱлеш: лӱм-влак тӱрлӧ принцип почеш пуалтыт. Тыште тыгай принцип-влак улыт:

1. ыштыме паша деке отношенийым ончыктышо лӱм-влак:

а) действийым ыштышым ончыктышо лӱм-влак: *куралше* «пахарь», *кӱнчышӧ* «землекоп», *кӱтӱчӧ* «пастух, гуртовщик, погонщик», *пашазе* «рабочий (совхоза)», *(чодыра) руышо* «дровосек» але «лесоруб», *(шудо) солышо* «косарь», *(шӱкшудо) сомылышо* «прополщик», *(шудо) удырышо* «гребец (сена)», *(сӧсна...) шӱшкылшӧ* «забойщик». Палемдаш кӱлеш, марий шомак-влак чылан гаяк ты тӱшкашке пурат. Руш йылме гыч пурышо мут-влак кокла гычат паша ыштышым ты принцип почешак пуымо лӱм-влак улыт: *весовщик* «вискалыше», *водитель* «вӱдышӧ (машинам)», *водовоз* «вӱдым шупшыктышо», *грузчик* «нелытым, грузым нумалше, оптышо, ястаркалыше», *заправщик* «бензиным да моло ӱйым автомашинаш, тракторыш автомат йӧн дене темкалыше», *землемер* «мландым вискалыше», *сливач* «шӧрым ястаркалыше», *истопник* «коҥгаш олтышо», *кочегар* «коҥгаш олтышо», *плотник* «пӧртым але вес оралтым чоҥышо», *повар* «кочкаш шолтышо», *продавец* «сатум ужалкалыше», *пчеловод* «мӱкш ончышо», *сварщик* «тӱрлӧ деталь-влакым левыктен ушкалыше», *строитель* «чоҥышо», *счетовод* «бухгалтерий пашаеҥ», *уборщица* «эрыктыше», *учетчик* «шотлышо».

б) действийыште участвоватлышым ончыктышо лӱм-влак: *доярка, дояр* «ушкалым лӱштышӧ», *мельник* «йоҥыштышо».

II. действийын объектше гоч профессийым лӱмдышӧ шомак-влак:

а) иктаж-могай объектыште (учрежденийыште але моло тӱрлӧ верыште) паша ыштышым ончыктышо лӱм-влак: *апшат* «кузнец», *вакшызе* «мельник», *банщик* «мончашке коштшо-влакым обслуживатлыше еҥ», *завсклад* «тӱрлӧ сатум ӱзгарым аралыме пӧлем (складым) клатым вуйлатыше, тушто оза», *кассир* «кассыште оксам налше да пуэдыше еҥ», *кладовщик* «клат гыч сатум, ӱзгарым колтылшо еҥ», *пилорамщик* «пырням йыгыме верыште (пилорамыште) пашам ыштыше», *садовник* «садыште тыршыше еҥ», *бухгалтер* «бухгалтерий пашаеҥ», *экономист* «аныклыше».

б) вольык озанлыкыште тыршыше еҥым лӱмдышӧ шомак-влак: *ветеринар* «вольык врач», *зоотехник, конюх* «имне ончышо», *свинарка* «сӧсна ончышо», *скотник* «вольык ончышо».

3. Действийын средстваж деке отношенийым ончыктышо лӱм-влак: *бульдозерист* «бульдозеран трактор дене пашам ыштыше», *грейдерист* «грейдеран машина дене пашам ыштыше», *инструментальщик* «вес инструмент дене пайдаланен, кӱлеш инструментым ыштыше еҥ», *машинист* «идымыште тӱрлӧ машинан пашажым эскерыше еҥ», *тракторист* «трактор дене пашам ыштыше еҥ», *шофер* «автомашинам вӱдышӧ еҥ».

4. Вуйлатыме пашам шуктышо еҥым лӱмдышӧ шомак-влак: *завхоз* «озанлык вуйлатыше», *инженер* «озанлыкыште тӱрлӧ автомашинам, ял озанлык машинам, тракторым да моло техникым эскерен шогышо, кӱлеш годым тӧрлаташ полшышо еҥ», *механик* «значенийже дене инженер дене изишак келшен толеш, но тудо чыла кӱшнӧ ончыктымо техникылан отделенийыште, бригадыште оза», *агроном* «пасу пашаште вуйлатыше».

Марий йылмыште профессий ден специальностьым ончыктышо лӱм-влакым шымлен-нергелен лекмеке, коеш: ты тӱшкасе шомак-влак лийме, йылмым пойдарыме дене шке шотан да моткоч оҥай, кӱлешан улыт. Пашам ыштымаш дене кылдалтше мут-влак ял да вольык озанлыкыште тыршыше-влакым лӱмдаш кучылталтыт. Этимологийыштым да мут лийме йӧныштым ончалаш гын, тыште тӱрлӧ могыр палдырна. Марий йылмыште кучылталт-

ше марий простой лӱм-влак (суффикс-влак полшымо дене лийше шомак-влакат) утларакшым тюрк тӱшкасе йылмыла гыч толшо улыт. Марий йылмышке паша ыштымым ончыктышо мут поснак ятыр татар йылме гыч пурен. Тидыжым теве кузе умылтарыман: татар ден марий калык ожно ик кундемыште пырлярак иленыт, озанлык пашамат ик семынракак шуктен шогеныт да ик-гай тарман (орудий) дене пайдаланеныт.

Татар йылме гыч пурышо, паша ыштымым ончыктышо лексикыште эн ончычак профессийым лӱмдышӧ шомак-влакым палемдыман: мутлан, *сәсепка* В «помощник мельника» ~ тат. диал. *Жасипка* (русск.); *темырче* В блб. «кузнец» ~ тат. *тимерче,* башк. *тимерсе* да т. м.

Пасу паша дене кылдалтше шомакат шагал огыл: мутлан, *тырмалаш* Л, В «боронить» ~ тат. *тырмалау, катманлаш* В «мотыжить» ~ тат., башк. *китманлау, отау* В блб. «прополка» ~ тат. *утау,* кирг. *отоо* да молат» (Исанбаев 1989:139—147).

Марий йылмыште тыгак профессий ден специальностьым лӱмдаш шуко руш шомак кучылталтеш. Паша ыштымым да тудым ыштышым лӱмдаш, мутат уке, марий йылмыште марий шомак-влакымак кучылташ тыршаш кӱлеш ыле. Тидланже шочмо йылмынан вий-куатше сита. Йылмыште мут ыштыме йӧн-влакат шагал манаш огеш лий. Мутлан, мутым ыштыше суффикс-влакымак кучылтын, мыняр чапле, марла йоҥгалтше шомакым шочыкташ лиеш. Тыгак мут ушалтмаш, мутын посна ужашыжым кучылтын, йӧршеш у мутым ыштымаш, диалект шомак-влакым литература йылмылан келыштарымащ, мутын значенийжым кумдаҥдымаш да тулеч моло йӧн-влакымат кучылташ лиеш да кӱлеш, нунымат мутвундым пойдарыме сомыл деч ӧрдыжеш кодыман огыл. Кӱшнӧ ончыктымо йӧн-влак марий литература йылмыште шкеныштын значенийыштым йомдарен огытыл гынат, ала-могай амаллан кӧра пытартыш жапыште нуно шагал кучылталтыт. 20—30-шо ийласе жап дене таҥастарымаште кызытсе пагытыште лексикым пойдарыме паша руш йылме гыч да тудын гоч пурышо шомак-влак кӱшеш эртаралтеш. Чын, тидыжат кӱлеш, но ме шкенан шочмо йылмышкына йот мут-влакым шот деч посна пуртылаш тӱҥалына гын, марий йылмын ямже, ныжылгылыкше, лывыргылыкше, чынжымак, йомеш.

Кызытсе марий йылме ятырлан вийнен, пойдаралтын

гынат, мут ситыдымашлык шижалтешак. Тидыже кӱшнӧ ончыктымо материал гычат раш коеш: 63 шомак гыч 13 веле марла йонгга. Мутат уке, тыгайжым сайлан нигузеат шотлаш огеш лий. Вет кажне айдеме шке шочмо йылмыж дене веле тӱняумылымашыжым кумдангден кертеш, шочмо йылмым сайын палымаш вара вес йылмымат тунемаш йӧным ышта. Вет, чынжымак, калыкын эртыме корныжо, историйже йылмыште лодемалт кодеш. Тудо могай верыште илен, могай ӱзгарым кучылтын да могай пашам ыштен, мом кочкын-йӱын, могай калык дене кылым кучен да пошкудо семын илен — чыла тиде эн ончычак мут поянлыкыште кышам кода. Тӱжем ий эртымекат, йылмым шымлен, калыкын акрет годсо илышыж нерген ятыр уверым каласаш лиеш. Вет калыкын йылмыже — тудын историйже.

Тугеже гын, мыланнат шочмо йылмынам шке вийкуатна дене ворангдараш кӱлеш, тунам веле ме моло калык коклаште шке вернам, тӱснам огына йомдаре.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцова В. Л. 1982, Наименования лиц по профессии // Способы номинации в современном русском языке.— Москва.— С. 254—271.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка, Ч. II.— Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка, т. I.— Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1989, Марийско-тюркские языковые контакты.— Йошкар-Ола.

История Марийской АССР, т. I.— Йошкар-Ола.— 1986.

Кубрякова Е. С. 1977, Словообразование и его место в теоретической ономасиологии // — Языковая номинация (Виды наименований).— Москва.

Учаев З. В. 1982, Марий йылме, I ужаш.— Йошкар-Ола.

Учаев З. В. 1985, Марий йылме, II ужаш.— Йошкар-Ола.

Шкатова Л. А. 1967, Наменования лиц по профессии в современном русском языке.— Москва.

О. П. Терентьева

ГИДРОНИМЫ БАССЕЙНА РЕКИ НЕМДА

Вопрос о происхождении гидронимов занимает исследователей давно, ведь разгадав их значение, иногда можно узнать о былом расселении этнических групп, о лексическом и фонетическом составе их языка, ибо такие названия являются наиболее древними.

Бассейн р. Немда богат различными типами географических названий, из которых определенная часть легко объясняется на материале современного языка, ср. р.р. Кугенерка, Кужнурка, о. Кугер, или же из русского языка ср. р.р. Песчанка, Черная. Но все же большая часть гидронимов на материале марийского языка не объяснима.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть происхождение и разгадать значение гидронимов данного бассейна.

Алюнда — пр. р. Немда. Название состоит из двух частей: *алюн*+*-да* — гидроформант. Происхождение первого компонента не ясно, ср. р. *Люнда* — басс. Ветлуги.

Ахматэнгер — пр. р. Лаж. Выделяются два слова: *Ахмат (Ахмет)* — антропоним (Черных 1978:86)+*энгер* «река».

Васта — пр. р. Шуй. Происхождение гидронима можно объяснить посредством манс. *вас* «утка»+*-га* — гидроформант (Галкин 1991:39).

Виль — пр. р. Толман. Можно сравнить с коми *выль* «новый», ср. д. *Выльыб* на р. Мезени, где *выль* «новый»+*ыб* «возвышенность» (Туркин 1986:23).

Вочка — пр. р. Немда. Гидроним состоит из компонентов *Воч-* и *-ка*, где *воч, вач* «утка», ср. удм. *вочы* «чирок», манс. *вас* «утка», (ср. р. *Вочь* — пр. р. Кельтмы в Коми ССР — пр. р. Усты в Нижегородской обл.) и *-ка* — гидроформант.

Вӱчер — пр. р. Немда. Происхождение гидронима не ясно, возможно, возникло от гидронима *Виче (Вич)*,

Ощ Вӱч (р. Белая). Можно предположить, что удм. *вӱч (вучуж)* «кувшинка желтая»+*-ер* — гидроформант дает более правдивую характеристику данной реке.

Гремечка — пр. р. Коньга. Гидроним явно русского происхождения: *грем* — основа глагола *греметь*+*-еч* — уменьшительный суффикс+*-ка* — гидроформант.

Ексей (Якси энгер) — пр. р. Шуй. Отантропонимный гидроним, ср. Яксий, Евсей — антропоним (Черных 1978:88, 114).

Ешкар — пр. р. Тумья. Название представляет сложное образование: *еш* < *еж*+*кар*, ср. коми *эж, эжа* «залежь, целина, луга, зеленый покров земли» (ср. Ежуга — лев. пр. р. Вашка), *кар* «городище», «очаг, гнездо». В финно-угорских языках *кор/кар* имеет и другое название, ср. манс. *кора* «низина», коми *кырны* «прорываться, быть размытым», удм. *корны* «прорываться», фин. *kurr*, саам. *kurr* «длинное узкое углубление, заливчик, ложбинка», мар. *корем* «овраг». Все это наводит на мысль, что Ешкар — овражная, прорытая в залежной земле река.

Исюйка (Исюй энгер) — пр. р. Шукшан. В данном гидрониме легко отделяется гидроформант *-ка* и основа *Исюй*. Возможно, *Исюй* — антропоним, ср. *Исий* (Черных 1978:89), ср. также *Яндуй, Янди*.

Каванерка — пр. р. Ексей. Название, на первый взгляд, можно разделить на три компонента: *кава* (?)+*нер (энгер)* «река»+*-ка* — гидроформант. В марийском языке *кава* «небо». Вполне вероятно, что данный гидроним может звучать как «небесная река» и народная этимология объясняет подобным образом. В финно-угорских языках имеется несколько названий водоемов на *-ка*, ср. коми *куа* «залив», «заводь», саам. *коop* «маленький залив», в коми *ва* «вода». Возможно, *Кава* «заливная река», что наиболее правдоподобно.

Кем — пр. р. Шуй. На берегу реки расположена деревня Кемсола. Проф. Галкин И. С. (1991:56) объясняет этимологию данного ойконима антропонимом *Кемей* или *Кемай*. Мы же считаем, что река *Кемь* в Карелии и р. *Кем* в Марийской ССР — одного происхождения. М. Атаманов (1938:140) выводит соответствие *Кем — Ком — Кам*, где удм. *кам* «большая река, вода, разлив, море», фин. *kuti* «река, течение» и возводит к древнему финно-угорскому *кам* в значении «река, вода», с чем нельзя не согласиться.

Кичма (Кичминка, Кышма) — пр. р. Немда. Название сложное, состоит из элементов *Кич+мин* — уменьшительный суффикс+ *-ка* — гидроформант. В гидрониме *Кичма* мы также выделяем гидроформант *-ма,* а происхождение основы *кич/кыш-* не ясно.

Коньга вӱд — л. пр. р. Немда (также *Конга, Конью. Коньо* — пр. р.р. Немда, пр. р. Тунья). Названия данных гидронимов И. С. Галкин (1991:63) считает пермского происхождения, ср. д. Кони и д. Вейкони в Коми ССР, удм. *коньы* «белка, векша». В древности речка Конью означала «беличью реку», где *ю* «река» М. Г. Атаманов (1988:86) полагает, что *Коньга* — воршудно-родовое имя удмуртов. Таким образом, *коньы* «белка»+ *-га* — суффикс.

Кугер — бассейн реки Шуй. В слиянии рек Шуй, Кем и безымянной речки образовалось озеро Кугер. Название объясняется на материале марийского языка, ср. *кугу* «большой» и *ер* «озеро».

Кугенерка (Кугенгер вӱд) — пр. р. Лаж. Гидроним указывает на величину водоема: *кугу* «большой»+*нер (энгер)* «река»+ *-ка* — русский суффикс.

Кугу памаш — пр. р. Она. Состоит из элементов *кугу* «большой» и *памаш* «ключ, родник».

Кужнурка (Кужнур вӱд) — пр. р. Лаж. Название можно объяснить на материале марийского языка: *кужу* «длинный»+*нур* «поле, поляна»+ *ка* — русский суффикс, т. е. «длинная река на поляне». Другой вариант разъяснения гидронима для нас все же более приемлем, ср. коми *куш* «голый, обнаженный», удм. *куш* «поляна, место для хоровода», морд. м. *кужо* «поляна, прогалина», мар. диал. *кужаш* «долина». Таким образом, апеллятив *куж (куш)* финно-угорского происхождения. *Кужнур* — это «река на обнаженной лесной поляне».

Кульша (Кӱлшӧ, Кульшо) — пр. р. Немда. Гидроним состоит из топоосновы *куль* и гидроформанта *-ша.* Компонент *куль* можно сравнить с коми *куль* «черт, сатана, дьявол», таким образом, *Кульша* — «Чертова река».

Купта (Купто) — пр. р. Лаж. По мнению И. С. Галкина (1991:70), гидроним Купта пермского происхождения. Состоит из двух слов: *куп,* ср. коми *гӧп* «озерко», «ямка», удм. *гоп* «яма, ложбинка»+*та, то, ты* ср. коми *ты,* удм. *ты* «озеро, пруд», т. е. Купта

«речка с ямами» или «озерная река». Переход гласного *ы* в *о* в ауслауте является закономерным для марийского языка.

Курба — пр. р. Немда. В названии выделяются два элемента: *Кур+-ба*. По мнению И. С. Галкина и В. В. Кузнецова, гидроним объясняется на материале коми языка, ср. коми *кыр* «обрыв, крутой, обрывистый берег». С их мнением можно согласиться. Формант *-ба* — озвонченный вариант гидроформанта *-ва,* который в давние времена был самостоятельным словом, обозначающим воду, ср. коми *ва,* удм. *ву,* саам. *вей* «вода».

Курша — пр. р. Немда. Гидроним обозначает «реку с высокими обрывистыми берегами» (см. р. Курба). В данном случае вместо гидроформанта *-ба* выступает гидроформант *-ша*.

Лаж — пр. р. Немда. В лингвистической литературе имеются разные трактовки относительно происхождения гидронима Лаж. Наиболее достоверным является предположение проф. И. С. Галкина о пермском происхождении гидронима Лаж, который можно сравнить с коми *лажмыд* «невысокий, приземистый, отлогий, покатый, неглубокий, мелкий», где *лаж-* корень слова, а *-мыд* — суффикс и удм. *лазег* «неглубокий, мелкий» (Галкин 1991:74).

Лодак — пр. р. Шуй. Нам кажется, что название данного гидронима связано с мар. *лодак, волак* «желоб — приспособление для полоскания белья, устанавливаемое на русле ручья, небольшой реки».

Лум (Лу энгер) — пр. р. Толмань. Гидроним *Лу* сравним с коми *лу* «ямка», *луасьны* «рыться, копаться» (Галкин 1991:77). Таким образом, *Лу* «река с неровным дном, ямками».

Мерянга (Мерян вӱд) — пр. р. Тунья. Название реки связано с этнонимом меря, т. е. «река мери». Суффикс *-га,* указывающий на принадлежность данного названия к гидронимам древнего происхождения.

Мугул — пр. р. Шуй. Гидроним Мугул можно сопоставить с коми *нюгыль* «рыба песчанка». Думается, что другая версия происхождения Мугул наиболее правдоподобна, ср. коми *му* «земля», удм. *му* «земля» и коми *гулыт* «гладкий, скользкий», *уль* «сырой, влажный, мокрый», удм. *гылак* «скользко». Таким образом, Мугул — «река у сырой, болотной земли».

Мушка (Мушко, Муша) пр. р. Лаж. Муша пӱя —

пруд близ д. Ахматэнгер. Среди исследователей название объясняется по-разному. М. Г. Атаманов считает, что река, берущая начало на горе Мышкар, пермского происхождения, оно заимствовано от предков удмуртов, ср. удм. *муш* «пчела», т. е. «пчелиная река», гора Мышкар носит название «Пчелиное гнездо». И. С. Галкин (1991:84) связывает происхождение данного топонима с гидронимами Муша (Литва), Мусь (Латвия). В народной трактовке гидроним Мушка связывается с мар. *муш.* «кудель». Тополегенда гласит, что якобы жители этих мест занимались производством кудели. Возможно, гидроним Муша и имеет что-то общее с латвийским Мусь и литовским Муша, но, думается, данное название все же пермского происхождения и объясняется посредством удмуртского языка. В пользу этой версии говорит и то, что на побережье реки с древних времен занимались пчеловодством, ср. удм. *мушкан* «пчеловодство».

Немда — пр. р. Пижма. Относительно происхождения данного гидронима существуют различные объяснения. Наиболее убедительно выглядит версия И. С. Галкина (1991:86), который считает гидроним Немда по происхождению финно-пермским: состоит из ф.-п. *Нем* «чистое болото» и *-та (-ты)* «озеро, пруд». Таким образом, Немда «Болотная река».

Нерша — пр. р. Руй. Гидроним состоит из основы *нер* «нос, мыс» и гидроформанта *-ша. Нер/нерка* в марийском языке употреблялся раньше в значении «бугорок, горка, вершина горы» (Васильев 1928:137).

Ноля, Нолька, Ноля памаш — пр. р. Лаж. И. С. Галкин (1991:88) отмечает, что название очень древнее, финно-пермского времени и состоит из двух самостоятельных слов: *нол* «стремнина»+*ляй* «речка, овраг с источником». Эти лексемы функционируют в современных финно-угорских языках, ср. мар. *нол.* «полынья, незамерзшая часть реки», манс. *нул, нол* «стремнина, течение», морд. *лей, ляй* «речка, овраг с источником». Исходя из этого, можно предположить, что Ноля «Стремительная река».

Нурма — л. и пр. пр. р. Немда; самост. река. Гидроним также древний: по своему происхождению финно-угорский. Состоит из топоосновы *Нур,* ср. мар. *нур* «поляна», фин. *nurmi* «лужайка», хант. *нюр* «поляна» и гидроформанта *-ма. Нурма* «река, протекающая по

открытой травянистой местности» (Галкин 1991:88).

Обалыш (Овалыж) — пр. р. Немда. Гидроним явно не марийского происхождения, о чем свидетельствует гидроформант *-еж (-ыж)*, в данном случае оглушенный вариант *-ыш*. Основа *Овал* — также сложного образования, где можно выделить гидрооснову *об-* и суффикс *-ал* (см. р. Пукшалма). Гидрооснова *об-*, на наш взгляд, одного происхождения с гидронимом *Ува* (пр. р. Вала) и *Уба* (пр. р. Илеть), но что оно означает, сказать трудно. И. С. Галкин (1991:90) согласен с мнением Ф. И. Гордеева, что латышский *упе* «ручей» лежит в основе образования данных гидронимов.

Олма — пр. р. Лаж. Происхождение гидронима объясняется посредством пермских языков. Он состоит из топоосновы *Ол-*, ср. коми *оль:* 1) «березово-еловый лес на заболоченных кочковых низинах»; 2) «сырое болотистое место» и гидроформанта *-ма*. Таким образом, река *Олма* «Болотистая река».

Она — пр. р. Лаж. Гидроним Она, по мнению И. С. Галкина (1991:90), финно-пермского происхождения, ср. удм. *уно* «много», фин. *ено* «большая главная река, проток». Исходя из этого, можно предположить, что гидроним *Она (Оно)* означал «многоводная река, проток». Местные жители связывают название с марийскими словами *оно* «священный», ср. *оныпу* «священное дерево», *он* «вождь, владыка, главный», *онаен* «карт». На побережье реки Она еще в недавнем прошлом проводились большие моления, в которых участвовали марийцы Башкирии, Урала, Кировской области. Чтобы искоренить языческую веру марийцев, на побережье р. *Она* (с. Марисола), его притока — р. *Шаба* (д. Шаба) было возведено ряд церквей. Поэтому мы склонны думать, что название р. *Она* связано со священными молениями, т. е. *Она* «Священная главная река». Тем не менее финно-пермское объяснение «большая главная река» не исключает, а скорее дополняет это разъяснение.

Оня — пр. р. Немда. Происхождение гидронима объясняется посредством данных родственных языков, ср. коми *онь* «туман», манс. *я* «река». Таким образом, *Оня* «Туманная река» (Туркин 1986:83).

Орья — пр. р. Толмань (Орью вӱд). И. С. Галкин происхождение данного названия связывает с гидронимом *Орша*, выводит из финно-угорского *ор* «русло, ложе

реки, река» (Галкин 1991:91, 92). Возможно, гидроним *Орша* и связан с топоосновой *ор,* но *Орью* имеет другую этимологию. Нам кажется, что элемент *ор* — можно сравнить с манс. *ур.* «гора, возвышенность, водораздел», а конечный компонент сравним с коми *ю* «река». Таким образом, *Орью* «горная речка». Она имеет все признаки горной речки: течет быстро, в узких ущельях, параллельно р. Б. Толмань.

Орьюшка — пр. р. Немда. Название реки образовано от гидронима *Орью* и русского уменьшительного суффикса *-шка.*

Песчанка — пр. р. Руй. Гидроним русского происхождения. Очевидно, название указывает на песчаные берега и дно.

Пижай — пр. р. Лаж. Гидроним Пижай пермского происхождения, ср. коми *пеж* «нечистый» и *ю* «река». В гидрониме произошел переход гласного *е* в *и Пеж* > *Пиж* (Галкин 1991:99).

Пикша — пр. р. Немда *(Пикш энгер).* Сложного образования: *Пи* — топооснова+*кш* — уменьшительный суффикс. Основа *пи/пы,* по мнению И. С. Галкина (1991:97), восходит к финно-пермско-угорскому наследию, первоначальное значение которого «вода» и соотносим с самодийским *би/бу/бы* «вода, река», ср. р. Буй (Пу вӱд).

Писе — пр. р. Она. Название состоит из двух слов: топооснова *Пи* «вода»+*се,* ср. нен. *се, ся* «проток, река, вытекающая из ключа».

Пузя (Пузо) — пр. р. Лаж. Название гидронима И. С. Галкин (1991:103) сравнивает с коми *пузла, пузым* «нанос, слой ила, тины, песка, нанесенный текущей водой, зыбкое песчаное дно реки» и относит к пермскому образованию, с чем можно согласиться. По закону гармонии гласных в марийском языке в конце слова появилось *о.*

Пукшалма — пр. р. Немда. Название сложное: *Пукш+ал+ма.* На примере марийского языка можно объяснить следующим образом: *пукш/пӱкш* «орех»+*ал* (?)+*-ма* — гидроформант. Возможно, Пукшалма «Речка у орешника», но как нам кажется, *Пукш* — вариант гидронима *Пикш.* Основа *Пу/-пи* также соотносим с самодийским *би/бу/бы* «вода, река».

Пӱгӧвож — пр. р. Толмань. Гидроним восходит к финно-угорскому образованию: *пӱ+гӧ+вож,* где *пӱ* — ва-

риант *пу/пы*, ср. самод. *би/бы/бу* «вода, река», *гӧ — га* — гидроформант+*вож* «устье, корень, жила, источник».

Регеж — пр. р. Ноля. По мнению И. С. Галкина (1991:105), гидроним Регеж пермского происхождения, где *Рег* «быстрый», ср. коми *регыд* «скоро» (*-ыд* суффикс), *-еж* — гидроформант, ср. р.р. *Сердеж, Немдеж*. Река первоначально означала «быстрая».

Руж — пр. р. Лаж. И. С. Галкин (1991:107) в объяснении ойконима Ружбеляк выводит топооснову *руш* «русский». Возможно, это действительно так, но гидроним в исключительных случаях получает название поселения, поэтому мы склонны думать, что название *Руж* состоит из *ру-* и *-ыж*, где *ру*, ср. коми *ру* «сырость», «водяной пар», а *-ыж/-еж* гидроформант (ср. *Иж, Ижва*) и означает «испаряющаяся река».

Руй — пр. р. Немда. Происхождение гидронима И. С. Галкин (1991:108) выводит из коми *ру* «сырость, водяной пар» и *ю* «река», ср. манс. *я* «река», т. е. «река с сырыми низкими берегами или испаряющаяся река», с чем вполне можно согласиться.

Сеснур — пр. р. Лаж. В гидрониме выделяются две основы *сес+нур*. Если исходя из марийского языка легко объяснить значение *нур* «поляна, поле», то топооснова *сес-* не поддается легкой разгадке. Обратимся к пермским языкам: в коми языке *сесь* «гниль, прель». Поэтому можно предположить, что река первоначально означала «преющая, испаряющаяся река на поляне».

Сердеж (Сердыж, Шердыж, Сердяжка) — пр. р. Лаж. Гидроним пермского происхождения, ср. коми *сьӧр* «лес»+гидроформант *еж/-иж*. Значит, Сердеж «Лесная река» (Галкин 1991:111—112).

Сукр (Сугыр энгер) — пр. р. Тунья. По мнению И. С. Галкина (1991:115), гидроним образован от манс. *сукр, щокур* «вид лосося», т. е. *Сукр* «Лососевая река», что вполне возможно. Вариант *Сугыр* возник в результате озвончения *к/г* перед *р*.

Сурья (Сурью вӱд) — пр. р. Немда. Гидроним пермского происхождения, ср. коми *шор* «ручей», удм. *шур* «река», мар. *шор* «болото» и *ю* «река». И. С. Галкин (1991:116) считает, что р. *Сурья* одного происхождения с р. *Сурка* (пр. р. Шора) и р. *Сура* (Шура) пр. р. Волга.

Та (Танер, Та энгер) — пр. р. Немда. Данный гид-

роним финно-угорского происхождения, ср. коми *ты* «озеро», удм. *ты* «озеро», саам. *то* «озеро» И. С. Галкин считает, что *Танер* одного образования с озером *Таир* (1991:117).

Толман (Талман, Талмань, Кугу Толман, Изи Толман) — пр. р. Немда. В гидрониме *Толман* И. С. Галкин (1991:119) вслед за М. Г. Атамановым выделяет суффикс *-ман* и относит его к индоевропейскому *моно-, мани-* «влажный, мокрый», ср. р. *Товмень,* р. *Телемень* — басс. Днепра. Происхождение топоосновы *тол* все же не ясно.

Тулбень (Тулгем корем) — пр. р. Лаж. Народная этимология дает объяснение как «огненная река», ср. мар. *тул* «огонь», но возможно гидроним. *Тулбень* вариант индоевропейского **тьлмен.*

Тумья (Тунью, Тумью, Тумнью) — пр. р. Немда. Гидроним, как считает И. С. Галкин (1991:120), пермского происхождения. Состоит из двух слов: *тум* «дуб» и *ю* «река», ср. мар. *тумо* «дуб», коми *ю* «река».

Тор — пр. р. Немда. Гидроним образован от древнемарийского слова *тор,* которое употреблялось для обозначения одной из разновидностей леса, а именно «черный, хвойный лес» (Иванов 1978:15).

Турма — пр. р. Толман. Гидроним финно-пермского происхождения. Слово *тур* можно сравнить с манс. *тур* «озеро», а *-ма* — гидроформант, соответствующий пермскому *-ва* «вода, река». Таким образом, *Турма* «озерная река» (Галкин 1991:120).

Укташ — пр. р. Руй. Гидроним пермского происхождения, ср. коми *октас* «охотничье угодье с силками и ловушками, охотничья тропа, вдоль которой ставятся силки, ловушки».

Урека — пр. р. Шукшан. Название посредством марийского языка не поддается объяснению. И. С. Галкин происхождение гидронима связывает с реками *Урга, Ургакш* (1991:123), выделяя топооснову *Ур,* ср. манс. *ур* «гора, возвышенность, увал, водораздел» и *-ека/-ка* — суффикс. Таким образом, *Урека* «Река на возвышенности».

Урмыж — пр. р. Лаж. Гидроним можно связать с названиями рек *Урека, Урга, Ургакш,* но гидроформант *-мыж (-еж),* как мы уже выяснили,— пермского происхождения, ср. р.р. *Немдеж, Сердеж, Регеж.* Топооснова *ур* находит объяснение в марийском языке, ср.

мар. *ур* «белка», коми *ур* «белка». Поэтому есть все основания думать, что данный топоним финно-пермского происхождения.

Уш — пр. р. Лаж. Ф. И. Гордеев (1985:81) в гидронимах *Ушлейка, Ушна, Уша* топоэлемент *Уш* относит к балто-язычному слою. Но мы полагаем, что гидроним *Уш* можно сравнить с манс. *уш/ош* «огороженное место, запруда».

Черная — пр. р. Толман. Гидроним *Черная* русского происхождения. Возможно, указывает на цвет воды или дна реки.

Чий (Чи энгер) — пр. р. Лаж. М. Г. Атаманов (1988:146) считает, что *чи (-си, -зи, -зи)* деэтимологизированный гидроформант, вероятно, когда-то употреблялся в значении «река, водный источник». Довольно часто встречается в топонимии Удмуртии (ср. Чупчи, Итчи, Санчи). Таким образом, *Чий* пермского происхождения.

Чукша (Чӳкшӧ вӳд). Происхождение гидронима, как считает И. С. Галкин, пермского происхождения, ср. коми *чук* «извилистый», а *-ша* — гидроформант (Галкин 1991:127—128).

Чуча — пр. р. Немда. Гидроним состоит из основы *Чу* и гидроформанта *-ча.* В самодийских языках есть слово *чу* «река», ср. селькуп. *чу* «река», которое, как считает А. Дульзон, а вслед за ним и И. С. Галкин, восходит к тибетскому *чу* «река».

Чывыж (Чибыж) — пр. р. Сердеж. В названии выделяется гидроформант *-ыж (-еж)* и топооснова *чыв,* ср. р. *Чев, Чов(ю)* в Коми ССР. А. Туркин (1986:130) сравнивает гидроним с коми *чой* «гора», «пригорок, горка, крутой спуск, подъем (на дороге)». Средненебный звук *й* перешел в *л,* далее *л* < *в.*

Шаба — пр. р. Она. По мнению И. С. Галкина (1991: 109), гидроним является фонетическим вариантом рек *Сава, Шоба, Савак* и связывается с хантыйским *сяв, сап* «ручей, являющийся протоком между озерами и реками», что вполне допустимо.

Шанер — пр. р. Шуй. Первоначально гидроним звучал *Ша энгер,* где *ша* «река» и *энгер* «река».

Шаранерка (Шаранер) — пр. р. Немда. Гидроним состоит из двух слов: *шара+нер* (энгер). Значение *шара* нужно связывать с пермскими языками: коми *шор* «ручей», удм. *шур* «ручей», а *нер (энгер)* «река».

Шапланерка (Шапланер) — пр. р. Лаж. Гидроним сложного образования, где выделяется *шап+ла+нер*. Топооснову *Шап* — можно сравнить с хант. *сап* «ручей, речка» (чередование *ш/с*) *-ла/-ля* — гидроформант, первоначально *ляй* «река, овраг с источником», *нер (энгер)* «река».

Шишур — пр. р. Немда. Происхождение гидронима И. С. Галкин (1991:135) объясняет на материале удмуртского языка, ср. удм. *шур* «река» т. е. *Шишур* «Река Ши». Гидрооснова *Ши* — возможно связан с ненецким *сё* «река, вытекающая из озера». (Ср. Шия — пр. р. Вятки, Шишур — р. в Удмуртии).

Шоленерка (Шоленгер) — пр. р. Лаж. Гидроним можно объяснить посредством марийского языка: *шоло* (вязь) и *энгер* «река». Но нам кажется, что гидрооснова *шоле-* первоначально состояла из двух самостоятельных слов: *Шо-* и *-ле* > *-ля* > *-ляй*. Элемент Шо И. С. Галкин (1991:11) возводит к древнему уральскому слову *са(со)* в значении «проточная вода, ручей, река», а *ляй,* как было указано выше, употребляется в значении «река, овраг с источником».

Шоркенер (Шоркэнгер) — пр. р. Лаж. Гидроним, как считает И. С. Галкин (1991:137), пермского происхождения, ср. коми *шор* «ручей» удм. *шур* «ручей»: *шорка* уменьшительная форма от *шор* «ручеек», а *энгер* марийское слово «река».

Шуй — пр. р. Шукшан. Гидроним паронимичен с гидронимами *Шой, Шоя, Шуя, Шуйка*. Состоит из двух элементов: *Шу* в значении «вода», река, болото» и *й/я/ю* в значении «река, речка, проток» (Галкин 1991: 144). Данный гидроним наиболее древнего происхождения, возводится к древнеуральскому слову *са(со)* или *сав (сов, сув), сам (сом, сум)*. Первоначальный согласный *с,* по мнению И. С. Галкина, в некоторых древних диалектах перешел в *ш*. Марийский язык в данном случае не исключение.

Шуда — пр. р. Немда. Топооснова *Шу-* в значении «вода, поток, река, болото» одного корня с гидронимами *Шуй, Шой, Шуя,* а *-да* — гидроформанг. Таким образом, *Шуда,* как считает И. С. Галкин (1991:139), переводится как «водный поток».

Шуньга (Шуньго вӱд). И. С. Галкин (1991:143) топоним *Шунгунур* объясняет посредством марийского языка: *шуньга/шуньго* «кочка, колдобина». Возможно,

и гидроним *Шуньга* одного происхождения с марийским *шунго*, что означает «река с кочками». Но, на наш взгляд, гидроним *Шуньга* является паронимом гидронимов *Шуньга* — пр. р. Рутка, *Шунь* пр. р. Сарда, *Сунь* в Башкирии, *Сундырь* — пр. р. Волга. Гидроним *Шуньга*, таким образом, расчленяется на два элемента: *Шунь* и гидроформант *-га* Гидрооснова *Шунь (Сунь)* по своему значению восходит к финно-пермскому *шун (сун)*, ср. эст. *soon* «жила, сухожилие», мар. *шӧн* «жила, сухожилие». В данном случае произошло чередование согласных *ш/с*.

Шукшан (Шӱкша, Шӱкшан) — пр. р. Немда. По мнению И. С. Галкина (1991:128), гидроним *Шукшан* является фонетическим вариантом гидронима *Чукша (Чукшо)*, где *-ан* гидроформант, ср. *Пижан, Какшан, Манан*.

Шура — пр. р. Толман. Гидроним пермского происхождения, ср. удм. *шур* «река», коми *шор* «ручей, река». *Шура* — фонетический вариант гидронимов *Шора, Шара*.

Шӱрашэҥер — пр. р. Лаж. Данный гидроним делится на две основы: *шӱраш* и *эҥер* «река», где шӱраш> шӱр+*аш* в уменьшительной форме, ср. коми *шор/шораш*, удм. *шур* «река», а *эҥер* «река».

Ялнер — пр. р. Лаж. Гидроним марийского происхождения, ср. *ял* «деревня»+*нер* > *эҥер* «река».

Яморка — пр. р. Толман. Гидроним сложного образования: *Я*+*мор*+*ка* ср. манс. *я* «река», *мор* — этноним, *-ка* русский уменьшительный суффикс.

Яндуй — пр. р. Руй — отантропонимное название: *Яндуй* — собственное имя (Черных 1978:115).

Рассмотрев бо́льшую часть гидронимов бассейна реки Немда, мы пришли к выводу, что данная территория Марийской ССР в древние века заселялась разными племенами, население находилось в постоянной миграции, часто переносило из обжитых мест прежние географические названия на сходные объекты и свои поселения. Отсюда возникли паронимы как внутри бассейна реки Немда, так и далеко за ее пределами. В бассейне Немда имеется три гидронима Нурма, две Сурьи, две Ноли, Орья и Орьюшка, Немда и Немдеж, три Коньги, Тунья и Туньгинка, Большая и Малая Толмань, Большая и Малая Сердяжка.

Как отмечает И. С. Галкин (1991:17), передвижение

населения шло очень медленно, в длительный период и несколькими волнами. Первая волна передвижений оставила гидронимы *-ша, -да, -та, -ма.* Эти топоформанты были самыми древними (III—IV тысячелетия до нашей эры) и означали какой-нибудь водный объект. Таких гидронимов в бассейне реки Немда немало: *-ша* (Шанер, Чукша, Кӱльша, Нерша, Пикша, Курша), на *-да-, -та* (Немда, Алюнда, Шуда, Танер, Купта); на -ма (Нурма, Турма, Пукшалма, Олма).

Вторая волна (II—I тысячелетия до нашей эры) послужила причиной возникновения некоторых названий на *-я, на -ля, -ла.* Гидронимы Пузя, Ноля, Сурья, Тумья (Тунья), Оня, Орья, возникшие в данный период, большей частью пермского происхождения. То, что на территории марийского края проживали предки современных пермских народов, как считают ученые (Б. А. Серебренников, И. С. Галкин, Д. Е. Казанцев, Ф. И. Гордеев), свидетельствует следующий факт: названия некоторых гидронимов на *-я* в марийском языке звучит как на *-ю* (Сурья — Сурью, Орья — Орью, Тумья — Тумью и т. д.). Этимологии многих названий объясняются на материале коми и удмуртского языков.

В данном бассейне есть определенный пласт гидронимов, образованных посредством марийского языка: Танер, Ошканер, Шапланер, Каванер, Шоркэнгер, Шолнер, Танер, Шурашэнгер, Шаранер и т. д.).

Таких гидронимов немало, и образованы они в основном путем присоединения марийского слова *энгер* (-нер, -нар, -ер) «река» к самому названию, которое большей частью было не понятно для марийского населения.

Эти водные источники небольшие, расположены на географически ограниченном регионе. Или же название характеризует величину источника: Кугу Памаш, Кугер; Кугенер; иногда — месторасположение: Кужнур, Нурма, Ялнер.

В бассейне реки Немда большая группа гидронимов, оканчивающихся на *-ка* (Сердяжка, Каванерка, Кичминка, Нолька, Руйка, Вочка, Шуйка, Шоленерка, Гремечка, Песчанка, Кужнурка, Орьюшка, Туньгинка и другие). В марийском языке они в основном звучат без *-ка,* в официальном же написании подогнаны закономерностям русского языка; употребляются в значении уменьшительных суффиксов *-ка, -инка, -шка.*

Среди гидроформантов топонимисты выделяют *-га,* который по своему происхождению один из самых древних, к какому языку он принадлежит, вопрос остается открытым. В бассейне р. Немда зафиксировано четыре гидронима на *-га;* Мерянга, Коньга, Конга, Шуньга. В марийском языке они произносятся иначе: Мерян вӱд, Конью вӱд, Коньо вӱд. Лишь в одном названии сохраняется гидроформант *-га,* ср. Шуньго.

Среди рассмотренных гидронимов, по мнению И. С. Галкина (1991:112), можно выделить гидроформант *-еж (-ыж),* который фигурирует в названиях Немдеж, Сердеж, Регеж; Овалыж, Чывыж, Урмыж, Руж. Эти гидронимы, как показывает анализ, пермского происхождения.

Таким образом, можем отметить, что бассейн реки Немда в древние времена заселялся древнепермским населением, предки коми и удмуртов активно осваивали данную территорию, непосредственно принимали участие в формировании марийских гидронимов.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика.— Ижевск.

Васильев В. М. 1928, Марий мутер.— Москва.

Галкин И. С. 1991, Кто и почему так назвал.— Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1985, О былых связях древнемарийских племен со своими соседями по данным ономастики //Вопросы марийской ономастики. Вып. 5 — Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. I— 1979, Т. II — 1983.— Йошкар-Ола.

Иванов И. Г. 1978, Топонимические этюды. О названиях некоторых районов Марийской АССР //Вопросы марийской ономастики. Вып. I — Йошкар-Ола.

Кузнецов В. В. 1982, Местные географические термины в ойконимии Марийской АССР //Вопросы марийской ономастики. Вып. 3.— Йошкар-Ола.

Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР.— Сыктывкар.

Черных С. Я. 1978, Марий калыкын ен лӱмжӧ-влак //Вопросы марийской ономастики. Вып. I — Йошкар-Ола.

Н. И. ИСАНБАЕВ

КРАТКИЕ ИТОГИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВЕДОВ МарНИИ за 1981—1990 годы

Сектор языка за 60 лет своего функционирования прошел сложный путь становления и развития и несмотря на трагические последствия сталинских репрессий, унесших из жизни ряд талантливых марийских языковедов (В. А. Мухин, Г. Г. Кармазин, С. Г. Эпин), добился значительных успехов в деле изучения и научной разработки актуальных проблем марийского языкознания. За эти годы сотрудниками сектора в различных научных изданиях опубликовано 465 работ, издано около ста томов книг, монографических исследований, тематических сборников. Из них широкую известность получили такие капитальные труды, как четырехтомная научная грамматика современного марийского языка, двухтомная историческая грамматика, сопоставительная грамматика русского и марийского языков, марийско-русский и русско-марийский словари, первый том толкового словаря и некоторые другие. Специалистам хорошо известны также монографии И. С. Галкина «Залоги в марийском языке», Н. И. Исанбаева «Деепричастия в марийском языке», «Марийско-тюркские языковые контакты», А. А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке», И. Г. Иванова и Г. М. Тужарова «Северо-западное наречие марийского языка», диалектологические словари северо-западного, горного наречий и т. д. Они получили высокую оценку научной общественности нашей республики и страны.

Динамика роста и развития сектора, его научно-исследовательская и научно-организаторская деятельность за первые пятьдесят лет существования отражены в статье, посвященной полувековому юбилею МарНИИ имени В. М. Васильева*. В настоящей статье дается обобщенная картина научной деятельности сектора за последние десять лет (1981—1990 годы).

Состав сектора. Состав научных сотрудников сектора в годы XI—XII пятилеток не отличался стабильностью. В течение всего обозреваемого промежутка времени в нем постоянно происходили какие-то изменения, перемещения, что не могло не сказаться на его научной деятельности. В начале этого периода (1981—1983 гг.) в секторе насчитывалось 9—10 постоянных штатных сотрудников. В 1984—1985 гг. количество членов сектора резко сократилось. Лишь за последние пять-шесть лет по разным причинам из сектора и института ушли шесть сотрудников, из них больше половины — кандидаты наук. К сожалению, ни администрация института, ни сектор не нашли возможностей для того, чтобы восполнить кадровые потери и восстановить состав сектора на прежнем уровне.

---

* Исанбаев Н. И. Основные итоги деятельности сектора языка МарНИИ за пятьдесят лет (1930—1980 гг.) //Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 5—31.

Изменения в штате сектора происходили и в связи с поступлением молодых сотрудников на учебу в аспирантуру. За прошедшие десять лет аспирантскую подготовку прошли семь сотрудников сектора, шестеро из них (Л. А. Петухова, А. Н. Куклин, В. В. Кузнецов, А. С. Ефремов, С. С. Сибатрова, Л. И. Барцева) своевременно и успешно защитили диссертации.

В настоящее время в секторе работают постоянно три кандидата наук и два некандидата, два совместителя (доктора наук, профессора) и один опытный научно-технический сотрудник с высшим образованием. Это позволяет сектору в какой-то степени удерживать прежнее положение одного из ведущих научно-исследовательских центров республики в области марийского языкознания, исполнять роль организатора различных научных мероприятий (конференций, совещаний и т. д.).

Сектор, как и прежде, решает крупные научные проблемы марийского языкознания не в одиночку, а совместно с другими научными центрами республики, прежде всего с Марийским государственным университетом, Марийским государственным педагогическим институтом им. Н. К. Крупской и Марийским институтом усовершенствования учителей, поддерживает традиционные научные связи с научно-исследовательскими институтами и вузами соседних братских республик (Чувашии, Татарстана, Мордовской, Удмуртской и Коми ССР), а также с Институтом языкознания АН России, с кафедрой финно-угорских языков Тартуского университета. Сохраняются научные связя и с учеными Венгрии, Финляндии.

Укреплению научных связей, обмену опытом, творческому обогащению способствовало и способствует активное участие сотрудников сектора в качестве докладчиков в работе различных всесоюзных, региональных, республиканских, межвузовских, общеинститутских научных конференций, сессий и т. п., проводившихся как в Йошкар-Оле, так и в других городах страны. По нашим неполным данным, языковеды института в последнее десятилетие выступили на этих научных форумах с 60-ью докладами, из них один доклад прочитан на Международном конгрессе финно-угроведов (1985), шесть — на всесоюзных и региональных, три — на республиканских конференциях. Некоторые из проведенных республиканских конференций оказали решающее влияние на развитие отдельных аспектов и отраслей марийского языкознания. Так, Республиканская научно-практическая конференция по актуальным проблемам развития и изучения марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия, состоявшаяся в марте 1987 года, послужила импульсом для формирования работы над многотомным толковым словарем марийского языка, над усовершенствованием орфографических и орфоэпических правил, дала толчок к дальнейшему расширению исследований по русско-марийскому и другим видам двуязычия как в республике, так и за ее пределами.

Другим фактором, оказывающим положительное влияние на укрепление творческих связей сектора с научными центрами республики, является участие сектора в учебном процессе вузов Йошкар-Олы, работа в качестве преподавателей лингвистических дисциплин, руководителей дипломными работами, членов экзаменационных комиссий, рецензентов и редакторов научных сборников. Сотрудники сектора выполняли также поручения специализированных ученых советов Тартуского угниверситета, Института языкознания АН России (г. Москва) по написанию внешних отзывов, рецензий на диссерта-

ции и монографии, написанные их коллегами из братских республик и городов страны — Саранска, Глазова, Москвы, Елабуги и т. д.

Указанные и некоторые другие факторы несомненно оказывали и оказывают благотворительное влияние на научно-исследовательскую деятельность сектора, способствуя расширению круга научных интересов его сотрудников.

Научно-исследовательская деятельность сектора. Основное направление научно-исследовательской работы сектора было непосредственно связано с претворением в жизнь долговременной научной программы, намеченной на период до 2005 года, а именно подготовки многотомного толкового словаря, исследований по грамматике и описательной диалектологии, по проблемам взаимодействия марийского языка с языками других народов страны и т. д. Из сказанного видно, что тематика научных исследований сектора отличалась, несмотря на малочисленность коллектива исполнителей, своей широтой и большим разнообразием. Это было характерно особенно для XI пятилетки.

В годы XI пятилетки исследования велись по четырем проблемам и шести темам: «Словарь марийского языка толкового типа», «Лингвистический атлас Европы» (проблема «Язык и общество»), «Марийские говоры Башкирии в сравнении с литературным языком», «Региональные словари марийского языка» (проблема «Закономерности исторического развития языков»), «Словосочетания в марийском языке» (проблема «Грамматический строй марийского языка»), «Ойконимы бассейна реки Илеть Марийской АССР», «Этимологии марийских антропонимов» (проблема «Топонимика Марийской АССР»).

В двенадцатой пятилетке тематика научных исследований заметно сузилась. Это было связано с сокращением штата сектора и уходом из института квалифицированных кадров — специалистов по той или иной отрасли марийского языкознания. Так, например, тема «Топонимика Марийской ССР», разрабатывавшаяся в годы одиннадцатой пятилетки и ставившая своей конечной целью создание полного топонимического словаря марийского края, была исключена из исследовательского плана сектора из-за отсутствия в его составе специалиста по этой отрасли языкознания. Исследования по теме «Словосочетания в марийском языке» также были приостановлены в связи с переходом исполнителя на преподавательскую работу.

Основные силы сектора были сосредоточены, естественно, на выполнении важнейшей коллективной темы, имеющей первостепенное научно-практическое значение для республики и для всего марийского народа страны — подготовке толкового словаря марийского языка. Для обеспечения плодотворной работы над словарем в конце 1982 года был осуществлен ряд организационных мер: подобраны и утверждены члены авторского коллектива и его руководитель, члены редколлегии, главный редактор и его заместитель. Заново пересмотрена, уточнена, а затем размножена Инструкция по составлению словаря, подготовлены материалы для макета словарных статей, приняты и некоторые другие решения. Продолжалась работа по дальнейшему укреплению источниковой базы словаря — пополнению словарной картотеки новыми материалами.

Принятые меры позволили значительно ускорить подготовку словаря к изданию. За годы XI пятилетки членами сектора были подготовлены тексты словарных статей в объеме 123 авт. листа. Самым большим достижением сектора в этом большом и важном деле в годы XI пятилетки следует считать приобретение авторским коллективом необходимых практических навыков лексикографической работы,

что позволило в годы XII пятилетки в результате напряженных трудов подготовить первые два тома словаря уже к изданию. Первый том увидел свет в апреле 1990 года, второй том находится в производстве. Ведется работа над следующими томами.

Одновременно с этим велась работа по теоретическому осмыслению первых опытов и результатов практической работы. В этой связи необходимо назвать диссертационные исследования сотрудников сектора А. С. Ефремова «Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора)», Л. И. Барцевой «Полисемия глаголов в марийском языке», статьи Н. И. Исанбаева «Роль словарей в развитии и нормализации лексики литературного языка»//Актуальные проблемы литературного языка.— Йошкар-Ола, 1989.— С. 36—48, Л. А. Петуховой «Валентные свойства глагола **ышташ** «делать» в марийском языке»//СФУ 1981, № 1.— С. 10—16, М. М. Калямшина «Ботаническая терминология в мензелинском говоре»//Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 153—164, его же: «Зоонимы в марийском языке»//Вопросы марийской ономастики. Вып. 4.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 56—67, А. С. Ефремова «Названия рыб в марийских диалектах»//Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 148—152, Л. И. Барцевой «Лексико-семантическое варьирование глагола **налаш** «брать, взять» в марийском языке»// СФУ 1988, № 2.— С. 93—98, её же: «Расширение значений слова в марийском языке»//СФУ 1989, № 1.— С. 19—26, её же: «К вопросу о разграничении полисемии и омонимии в марийском языке»//Финно-угристика. Вып. 16.— Тарту, 1989.— С. 20—28 и др.

Названные работы можно рассматривать в качестве первых результатов специального исследования отдельных вопросов марийской лексикологии и отраслевой терминологии. Они кладут начало углубленному изучению проблем лексикологии и семасиологии родного языка.

Серьезное внимание уделялось в секторе работе над международной научной программой по составлению Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ). Почти все члены сектора были подключены к сбору необходимого диалектного материала для этого коллективного труда. К 1980 году поручение Советской Комиссии ЛАЕ при Академии наук СССР по подготовке марийской части атласа (Первый вопросник) было выполнено, научно обработанные материалы представлены в назначенные сроки. В годы XI пятилетки сектор получил задание Комиссии ЛАЕ подробно ознакомиться с содержанием Второго вопросника и приступить к сбору фактического материала согласно его рекомендациям и требованиям. Сектор вел работу по сбору диалектного материала по разделам «Лексика», «Фразеология» в калтасинском, красноуфимском, кунгурском, мензелинском, волжском, йошкар-олинском и сернурском говорах марийского языка. Руководителем темы членом Комиссии ЛАЕ Н. И. Исанбаевым составлены пробные ответы на вопросы по другим разделам Второго вопросника на основе данных литературных языков.

Определенная работа проделана и по другим диалектологическим темам. За годы XI—XII пятилеток состоялись около 50 экспедиционных выездов в различные районы республики и соседних областей, что позволило пополнить научно-рукописный фонд института новыми диалектологическими записями, а картотеку сектора — новыми словарными карточками в объеме более 60 тыс. штук. По собранным и научно обработанным материалам составлены словники белебеевского, бирского, волжского, йошкар-олинского, малмыжского говоров, словари калтасинского (а-й), бирского (а-л) говоров. Подго-

товлены образцы диалектной речи белебеевского, калтасинского, прибельского говоров. К сожалению, все эти материалы существуют пока только в рукописи. Требуется немало усилий и времени, чтобы довести их до широкой научной общественности. Опубликованы лишь образцы волжского и йошкар-олинского говоров с кратким описанием их основных фонетических и морфологических особенностей.

По диалектологической теме «Марийские говоры Башкирии в сравнении с литературным языком» (с 1984 года — «Формирование и развитие восточномарийских говоров») вел исследование Н. И. Исанбаев. Помимо вышеназванных рукописных работ по белебеевскому, бирскому, калтасинскому и прибельскому говорам восточного наречия он подготовил и опубликовал статьи «Вокализм белебеевского говора» // Материалы и исследования по марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 5—55, «Лексические особенности белебеевского говора (с приложением материалов для регионального словаря) // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология.— Йошкар-Ола, 1986.— С. 147—204, «Межэтнические связи восточных марийцев по данным языка» // Этногенез и этническая история марийцев. АЭМК. Вып. 14.— Йошкар-Ола, 1988.— С. 87—98, «Опыт классификации марийских диалектов вторичного образования» // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Тезисы II.— Сыктывкар, 1985.— С. 7, «В. М. Васильев и вопросы марийской диалектологии» // В. М. Васильев. Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения ученого.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 71—76.

На основе материалов диалектологических экспедиций у членов сектора рождались идеи и темы, которые воплотились в опубликованных ими статьях. Их можно объединить в отдельные тематические группы: а) фонетика диалектов. По этой теме членами сектора защищена одна кандидатская диссертация (Куклин А. Н. Фонетика красноуфимского говора марийского языка. Тарту, 1983), опубликовано 13 научных статей: Вершинин В. И. Этюды по фонетике елабужского говора // Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 43—58. Ефремов А. С. Некоторые наблюдения над фонетикой шоруньжинского говора // Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 58—70. Калямшин М. М. Гласные **а**, **ӓ** в мензелинском говоре // Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 140—147. Куклин А. Н. О некоторых фонетических особенностях марийских говоров Приуралья // Труды по финно-угроведению. Вып. 8.— Тарту, 1981.— С. 54—65, его же: Разновидности ассимиляции гласных и согласных в красноуфимском говоре марийского языка // СФУ 1984, № 1.— С. 28—3, его же: Функционирование глухих смычных согласных в красноуфимском говоре марийского языка // Основные тенденции развития финно-угорских языков.— Саранск, 1985.— С. 58—68, его же: Проблемы фонетики в трудах В. М. Васильева. Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения ученого.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 52—57 и др.

В тематических сборниках сектора были опубликованы по этой теме также труды внештатных сотрудников: Галкин И. С. Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения // Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 31—43, Зорина З. Г. Длительность гласных горного диалекта марийского языка // Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 71—100, её же: Еще раз об интенсивности гласных // Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 136—140, её же: Частота основного тона

ударных и безударных гласных в марийском языке // Материалы и исследования по марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 154—176. Казанцев Д. Е. К истории цоканья в диалектах марийского языка // Материалы и исследования по марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 177—197;

б) лексика диалектов. По лексике диалектов помимо вышеназванной работы Н. И. Исанбаева о лексических особенностях белебеевского говора опубликованы четыре статьи: Ефремов А. С. Названия рыб в марийских диалектах // Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 148—152, его же: Варианты названий растений в диалектах марийского языка // Материалы и исследования по марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 68—86; Калямшин М. М. Ботаническая терминология в мензелинском говоре марийского языка // Вопросы марийской диалектологии. — Йошкар-Ола, 1981.— С. 153—164; Барцева Л. И. Лексические особенности пижанского говора // Тезисы докладов на конференции молодых ученых МарНИИ.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 22—24.

Кроме названных статей вопросы лексики диалектов марийского языка рассматривались в процессе выявления результатов взаимодействия языков (см. ниже работы Н. И. Исанбаева, А. С. Ефремова, В. И. Вершинина и др.).

Сотрудниками сектора ведется определенная работа по подготовке региональных диалектных словарей. Дело это сопряжено с большими трудностями, требует сбора, систематизации и научной обработки большого количества фактического материала. Справиться с этой задачей за короткий срок очень сложно. Следует учитывать и то обстоятельство, что все члены сектора, ведущие сбор диалектного материала для региональных словарей, заняты составлением толкового словаря. Все это не могло не сказаться на темпах работы над подготовкой диалектных словарей. Тем не менее дело не стояло на месте, оно хотя и медленно, продвигалось вперед. Так, за обозреваемый период был издан «Словарь горного наречия марийского языка» (Саваткова 1981), составлена картотека для диалектных словарей волжского, йошкар-олинского, моркинского, сернурского, пижанского говоров лугового наречия, малмыжского, елабужского, красноуфимского, кунгурского, прибельского говоров восточного наречия и липшинского говора горного наречия. Картотека постоянно пополняется новыми материалами после проведенных диалектологических экспедиций. Составляются словари калтасинского и бирского говоров восточного наречия, опубликованы материалы для регионального словаря белебеевского говора (Исанбаев 1987).

Необходимо отметить, что сбор материала по говорам лугового наречия ведется также силами студентов в стенах Маргосуниверситета и Марпединститута. Думается, что координация и соединение их усилий с работой сотрудников сектора языка МарНИИ сыграла бы большую положительную роль, ускорила бы подготовку результатов исследования к изданию.

По третьей проблеме, разрабатываемой силами сектора («Грамматический строй марийского языка»), в годы XI—XII пятилеток защищены две кандидатские диссертации (Петухова Л. А. Глагольно-именные словосочетания в марийском языке. Тарту 1981, Сибатрова С. С. Послелоги в марийском языке. Тарту 1988), опубликовано 15 научных статей. Большинство статей посвящено разработке вопросов синтаксиса и послелогов в марийском языке. Синтаксические проблемы освещались в работах Л. А. Петуховой: «Глагольные сло-

восочетания с зависимым деепричастием» //Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 105—123; «Глагольное управление в марийском языке» //Марий филологий.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 66—73 (на мар. яз.); «Разработка вопросов синтаксиса простого предложения в марийском языкознании» //Из истории марийской филологии.— Йошкар-Ола, 1984.— С. 20—25; «Вопросы синтаксиса в трудах В. М. Васильева» //В. М. Васильев. Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения ученого.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 57—60.

Всесторонний грамматический и этимологический анализ послелогов дает С. С. Сибатрова в следующих статьях: «К этимологии некоторых марийских послелогов» //СФУ 1986, № 1.— С. 34—38; «К вопросу о синонимике синтетических форм и послеложных конструкций в марийском языке» //СФУ 1986, № 2.— С. 108—115; «Синтаксические особенности послелогов в марийском языке» //Труды по финно-угроведению. Вып. 13.— Тарту, 1986.— С. 117—127; «Морфологические особенности послелогов в марийском языке» //Марийская филология. Межвузовский сб. научных трудов.— Йошкар-Ола, 1986.— С. 102—108; «О морфологической структуре марийских послелогов» //Труды по финно-угроведению. Вып. 14.— Тарту, 1987.— С. 109—118; «Иноязычное влияние на систему марийских послелогов» (в производстве).

Кроме того С. С. Сибатровой подготовлена и опубликована статья «Частицы горного наречия марийского языка» //Материалы и исследования по марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 113—134.

Несколько работ этого периода Н. И. Исанбаева посвящены вопросам грамматического строя марийского языка: «Анадитические формы модальности в марийском языке» //Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 7—56; «Роль языковых контактов в развитии категории множественности в марийском языке» //Проблемы русско-финноугорского двуязычия.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 30—46; «К проблеме проницаемости морфологических явлений при взаимодействии языков» //Вопросы диалектологии тюркских языков.— Уфа, 1985.— С. 109—113; «Интерферентные явления в морфологической структуре иноязычных заимствований» //Сущность, развитие и функции языка/ Отв. ред. акад. Г. В. Степанов.— М.: Наука.— 1987.— С. 128—136. Как свидетельствуют сами названия, указанные работы Н. И. Исанбаева явились результатом исследования вопросов взаимодействия марийского языка с иносистемными языками.

В научных сборниках секторов в эти годы, как и прежде, публиковались исследования по грамматике марийского языка, проведенные и другими марийскими языковедами, в частности преподавателями университета и пединститута. Среди них особой активностью отличались языковеды, занимающиеся исследованием вопросов словообразования и морфемики (Г. И. Лаврентьев, Ю. В. Андуганов), а также синтаксиса (Г. Н. Валитов, Л. П. Васикова, З. К. Иванова). По морфологическим категориям притяжательности и падежа опубликовали свои статьи И. С. Галкин («Об одном уральском явлении в марийском языке») и Г. М. Тужаров («Компаратив в марийском языке»).

По проблеме «Топонимика Марийской ССР» в рассматриваемые годы была написана и успешно защищена одна кандидатская диссертация (В. В. Кузнецов. Ойконимы бассейна р. Илеть Марийской АССР.— Тарту, 1985), опубликованы 19 научных статей, большинство из которых появились в свет в процессе работы над названной диссертацией или в тесной связи с ней; например, статьи

В. В. Кузнецова «Антропоойконимы бассейна р. Илеть Марийской АССР» //Труды по финно-угроведению. Вып. 8.— Тарту, 1981.— С. 67—79; «Местные географические термины в ойконимии Марийской АССР» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 3.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 24—41; «Принципы номинации марийских ойконимов» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 4.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 18—31; «Названия населенных пунктов Волжского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ)» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 3—29; «Названия населенных пунктов Моркинского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ)» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 6.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 25—50.

Часть статей, опубликованных в серийном тематическом сборнике «Вопросы марийской ономастики», написана бывшим директором института профессором И. С. Галкиным, который широко использовал в них фактические материалы, собранные членами сектора языка и хранящиеся в картотеке сектора*. Из этих статей наиболее интересными представляются следующие: «Древнейшие пласты марийской топонимики» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 6.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 5—24; «Топонимические заметки» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 3.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 5—23.

Топонимические исследования последних лет, осуществленные молодыми авторами, появились несомненно под непосредственным влиянием и руководством И. С. Галкина, вдохновившего их на подобные исследования, а некоторые из них по его специальному заказу для сборника «Вопросы марийской ономастики». К числу таких работ можно отнести статьи В. И. Вершинина «О некоторых географических терминах и топонимах прикамских мари» //Марийская филология. Межвузовский сб. науч. трудов.— Йошкар-Ола, 1986.— С. 109—117; «О некоторых марийских ойконимах Прикамья» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 7.— Йошкар-Ола, 1990.— С. 28—48, топонимические заметки К. Н. Санукова: «К этимологии топонима Арда» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 4.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 136—138; «К этимологии гидронима Ветлуга» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 114—118, статья В. Ш. Шаймарданова «К вопросу о субстратной топонимике на территории Марийской АССР» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 7.— Йошкар-Ола, 1990.— С. 107—112 и нек. др.

С точки зрения истории марийского этноса, выяснения древнейшей территории его расселения интерес представляют статьи Л. Ш. Арсланова, в которых анализируются топонимические названия марийского происхождения Татарстана. «Топонимия финно-угорского происхождения в районах западного и восточного Закамья Татарской АССР» // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 78—88, «Марийский пласт в топонимии Кукморского района ТАССР» // СФУ 1989, № 3.— С. 178—181, «Марийский пласт в топонимии Мамадышского района Татарской АССР» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 7.— Йошкар-Ола, 1990.— С. 75—80.

---

* На основе этой картотеки после упорядочения и уточнения материала опубликованы списки названий населенных пунктов и гидронимов Марийской АССР с целью вовлечения их в научный оборот. См.: Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 119—189.

Приходится с сожалением констатировать, что отсутствие в составе сотрудников сектора специалиста по топонимике мешает развернуть научно-исследовательскую работу в этом направлении, задерживает выполнение поставленной перед сектором задачи — составить полный словарь топонимических названий Марийской ССР с историко-этимологическим анализом.

Внимание членов сектора (как штатных, так и нештатных) привлекали и вопросы происхождения собственных имен марийцев, их морфемная структура, семантика. В этой связи следует напомнить, что список дохристианских имен марийцев (4071 мужских, 807 женских) был опубликован доцентом МарГУ С. Я. Черных в секторском сборнике еще в 1978 году (См.: Вопросы марийской ономастики. Вып. 1.— Йошкар-Ола, 1978.— С. 82—123). После этого возникла потребность в объяснении их этимологий. В 1980, 1982 и 1983 годах Ф. И. Гордеев в трех выпусках серийного сборника «Вопросы марийской ономастики» (вып. 2, 3, 4) дал объяснение 1299 мужским и женским именам марийцев. К сожалению, дело дальше буквы **Б** не продвинулось. В настоящее время С. Я. Черных готовит полный историко-этимологический словарь марийских антропонимов. Большой интерес представляет и статья И. С. Галкина «Русские фамилии марийского происхождения» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 4.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 5—17. В результате изучения антропонимических материалов елабужского говора появилась статья В. И. Вершинина «Прозвища в елабужском говоре марийского языка» //Вопросы марийской ономастики. Вып. 3.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 81—100. Несколько раньше эта тема затрагивалась в докладе А. А Саватковой «Имена и прозвища людей в горном наречии марийского языка» // Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы за 1971—1976 гг.— Йошкар-Ола, 1976.

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния марийского языка с другими языками, как родственными, так и неродственными, занимают в исследовательской деятельности сектора значительное место. На протяжении многих лет ведет разработку этих проблем Н. И. Исанбаев, который опубликовал на эту тему более тридцати научных работ, в том числе в годы XI—XII пятилеток 11 статей и одну монографию («Марийско-тюркские языковые контакты». Часть 1.— Йошкар-Ола, 1989). В последнее время к рассмотрению отдельных сторон этой сложной проблемы подключились и некоторые молодые члены сектора (А. С. Ефремов, В. И Вершинин, С. С. Сибатрова), опубликовавшие пять статей, например: А. С. Ефремов. «Заимствованная флористическая лексика марийского языка» //Тезисы докладов на конференции молодых ученых МарНИИ.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 20—22; В. И. Вершинин. «Удмуртские заимствования в прикамских говорах марийского языка» //Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков.— Ижевск, 1987.— С. 133—139; его же: «Русские заимствования в прикамских говорах марийского языка» //СФУ 1988, № 3.— С. 174—180 и др.

В сборниках статей сектора в эти годы была напечатана и работа доцента МарГУ З. В. Учаева «Русские заимствования в марийском языке в свете его словообразования» //Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология.— Йошкар-Ола, 1986.— С. 21—32. Статья представляет большой интерес с точки зрения определения места русских производных слов в системе словообразования марийского языка.

Таковы основные итоги научно-исследовательской деятельности

сектора языка за последнее десятилетие. Из этого обзора видно, что в годы XI—XII пятилеток языковеды МарНИИ достигли немалых успехов в исследовании насущных проблем марийского языкознания, в изучении как литературных языков, так и местных разновидностей общенародного языка, в разработке вопросов взаимодействия и взаимовлияния марийского языка с языками соседних братских народов — с русским, татарским, чувашским, башкирским, удмуртским и т. д.

За обозреваемый период времени сотрудниками сектора языка издано 10 выпусков тематических сборников, два словаря, одно монографическое исследование, опубликовано в журналах, тематических и нетематических сборниках более ста статей по различным вопросам марийского языкознания. Члены сектора приняли активное участие в подготовке и издании пяти общеинститутских и четырех межвузовских сборников. Значительная часть их работ опубликована в журналах и тематических сборниках за пределами республики — в Таллинне, Тарту, Ижевске, Саранске, Сыктывкаре, Казани и Уфе.

Однако несмотря на достигнутые успехи в развитии марийского языкознания, многие проблемы еще ждут своего всестороннего, глубокого научного исследования. Основные направления научной и научно-организационной деятельности марийских языковедов республики на ближайшее будущее определены рекомендациями Республиканской научно-практической конференции по актуальным проблемам марийского литературного языка, состоявшейся в марте 1987 года. В них в качестве первоочередных задач названы следующие:

1. Подготовка к изданию многотомного толкового словаря марийского языка.

2. Подготовка к изданию терминологических словарей по отдельным отраслям знаний, прежде всего по общественно-политической и научно-технической терминологии.

3. Подготовка к изданию грамматики современного марийского языка с учетом новейших достижений лингвистической науки, справочных пособий по стилистике, орфоэпии, культуре речи.

Наряду с этим необходимо, на наш взгляд, форсировать работу по дальнейшему изучению народно-разговорного языка — живого источника нашего литературного языка, по монографическому описанию местных диалектов, по составлению и подготовке к изданию разных типов диалектных словарей. Необходимо продолжать исследование проблем межъязыковых и междиалектных контактов, а также вопросов двуязычия, не прекращать работу по исследованию отдельных актуальных проблем грамматики и лексикологии марийского языка.

Л. П. ГРУЗОВ, МАРИЙ ЙЫЛМЕ ТӸНЯМБАЛНЕ.

Йошкар-Ола, 1991. 126 с.

Недавно Марийское книжное издательство выпустило в свет весьма интересную и полезную книгу профессора Л. П. Грузова, предназначенную для учащихся марийских школ, любителей родного языка и устного народного творчества под названием «Марий йылме тӸнямбалне» («Марийский язык в мире»); Йошкар-Ола, 1991.

Книге автор предпослал небольшую вводную часть, название которой говорит само за себя «Марла ойлем» («Говорю по-марийски»). Здесь он говорит с большой гордостью за расширение общественных функций марийского языка и в то же время выражает сожаление, что некоторые родители, не понимая значимости родного языка

в развитии интеллекта ребенка, не разрешают своим детям учиться в школе на родном языке. Прав автор, что попытка в некоторых школах обучения детей с первого класса на русском языке привела к заметному снижению успеваемости детей. Всем ясно, что любовь к родному языку необходимо воспитывать с детства. Нельзя ограничиваться обучением детей только правильному письму и чтению, самое главное в этом деле — научить детей логически мыслить. Прав автор и в том, что в республике и представителей других народов необходимо обучать марийскому языку. Такое начало положено в Марийском университете, но еще не в должной мере. В последнее время делу обучения марийскому языку в республике стали уделять довольно пристальное внимание. В качестве эксперимента введено преподавание марийского языка в детских садах г. Йошкар-Олы. И это дает хорошие результаты. На мой взгляд, было бы полезно ввести марийский язык во всех школах республики, начиная с первого класса.

Здесь же Л. П. Грузов дает краткие сведения о родстве марийского языка с другими финно-угорскими языками и об изучении марийского языка в других странах: Венгрии, Финляндии, Германии, Швеции, США, Франции, Японии, Австрии и называет известные имена ученых, которые владели или владеют марийским языком и занимаются исследованием его, таких как академики Э. Беке, Э. Итконен, профессора Г. Берецки, А. Алхониеми, С. Сааринен и др.

Книга излагает историю изучения марийского языка и разделена на несколько разделов.

Первый раздел посвящен городу Казани и о его значении в просвещении марийского народа. Большое место здесь занимает Казанский университет, воспитавший таких видных марийских просветителей как С. Нурминский, М. Васильев, Т. Семенов, Г. Яковлев, И. Моляров, П. Ерусланов, И. Удюрминский. А сколько видных ученых и писателей вышло из мари с помощью Казани: И. Н. Смирнов, В. М. Васильев, П. Н. Глезденев, Г. Г. Кармазин, Г. С. Мухин, В. А. Мухин, С. Г. Чавайн, П. Г. Григорьев, М. Янтемир, С. Эпин, академик В. П. Мосолов и др. Их имена марийский народ никогда не забудет.

Не обошел вниманием профессор Л. П. Грузов и известного русского лингвиста, уроженца г. Царевококшайска (ныне г. Йошкар-Олы) В. А. Богородицкого, посвятившего немалое внимание экспериментальному изучению марийской фонетики. В Казани трудился эстонец по национальности, посвятивший марийскому языку интересную работу «Исследование о наречиях черемисского языка», М. Веске.

Вторым центром, давшим марийскому народу известных языковедов, является Институт языкознания АН СССР, находящийся в Москве. Этот институт до 1950 года назывался «Институтом языка и мышления» и располагался в г. Ленинграде. Здесь трудились такие всемирно известные лингвисты финно-угроведы как Д. В. Бубрих, В. И. Лыткин, Б. А. Серебренников, К. Е. Майтинская и др. Под их руководством в марийском языкознании появились такие ученые лингвисты, как профессор Н. Т. Пенгитов, кандидаты наук М. Ф. Дружинина, А. А. Саваткова, Н. И. Исанбаев, Ф. И. Гордеев. Много лет трудилась в этом институте Е. И. Коведяева.

Однако, надо справедливости ради сказать, что начало советскому финно-угроведению положил Ленинградский университет. Стараниями члена-корреспондента АН СССР профессора Д. В. Бубриха в стенах Ленинградского университета в 1925 году было открыто финно-угорское отделение. Здесь нашли свои пути в лингвистическую науку про-

фессора Н. Т. Пенгитов, Л. П. Грузов и кандидаты наук Г. С. Патрушев, М. Ф. Дружинина, К. А. Четкарев.

А сколько видных деятелей культуры, писателей, музыкантов и артистов дал марийскому народу г. Ленинград! Это М. Рыбаков, П. Эсеней, Р. Русина, М. Мазикова, И. Краснов, В. Зернов, С. Кириллова, А. Венедиктов, В. Кузьминых, А. Александрова, В. Ялпаев, В. Яшмолкин, А. Краснов, К. Смирнов, Д. Отмахов и др.

Много сил отдала изучению марийской этнографии Т. А. Крюкова — уроженка марийского края.

Большое место в книге занимает г. Тарту и школа академика Пауля Аристэ, воспитавшего для марийского языкознания целую плеяду молодых ученых — это профессора Л. П. Васикова, И. С. Галкин, И. Г. Иванов, кандидаты наук Э. С. Якимова, А. Н. Куклин, З. К. Иванова, В. Н. Васильев, А. С. Ефремов, С. С. Сибатрова, В. В. Кузнецов и доктор наук Ю. В. Андуганов.

Изучением марийского языка в Эстонии в настоящее время занимается главный редактор журнала «Лингвистика уралика» Пауль Кокла.

Специальная глава в книге посвящена венгерско-марийским связям. Здесь автор дает краткую историю финно-угорских племен и довольно подробно останавливается на роли венгерских ученых в изучении марийского языка, начиная с Антала Регули и кончая Габором Берецки.

Особую главу автор посвятил роли венгерских композиторов и музыковедов в изучении и пропаганде марийской народной музыки. Впервые марийская народная музыка была записана на фонограф Иреной Вихман, женой финского лингвиста Ӱрйӧ Вихман. Материалы, собранные Иреной Вихман, положили начало систематическому изучению марийской музыки в Венгрии. Впервые ими воспользовались такие известные венгерские композиторы как Бела Барток и Золтан Кодаи. Дело, начатое И. Вихман, Б. Барток и З. Кодаи, продолжил молодой венгерский музыковед Ласло Викар, который четырежды побывал среди марийцев, собрал богатейший материал по марийскому музыкальному фольклору и издал сборник марийских народных песен, куда вошли 320 народных мелодий. Ласло Викар много раз выступал с докладами о марийской народной музыке на различных форумах. Его стараниями три марийские народные песни вошли в сборник «Песни народов мира», изданный ЮНЕСКО.

Одна из глав книги посвящена роли финских ученых в изучении марийского языка. Автор дает краткую справку о Финляндии, рассказывает о работе Международного конгресса финно-угроведов, о встречах с учеными разных стран, с финскими пионерами, с репортером У. Миеттиненом, о посещении города Тапиолы и т. д. В небольшом разделе «Финны — у нас» автор рассказывает о посещении финскими учеными марийского края, среди которых он упоминает имена М. Кастрена, В. Поркка, Х. Паасонена, Ю. Вихмана, Г. Рамстедта, М. Рясянена, С. Сааринен, И. Лехтинен. Тепло отзывается о финских академиках Эркки Итконене и Пааво Равила. Особо отмечает роль Финно-угорского общества в изучении финно-угорских языков и народов, зарубежными членами которого являются и марийские ученые: Т. Евсеев, В. Васильев, Н. Пенгитов, Л. Грузов, И. Галкин, И. Иванов, Ю. Андуганов.

С особой теплотой вспоминает профессор Л. Грузов о вечере, проведенном в гостях у профессора Алхо Алхониеми, где весь вечер разго-

варивали представители трех народов — эстонцев, марийцев и финнов — только на марийском языке.

Небольшой раздел книги рассказывает об изучении марийского языка в США, где в Индианском университете (г. Блюмингтон) в 1956 году была переиздана первая марийская грамматика 1775 года. Это было сделано профессорами Т. Шебеоком и А. Рауном. Им в этом помогал мариец Иван Евский (Иван Ивашкин из д. Баймурзино Башкирии, попавший в США после Великой Отечественной войны как репатриированный военнопленный).

Особую главу Л. П. Грузов посвятил жизни и творчеству некоторых известных лингвистов, занимавшихся и занимающихся исследованием марийского языка. Раздел открывается с рассказа о В. М. Васильеве, которого он справедливо назвал отцом марийского языкознания. Кроме того, читатель в этом разделе может познакомиться с интересными жизненными и творческими путями венгерского академика Э. Беке, немецкого академика В. Штейница, финского академика Э. Итконена, венгерского профессора Г. Берецки, финского профессора А. Алхониеми.

Подробно автор рассказал об академике Б. А. Серебренникове и профессорах В. И. Лыткине и М. П. Чхаидзе.

Из марийских лингвистов, кроме В. М. Васильева, в этом разделе читатель может узнать много интересного и о других марийских языковедах — профессорах Н. Т. Пенгитове, И. С. Галкине, доценте Н. И. Исанбаеве и Г. Г. Кармазине.

Книга заканчивается кратким обзором работы всех семи Международных конгрессов финно-угроведов и призывает марийских ученых принять активное участие в работе восьмого Международного конгресса финно-угроведов, который состоится в 1995 году в Финляндии.

Нет слов — книга очень нужная, ее неплохо бы издать еще и на русском языке, чтобы познакомить с успехами марийского языкознания более широкий круг читателей.

К сожалению, в книгу проскочили некоторые неточности. Например, Д. Дечи в настоящее время живет не в ФРГ, а в США (стр. 9). Ю. Вихман во время своей поездки к марийцам в 1905—1906 годах посетил не только Малмыж и Уржум, но и Килмезь (стр. 42, 63).

Рукопись книги, видимо, была готова до 100-летия Финно-угорского общества, поэтому прокралась досадная ошибка, что этому обществу исполняется 100 лет (стр. 65),тогда как 100-летний юбилей общество отмечало в 1983 году.

В книге есть опечатки (стр. 64, 67), повторы (стр. 64, 67, 89, 119).

На мой взгляд, если книга на марийском языке, то и перевод работ на иностранных языках нужно бы дать не на русском языке, а на марийском же.

Однако, несмотря на отмеченные погрешности, книга профессора Л. П. Грузова очень нужная, интересная и познавательная. Ее с большим интересом прочтут не только учащиеся марийских школ, но и взрослое население.

И. С. ГАЛКИН.

А. ЕРМАКОВ, КУШКЫЛ, ЯНЛЫК, КАЙЫК...

Йошкар-Ола, 1991, 76 с.

В марте 1987 года в г. Йошкар-Оле была проведена республиканская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития, изучения, преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия», в ходе которой было заслушано и обсуждено 6 докладов и 18 сообщений. По обсуждаемым вопросам конференция приняла рекомендации, в которых нашли свое отражение основные выводы докладов и выступлений. Одной из рекомендаций было записано предложение подготовить различные словари — отраслевые терминологические, фразеологический, орфографический, двуязычные.

Во исполнение рекомендаций республиканской научно-технической конференции языковедами республики за истекший период в области лексикографии сделано немало. Издано шесть словарей: Ф. Т. Грачева «Марий фразеологий мутер» (1989); два тома многотомного «Словаря марийского языка» (1990, 1992); В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев «Марийско-русский словарь» (1991); А. Ермаков «Кушкыл, янлык, кайык...» («Растения, звери, птицы...») (1991); «Марий орфографий мутер» (1992). Ведется подготовка к изданию «Русско-марийского словаря».

Важным событием в марийской лексикографии стало издание терминологического словаря журналиста А. Ермакова «Кушкыл, янлык, кайык...» (Йошкар-Ола, 1991). Надо сказать, что до появления рецензируемого словаря в марийской лексикографии опубликованы лишь две работы, которые связаны с отраслевой терминологией. Это — «Русско-марийский терминологический словарь по математике для восьмилетней школы» А. Ш. Шапеева (Шапеев 1959:51—73) и «Русско-марийский словарь биологических терминов» Х. Ф. Балдаева (Балдаев 1983), которые сырали некоторую роль в обогащении, нормализации и упорядочении математических и биологических терминов. В словаре Х. Ф. Балдаева представлено около 2700 биологических, а также имеющих с биологией связь сельскохозяйственных, ветеринарных и медицинских терминов, наиболее часто встречающихся в учебниках биологии для средней и высшей школы. Следует отметить, что большинство приведенных в словаре терминов (например, названия травянистой и ягодной флоры, по нашим подсчетам, около 95%) заимствованы из ранее изданных русско-марийских и марийско-русских словарей, а также из рукописного материала Е. А. Кавалеровой «Списки марийских названий растений, произрастающих на территории Марийской АССР» (РФ МарНИИ оп. 2., д. № 270), хотя в аннотации словаря и отмечается, что большая часть терминов собрана автором. К тому же значительная часть включенных в словарь терминов представляет лексику горномарийского литературного языка.

В этом плане выгодно отличается словарь А. Ермакова. В словаре нашло отражение много новых лексем, собранных самим автором, которые отсутствуют в ранее опубликованных лексикографических источниках, например: *кечыйолшудо* «медуница неясная» (9 с.), *коракшудо* «мать-и-мачеха» (12 с.), *манышудо* «будра плющевидная» (16 с.), *мундыршудо* «перекати-поле» (17 с.), *пивонго* «опенок ложный» (20 с.), *чикшудо* «синеголовник плосколистный» и многие другие.

Словарь А. Ермакова включает в себя названия растений, животных и птиц, рыб, насекомых и частей (органов) тела. По своему типу он является двуязычным. В него включены, в отличие от сло-

варя Х. Ф. Балдаева, только марийские названия растений и животных, распространенных на территории Марийской республики. Термины, заимствованные из русского языка, например: *астра, гладиолус, кактус* и др.; не включены в словарь. Всего в словаре приводится 1184 термина, подразделенных по тематическим группам (596 названий растений; 81 зооним; названий птиц — 254; названий пресмыкающихся и рыб — 68; 67 терминов, обозначающих насекомых; 108 анатомических терминов). Заглавные слова расположены в алфавитном порядке. В качестве исходных даются марийские названия, которые объясняются с помощью средств русского языка. Иногда автор пользуется приемом отсылки, например: *кояшудо* ончо (см.) *алой* (12 с.); *курайвуч* ончо (см.) *шымавуч* (13 с.) и др. В целом автором словаря проделана довольно большая работа по сбору, систематизации и извлечению материала из ранее опубликованных словарей.

Встречаются в словаре некоторые погрешности и неточности, дающие повод для полемики.

При составлении словарных статей, когда имеется ряд слов для обозначения одной и той же реалии, в качестве заглавного необходимо давать, прежде всего, литературную форму, а за ней диалектные. Только при отсутствии литературного варианта на первом месте может стоять одно из диалектных названий. Это немного бы увеличило лингвистическую значимость словаря. В словаре же один и тот же синонимический ряд «кочует» с одной страницы в другую; например, синонимический ряд *кишкыйылме, комбышоган* «гусиный лук, лук-стрелец» дается на 10 и 11 сс., при этом на 11 с. дается некоторое «уточнение», т. е. в русском переводе лук-острец уже опущен; *ирдар, нолпышудо* на 6 с. «щирица полосатая», а на 18 с. этот же синонимический ряд употребляется для обозначения «щирицы запрокинутой»; *ошпоч вӱтеле* на 46 с. «фифи», а на 52 с. «кулик фифа»; на 23 с. *шӧрвонго* «1) млечник, 2) молочай», а на 33 с. «гриб-млечник» и мн. др. К тому же слова в синонимическом ряду меняют свой фонетический облик, например: на 8 с. *йынгырвуч, онгырвуч* «цикута ядовитая», а на 19 с. *онгырпуч, йынгырпуч;* на 13 с. *куклӱнгӧ, онгырпеледыш* «баранчик, примула», а на 19 с. *онгырпеледыш, кукулӱнгӧ;* на 13 с. *морчаквонго* «сморчок», а на 22 с. *мурчаквонго;* на 21 с. *пижедылшешудо* «подмаренник цепкий», а на 35 с. *пижедылшышудо;* на 47 с. *юмынгомбо* «дикий гусь», а на 60 с. *юмынкомбо;* на 45 с. *вулявуйчечкемыш* «славка черноголовая»; а на 57 с. *вулявуйчечкем,* на 14 с. *куэпленга* «белянка, волнушка», а на 24, 24 сс. соответственно *куэблинга* и *куэблинга* и мн. др. Думается, нет необходимости в каждой словарной статье перечислять все имеющиеся названия, а каждое название включать в отдельную словарную статью. При этом диалектные давать с указанием на принадлежность соответствующему диалекту. Ведь основное назначение словарей, тем более терминологических,— систематизация, а в рецензируемом словаре этой систематизации явно не достает.

В рукописи довольно много фонетических вариантов одного и того же названия. Основываясь на существующей орфографической норме (Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 1972), фонетические варианты необходимо исключить, например: *вужгавонго* и *пужгавонго* «гриб-дождевик» (6 с.), *йӱрмӧр* и *юрмӧр* «спаржа лекарственная» (8 с.), *какыремгайык* и *кекыремгайык* «горихвостка садовая» (47 с.), *аракма* и *арыкма* «дикая редька» (4 с.), *сӱванщудо* и *сыванщудо* «кирказон обыкновенный» (28 с.), *кылган* и *кылгын* «ковыль» (15 с.), *каза* и *кесе* «коза» (38 с.), *ясмыкпурса* и *яшмыкпурса* «чечевица»

(36 с.), *пӹртньык* и *пӹтньык* «мята перечная, мята длинолистная» (24 с.), *шыпкыншудо* и *шыпканшудо* «рыжик посевной» (35 с.), *кодама* и *котама* «1) гольян речной, 2) форель, 3) хариус» (62 с.), *сӹгӧ* и *шӹгӧ* «короед» (68 с.), *шырчык* и *шыгырчык* «скворец» (59 с.) и др. Подобные фонетические варианты с точки зрения лексикографии уместно давать в сравнительных диалектных словарях с указанием на диалект и говор.

Отмечается непоследовательность и в отношении слитного или раздельного написания сложных терминов, например: *шем кишке* «гадюка» (62 с.), но *кӹренгишке* «медянка», *тойгишке* «медяница» (там же); *пасуголя* «полевка» (39 с.), но *сурт коля* «мышь домовая» (там же); *кугувӧчыж* «клюква болотная» (23 с.), но *изи пӧчыж* «майник двулистный» (там же); *ломбыгичке* «черемуха» (15 с.), но *пызле кичке* «рябина» (24 с.); *ужаргорак* «сизоворонка» (56 с.), но *ужар киса* «большая синица» (там же) и др. К тому же один и тот же термин на одной странице представлен как сложное слово, а на другой — как свободное словосочетание, ср. *илекурез* (7 с.) и *иле курезе* «груздь настоящий» (14 с.); *изиомыж* (7 с.) и *изи омыж* «ситник» (19 с.); *шопке папка* (20 с.) и *шопкепапка* «подосиновик» (21, 23, 32 сс.); *ошма вӹтеле* (46 с.) и *ошмавӹтеле* «кулик-песочник» (52 с.); *выле-выле* (46) и *вылевыле* «славка серая» (56 с.); *кайыккомбо* (47 с.) и *кайык комбо* «гусь-гуменник» (60 с.); *йылшукш* (66 с.) и *йыл шукш* «дождевой червь» (69 с.) и др.

Словник словаря достаточно полный и он представлен в основном только луговомарийскими названиями. Вместе с тем довольно много слов, зафиксированных в «Марийско-русском словаре», не включено в словарь, например: *шамба* «налим», *кайыккочшо* «сорокопут», *ирпызле* «пижма обыкновенная», *шулдыр* «крыло»; «плавник (у рыб)», *шоякпундышӹнвонго* «ложный опенок», *шоякрыжыквонго* «ложная лисичка», *шурка* «хохол (у птиц)», *паран шорык* «ярка, молодая овца» и др. Возникают вопросы и относительно включения одних и невключения других соотносимых слов, например, в словаре фигурируют слова *чыве иге* «цыпленок» (58 с.), *сӧсна иге* «поросенок» (42 с.), но почему-то отсутствуют слова *комбо иге* «гусенок», *лудо иге* «утенок» и др.

Встречаются в словаре и нарушения алфавита. Так не на своем месте находятся слова *вӹдлашка* «ряска» (6 с.), *рушвуйшудо* «мелисса лекарственная или лимонная мята» (26 с.), *салтакушмен* «брюква» (там же.) и др.

Необходимо заметить, что значительная часть вышеперечисленных замечаний была отражена автором рецензии в отзыве на рукопись словаря, но по непонятной причине при подготовке рукописи к изданию они не были учтены.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на некоторые, хотя и серьезные, недочеты, выход словаря — заметное событие в марийской лексикографии. Словарь обогащает наши представления о растительном и животном мире. В нем содержится много новых лексических фактов и явлений, вводится в научный оборот до сих пор малоизвестный широкому кругу представителей марийского народа материал. Словарь может быть полезен специалистам лесного и водного хозяйства, учителям и ученикам, а также всем тем, кто интересуется природой нашего края.

ЛИТЕРАТУРА

Балдаев Х. Ф. 1983, Русско-марийский словарь биологических терминов.— Йошкар-Ола.— 103 с.

Шапеев А. Ш. 1959, Русско-марийский терминологический словарь по математике для восьмилетней школы // Ученые записки МГПИ, XXIII.— С. 51—72.

А. ЕФРЕМОВ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

азер.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
анг.	— английский
арм.	— армянский
башк.	— башкирский
белеб.	— белебеевский
В	— восточное наречие
венг.	— венгерский
вепс.	— вепсский
Г	— горное наречие
диал.	— диалектный
др.-иран.	— древнеиранский
и.-е.	— индо-европейский
кар.	— карельский
коми-зыр.	— коми-зырянский
коми-перм.	— коми-пермяцкий
Л	— луговое наречие
лат.	— латинский
лезг.	— лезгинский
лив.	— ливский
лит.	— литовский
лтш.	— латышский
манс.	— мансийский
мар.	— марийский
менз.	— мензелинский
монг.	— монгольский
морд. м.	— мокша-мордовский
морд. э.	— эрзя-мордовский
осет.	— осетинский
перс.	— персидский
русск.	— русский
саам.	— саамский
санскр.	— санскрит
СЗ	— северо-западное наречие
слав.	— славянский
ст.-слав.	— старославянский
тат.	— татарский
тюрк.	— тюркский
удм.	— удмуртский
уйг.	— уйгурский
фин.	— финский
ф.-п.	— финно-пермский
ф.-у.	— финно-угорский
хакас.	— хакасский
хант.	— хантыйский
чув.	— чувашский
шар.	— шарангский
эст.	— эстонский
ягноб.	— ягнобский
яр.	— яранский

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Галкин. Народные названия месяцев в марийском языке 3
Л. Ш. Арсланов. Финно-угорский пласт в топонимии Агрызского района ТССР 31
А. Н. Куклин. Уральская гидролексема в топонимии Волго-Камья 44
М. Н. Кузнецова. Этимологические заметки о некоторых названиях домашних животных 55
А. С. Ефремов. Структурно-словообразовательный анализ флористической лексики марийского языка 63
О. А. Сергеев. Редкие и забытые слова марийского языка (по материалам рукописных словарей XVIII—XIX вв.) 76
В. Семенов. Марий йылмыште профессий ден специальностьым ончыктышо лӱм-влак 82
О. П. Терентьева. Гидронимы бассейна реки Немда . . 91

Обзоры и рецензии

Н. И. Исанбаев. Краткие итоги научной деятельности языковедов МарНИИ за 1981—1990 годы 105
Л. П. Грузов. Марий йылме тӱнямбалне. Йошкар-Ола, 1991. Рец. И. С. Галкин 114
А. Ермаков. Кушкыл, янлык, кайык... Йошкар-Ола, 1991. Рец. А. С. Ефремов 118

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 8

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Р. Е. Янгильдина*
Технический редактор *Е. М. Данилова*

Сдано в набор 21.09.92. Подписано к печати 29.12.92. Формат 84×108/32. Бумага типогр. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,51. Усл. кр.-отт. 6,72. Учетно-изд. л. 7,43. Тираж 500. Заказ 557. Цена договорная.

Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Мининформпечати республики Марий Эл, 424000 г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.